

Звезды
НОВОЙ
Фэнтези

ДЖИМ БАТЧЕР

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

ПЕРЕМЕНИ
АДСКАЯ РАБОТЕНКА

Изоощренные сюжеты со стремительным драйвом, боевыми столкновениями, взрывами и полноценной магией.

Library Journal

Джим Батчер
Архивы Дрездена:
Перемены. Адская работенка
Серия «Звезды новой фэнтези»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68878554

*Джим Батчер. Архивы Дрездена: Перемены. Адская работенка
(сборник): Азбука, Азбука-Аттикус; СПб; 2023*

ISBN 978-5-389-22346-2

Аннотация

Его зовут Гарри Блэкстоун Копперфилд Дрезден. Можете колдовать с этим именем — за последствия он не отвечает. Когда дела принимают странный оборот, когда то, чему положено хорониться во мраке, выползает на свет, когда никто больше не может помочь вам, звоните... Кому? Ему, Гарри Дрездену. Имя его есть в «Желтых страницах»...

Что бы вы чувствовали, когда внезапно узнали бы, что у вас есть дочь? А что бы вы ощутили, если бы вам сообщили, что дочь похищена? Правильно, двойной шок. Один от радости, другой от негодования. И чтобы ее спасти, вам следует поступиться всем, что есть в вашей жизни ценного.

Гарри Дрездену ради спасения дочери приходится пойти на союз с силами, откровенно ему враждебными, совершить

поступки, невозможные для обыкновенного человека. И даже, если судьба заставит, своей жизни не пожалеть («Перемены»).

Беда Дрездена в том, что он единственный чародей-профессионал во всем альтернативном Чикаго, и более обратиться не к кому. Отсюда и бесчисленные конфликты. То на него окрысятся безумные некроманты, то он пересечет дорожку властным коронованным фэйри, то загадочные вампиры из Черной Коллегии заимеют на Гарри зуб... Вот из таких историй, иногда смертельно серьезных, иногда абсурдно смешных, и состоит «Адская работенка» – выборка из множества материалов, хранящихся в личных архивах Дрездена.

Цикл произведений о Гарри Дрездене занимает достойное место в одном ряду с таким известным образцом фэнтези-детектива, как сериал о приключениях Гаррета, вышедший из-под пера Глена Кука.

Содержание

Перемены	7
Конец ознакомительного фрагмента.	315

Джим Батчер

Архивы Дрездена:

Перемены. Адская

работенка (сборник)

Jim Butcher

CHANGES

Copyright © 2010 by Jim Butcher

SIDE JOBS

Copyright © 2010 by Jim Butcher

Published by permission of the author and his literary agents, Donald Maass Literary Agency (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

All rights reserved

Книга «Адская работенка» ранее выходила под названием «Халтура».

© Н. К. Кудряшев, перевод, 2013

© К. С. Егорова, перевод, 2014

© Г. Г. Мурадян, Е. А. Барзова, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Батчер... разворачивает перед нами мрачноватое детективное полотно с мастерски сотканным, дышащим сверхъестественностью узором.

Booklist

Великолепная коллекция произведений, где герой снова и снова показывает, на что он способен, проникая в таинственные закоулки чарующего фантастического мира.

SFRevu

Гарри Дрезден – абсолютно оригинальный герой в абсолютно оригинальном мире. Каждая книга из этой серии – великое приключение.

Шарлин Харрис, автор цикла-бестселлера «Вампирские тайны»

Изоощренные сюжеты со стремительным драйвом, боевыми столкновениями, взрывами и полноценной магией.

Library Journal

Перемены

Глава 1

Я снял трубку.

– Они схватили нашу дочь, – сказала Сьюзен Родригес.

Я досчитал до пяти и откашлялся:

– Э... Чего?

– То, что слышал, – мягко произнесла Сьюзен.

– Ох, – сказал я. – Мм...

– Линия может прослушиваться, – сообщила она. – Я буду в Чикаго вечером. Тогда поговорим.

– Угу, – согласился я. – Идет.

– Гарри, – произнесла она. – Я не... Я никогда не хотела... – Она с нетерпеливым вздохом оборвала фразу. В трубке на заднем плане послышался голос из громкоговорителя, объявлявший что-то по-испански. – Потом успеем. Посадку объявили. Надо идти. Часов в двенадцать.

– Хорошо, – сказал я. – Я... буду здесь.

Она поколебалась, будто хотела сказать что-то еще, но все-таки повесила трубку.

Я сидел, продолжая прижимать телефон к уху. Через пару секунд послышались короткие гудки.

Наша дочь.

Она сказала: «Нашу дочь».

Я положил трубку. Вернее, попытался. Я промахнулся мимо рычага, и трубка упала на пол.

Мышь, мой огромный серый лохматый пес, поднялся со своего обычного места в крохотной кухне-нише, подошел и уселся у моих ног; его темные глаза выражали легкую тревогу. Выждав секунду-другую, он негромко фыркнул, взял зубами трубку, положил ее на аппарат и снова поднял на меня обеспокоенный взгляд.

– Я... – Я помолчал, пытаюсь свыкнуться с непривычным положением дел. – У меня... у меня, возможно, есть ребенок.

Мышь издал неопределенный звук.

– Угу. А мне, по-твоему, каково? – Некоторое время я тупо смотрел в противоположную стену, потом встал и потянулся за плащом. – Я... Думаю, мне нужно выпить. – Я кивнул сам себе. – Угу. Что-нибудь вроде этого... да.

Мышь огорченно вздохнул и поднялся.

– Конечно, – заверил я его. – Ты тоже можешь отправиться со мной. Черт, ты даже можешь довезти меня до дому, если что.

Большую часть дороги до «Макэнелли» мне постоянно сигналили. Меня это не волновало. Я ни разу никого не задел. А это ведь кое-что да значит. Я припарковал свой ста-

рый, потрепанный временем и боями «фольксваген-жук» на маленькой стоянке рядом с заведением Мака и двинулся к дверям.

Мышь негромко, но настойчиво фыркнул.

Я оглянулся. Оказывается, я оставил дверцу машины открытой. Пес носом захлопнул ее.

– Спасибо, – сказал я ему.

Мы вошли в таверну.

Заведение Мака напоминает кафе-бар «Чирз» после небольшого апокалипсиса. По всему помещению с неравными промежутками расположены тринадцать деревянных колонн, покрытых резьбой со сценами из мифов Старого Света, – некоторые из них забавные, но по большей части зловещие. Под потолком лениво вращаются тринадцать вентиляторов. У барной стойки замысловатой формы стоят тринадцать стульев. Столов в зале тоже тринадцать, и расставлены они на первый взгляд хаотично, а на деле – по продуманной схеме.

– Слишком много здесь числа тринадцать, – буркнул я себе под нос.

Время подходило к половине третьего. В таверне не было никого, кроме меня с псом – ах да, и Мака, конечно. Мак – мужчина среднего роста и среднего сложения, с сильными костлявыми руками и сияющей лысиной без малейшего намека на растительность. Возраста он где-то между тридцатью и пятьюдесятью и щеголяет всегда в белоснежном фартуке.

Несколько секунд Мыш внимательно смотрел на Мака. Потом резко уселся на верхней площадке короткого лестничного марша, ведущего от входа, повернулся и улегся у двери, положив морду на лапы.

Мак покосился в нашу сторону:

– Привет, Гарри.

Я кое-как доплелся до стойки. Мак достал бутылочку пива собственной варки, но я покачал головой:

– Э... Я бы сказал: «Виски, Мак», но не уверен, держишь ли ты у себя виски. Кажется, мне сейчас нужно что-нибудь крепкое.

Мак приподнял брови и удивленно уставился на меня.

Знай вы этого парня так же, как я, то поняли бы, что для него подобный жест – все равно что для другого отчаянный вопль.

Однако он налил мне в маленький стакан чего-то такого, светло-золотого цвета, и я выпил. Горло обожгло как следует. Я выдохнул, посидел некоторое время с раскрытым ртом и постучал пальцем по столешнице рядом со стаканом.

Мак нахмурился и налил еще.

Второй стакан я пил уже не спеша. Горло, правда, обжигало все равно, зато я смог наконец сосредоточиться – для начала хотя бы на боли. Мысли сами собой начали сгущаться вокруг нее, а потом и кристаллизироваться в более или менее определенную форму.

Мне позвонила Сюзен. Она летит в Чикаго.

И у нас с ней есть ребенок.

О котором она мне не говорила.

Сьюзен работала репортером в «желтой» чикагской газетенке, специализировавшейся на сверхъестественном. Большая часть работавших там относилась к этому как к забаве, но Сьюзен верила в то, что все это взаправду. Мы с ней не раз схлестывались, пока не сошлись. Мы пробыли вместе не слишком долго – немногим меньше двух лет. Мы были молодцы и счастливы друг с другом.

Наверное, я мог бы вести себя осторожнее. У всякого, кто не довольствуется ролью пассивного наблюдателя, рано или поздно появляются враги. Одна из моих врагов, вампир по имени Бьянка, похитила Сьюзен и заразила ее вампирской жаждой крови. Сьюзен не превратилась в вампира – но стоило бы ей утратить контроль над собой и хоть раз отведать чьей-то крови, как процесс обращения неминуемо дошел бы до конца.

Она и бросила-то меня потому, что боялась меня убить, превратившись при этом в монстра, и уехала из Чикаго, в надежде как-то справиться с собой.

Я убеждал себя, что она поступила единственно верно, но рассудок и разбитое сердце говорят на разных языках. Я так и не простил себя по-настоящему за то, что с ней случилось. Наверное, языки у рассудка и совести тоже разные.

Возможно, мне чертовски повезло, что я довольно долго пребывал в полном шоке, поскольку эмоции, что клубились

во мне тогда, по силе не уступали иному тропическому урагану. Опасные. Разрушительные. Я их не видел. Я мог только ощущать их побочные эффекты, но и этого хватало, чтобы оценить масштаб угрозы. Слепой гнев постоянно губит людей. Но в моем случае все может обернуться хуже. Гораздо хуже.

Я – профессиональный чародей.

Я могу наворотить такого, что большинству людей даже не снилось.

Магия и эмоции неразрывно взаимосвязаны. Мне доводилось сражаться, и мне не в новинку испытывать такой страх и гнев, что в эти моменты даже просто думать стоило огромных усилий. В экстремальных обстоятельствах я использовал магию, и в результате она несколько раз выходила из-под контроля. Когда обычный человек теряет контроль над своим гневом, кто-то получает травму. Кто-то может даже погибнуть. Когда подобное случается с чародеем, это грозит банкротством страховым компаниям, и простым косметическим ремонтом уже не обойтись – что-то приходится отстраивать заново.

Так вот, по сравнению с тем, что бурлило во мне теперь, те боевые эмоции казались мелкими анемичными котятками.

– Мне нужно поговорить с кем-нибудь, – услышал я словно со стороны свой голос. – С кем-нибудь трезвым, рассудительным. Мне надо привести мысли в порядок, пока все не полетело в тартарары.

Мак облокотился на стойку и посмотрел на меня.

Я крепче взялся за стакан.

– Помнишь Сьюзен Родригес? – тихо спросил я.

Он кивнул.

– Она говорит, кто-то захватил нашу дочь. Она прилетает сегодня вечером.

Мак медленно вдохнул и выдохнул. Потом взял бутылку, налил себе полстакана и сделал глоток.

– Я ее любил, – сказал я. – Может, до сих пор люблю. А она ничего мне не говорила.

Он кивнул.

– Может, она сочинила? – спросил я.

Он неопределенно хмыкнул.

– Мною и прежде, бывало, манипулировали. Я ведь с женщинами... того... слабак.

– Да, – согласился он.

Я нахмурился и посмотрел на него. Он слегка улыбнулся.

– Ей сейчас... шесть? Семь? – Я тряхнул головой. – Черт, даже посчитать толком не в состоянии.

Мак прикусил губу:

– Дело серьезное.

Я покончил со вторым стаканом. Некоторые острые углы сделались мягче. Мак коснулся пальцем бутылки и вопросительно посмотрел на меня. Я покачал головой.

– Она может меня обманывать, – пробормотал я. – Но если нет... значит...

Мак на мгновение закрыл глаза и кивнул.

– Значит, маленькая девочка попала в беду. – Я невольно стиснул зубы, потому что нараставший во мне ураган грозился вырваться наружу. – Моя маленькая девочка.

Он снова кивнул.

– Не помню, говорил ли я тебе, – сказал я. – Я рос сиротой.

Мак молча смотрел на меня.

– Случалось... Мне совсем хреново было. Когда хотелось, чтобы кто-нибудь меня спас. Очень мне этого хотелось. Я мечтал... мечтал о том, чтобы жить с кем-то. А когда этот кто-то пришел наконец, он оказался на поверку самым гнусным монстром. – Я тряхнул головой. – Я не позволю, чтобы такое случилось с моим ребенком.

Мак сложил руки на стойке перед собой.

– Тебе нужно вести себя очень осторожно, Гарри, – произнес он неожиданно звучным баритоном.

Я потрясенно уставился на него. Он... он изъяснялся длинными фразами!

– Такого испытания, как это, у тебя, Гарри, еще не было, – продолжал Мак. – Тебе предстоит понять, кто ты на самом деле. Тебе предстоит решить, какие принципы ты готов отстаивать до самой смерти, какие черты преступать. – Он забрал у меня пустой стакан. – Ты направляешься неведомо куда, Гарри, а там легко заблудиться.

Я потрясенно дослушал его монолог до конца и так же потрясенно наблюдал, как он допивает свой стакан. Он помор-

щился, будто обжегся огненной жидкостью. А может, просто перенапряг голосовые связки.

С минуту я смотрел на свои руки.

– Сэндвич с говядиной, – произнес я наконец. – И мохнатому что-нибудь.

Мак издал утвердительный звук и принялся за готовку. Он не спешил, угадывая чутьем бармена мои намерения. Не то чтобы я очень хотел есть, просто надо было убить время, пока жжение уймется.

Он поставил передо мной тарелку с сэндвичем. Потом достал миску, положил в нее каких-то костей, мясных обрезков и отнес Мышу, поставив рядом еще одну миску – с водой. Я принялся за сэндвич, машинально отметив про себя, что Мак никогда не носит еду на столики. Ни для кого. Наверное, он просто любит собак.

Я не спеша доел сэндвич и расплатился с Маком.

– Спасибо, – сказал я.

Он кивнул:

– Удачи.

Я поднялся и побрел обратно к машине. Мыш шел рядом, наострив уши и явно ожидая, что такого я еще выкину.

Я приводил мысли в порядок. В конце концов, мне нужно быть осторожным. Держать ухо востро. А еще сдерживать бушевавший внутри ураган, потому что единственное, в чем я не сомневался ни капли, так это в том, что кто-то – может, Сьюзен, а может, мои враги – пытается мною манипулиро-

вать.

Так или иначе Мак говорил дело.
Я направлялся неведомо куда.

Глава 2

Сьюзен приехала около часу ночи.

Вернувшись от Макэнелли, я сразу спустился в свою подвальную лабораторию и занялся делами, требующими полной сосредоточенности. На протяжении следующих нескольких часов я подготовил пару вещей, которые могли пригодиться в ближайшем будущем. Потом вернулся по стремянке наверх и надел свои силовые кольца. Каждое из них представляет собой оплетку из трех серебряных колечек, накапливающих кинетическую энергию с каждым движением руки. В прошлом они не раз доказывали свою эффективность, однако их не мешало бы подзарядить, поэтому следующие полчаса я провел, выколачивая дух из тяжелого мешка, подвешенного к потолку в углу гостиной.

Я принял душ, переоделся во все чистое, приготовил подобие ужина – и ни на мгновение не прекращал двигаться. Я боялся, что стоит мне остановиться, и в голову ползут всякие мысли, и я не знал, удастся ли мне с ними справиться.

Спать я даже не пытался. Что поделать, не судьба.

Поэтому я поддерживал темп. Я прибрался на кухне. Вымыл Мыша и расчесал его шерсть. Привел в порядок гости-

ную, спальню и ванную. Сменил наполнитель в поддоне у Мистера, моего кота-переростка. Даже выгреб золу из камина и поменял свечи в подсвечниках, — видите ли, моя квартира освещается исключительно свечами.

Прошло никак не меньше двух часов, пока до меня дошло, что я пытаюсь навести глянец в моей квартире, потому что сейчас придет Сюзен. Похоже, старые привычки умирают не скоро.

Я как раз спорил сам с собой, стоит ли мне искупать еще и Мистера, который в это время сверлил меня подозрительным взглядом со своего излюбленного места на самой высокой книжной полке, когда в дверь осторожно постучали.

Сердце мое забилося быстрее.

Я открыл дверь и оказался лицом к лицу со Сюзен.

Роста Сюзен среднего, а значит, почти на фут ниже меня. Черты лица у нее резкие, даже угловатые — за исключением губ. Волосы прямые, темные, глаза даже еще темнее, а кожа, всегда бронзово-смуглая, приобрела более глубокий оттенок, чем в нашу прошлую встречу. И она немного похудела. На шее отчетливо выступили жилки, да и скулы казались острее, чем прежде. Она была одета в черные кожаные штаны, черную футболку и кожаную куртку в пару к штанам.

И она не постарела ни на день.

Со времени нашей последней встречи прошло лет шесть. Или семь? Как правило, после такой долгой разлуки ожидаешь, что человек изменится — хотя бы немного. Необяза-

тельно сильно. Может быть, несколько лишних фунтов веса, несколько новых морщин, несколько седых волосков. Люди меняются. А Сьюзен не изменилась. Вообще.

Наверное, это положительная сторона жизни наполовину обращенного вампира Красной Коллегии.

– Привет, – тихо произнесла она.

– Привет, – откликнулся я.

Я мог встретиться с ней взглядом, не боясь провалиться к ней в душу. Мы с ней проделали это давным-давно.

Она опустила взгляд и сунула руки в карманы куртки.

– Гарри... Можно, я войду?

Я отступил на полшага:

– Не знаю. А ты можешь войти?

В глазах ее загорелся сердитый огонек.

– Ты думаешь, я обратилась?

– Я думаю, что ненужный риск меня больше не привлекает.

Она крепко сжала губы, но понимающе кивнула и перешагнула мой порог – барьер магической энергии, окружающий любое жилище. Вампиру это не удалось бы сделать без моего разрешения.

– Хорошо, – кивнул я, пропуская ее в комнату и делая шаг обратно, чтобы запереть дверь. Выглянув наружу, я увидел светловолосого мужчину заурядной внешности, сидевшего на верхней ступеньке бетонной лестницы, что вела вниз, в мою квартиру. На нем были армейские штаны цвета хаки и

синяя джинсовая куртка, оттопыривавшаяся под мышкой – там, где висела кобура. Он работал со Сьюзен, и звали его Мартин.

– Привет, – сказал я. – Рад видеть.

Губы его скривились в весьма отдаленном подобии улыбки.

– Взаимно.

Я захлопнул дверь и из вредности лязгнул засовом громче, чем стоило бы.

Сьюзен чуть улыбнулась и покачала головой. Она начала медленно оглядываться по сторонам – и вдруг застыла, услышав рычание из ниши, где расположена моя кухонька. Мышь не поднялся, да и сам рык звучал не настолько угрожающе, как мне доводилось слышать раз или два, – просто вежливое, но предостерегающее рычание.

Секунду или две Сьюзен не шевелилась, глядя в ту сторону. Потом посмотрела на меня.

– Ты завел собаку, – заметила она.

– Скорее это он меня завел, – поправил я.

Сьюзен кивнула и продолжала рассматривать комнату.

– Ты немного поменял обстановку.

– Зомби, – пояснил я. – И оборотни. Тут несколько раз устраивали погром.

– Никогда не могла понять, почему ты не переедешь из этой тесной, затхлой норы.

– Затхлой? Тесной? Это мой дом. Хочешь чего-нибудь?

Колы, пива?

– Вода есть?

– Конечно. Садись.

Сьюзен молча подошла к одному из кресел у камина и осторожно, напряженно выпрямив спину, присела на краешек. Я налил в стакан воды, добавил льда, захватил себе банку колы и принес все это ей. Потом опустился в соседнее кресло, повернул его так, чтобы мы сидели если не лицом, то хотя бы под углом друг к другу, и открыл свою банку.

– Ты правда собираешься оставить Мартина на улице? – не без иронии поинтересовалась она.

– Еще как собираюсь, – невозмутимо ответил я и сделал глоток.

Она кивнула и приложила стакан к губам. Может, даже отпила немного.

Я выждал сколько мог – целых две или три секунды – и только потом нарушил нелегкую тишину.

– Итак, – спросил я по возможности небрежнее, – что нового?

Ее темные глаза внимательно изучали меня, потом губы сжались чуть сильнее.

– Это будет болезненно для нас обоих. Так что давай сразу покончим с этим. Некогда ходить вокруг да около.

– Ладно. Наш ребенок? – спросил я. – Твой... и мой?

– Да.

– Ты в этом уверена?

Лицо ее сделалось бесстрастным.

– Никого другого не было, Гарри. Никого – с той самой ночи у тебя. И два года до этого – тоже никого.

Если она и лгала, это никак не проявлялось. Некоторое время я переваривал услышанное, потягивая колу.

– Мне казалось, это из тех вещей, которые мне можно было бы и сообщить.

Я произнес это значительно спокойнее, чем полагал возможным. Не знаю, правда, что отображалось при этом у меня на лице. Но загорелая кожа Сьюзен побледнела на несколько оттенков.

– Гарри, – тихо сказала она. – Я понимаю, ты наверняка сердишься.

– Когда я сержусь, я испепеляю все направо и налево и крушу дома, – возразил я. – А сейчас эта стадия давно позади.

– Ты имеешь полное право сердиться на меня, – вздохнула она. – Но я поступала так, как, мне казалось, лучше для нее. И для тебя тоже.

Клокотавший у меня в груди ураган усилился. Но я заставил себя сидеть неподвижно, дыша медленно и ровно.

– Я слушаю.

Она кивнула и помолчала, собираясь с мыслями.

– Ты ведь не знаешь, как там обстоит дело. В Центральной Америке и дальше на юг, вплоть до Бразилии. Есть причина, по которой многие из этих стран влачат жалкое существова-

ние в состоянии, близком к анархии.

– Красная Коллегия, – кивнул я. – Знаю.

– Ты знаешь, но абстрактно. Никто из Белого Совета там не жил. Не видел, что происходит с людьми, которыми правят Красные. – Она поежилась и зябко сложила руки на животе. – Это кошмар. И им не противостоит никто, кроме Братства и еще нескольких почти нищих представителей церкви.

Братство святого Жиля представляло собой собрание изгоев сверхъестественного мира, многие из которых, как и Сьюзен, наполовину обратились в вампиров. Они ненавидели Красную Коллегию жаркой ненавистью и делали все, что в их силах, чтобы при малейшей возможности противостоять вампирам. Они действовали боевыми ячейками, выбирали цели, натаскивали рекрутов, закладывали бомбы и финансировали все эти операции с помощью сотен полулегальных фирм. В общем, настоящие террористы: умные, стремительные и жестокие. Такими им приходилось быть.

– Знаешь, а ведь в остальном мире тоже не Диснейленд, – негромко сказал я. – Я тоже всяких кошмаров насмотрелся за время войны. И не только.

– Я не пытаюсь принизить того, что делает Совет, – возразила она. – Я просто пытаюсь объяснить, с чем мне приходилось тогда иметь дело. Отряды Братства редко ночуют в одном месте дважды. Мы все время в пути. Постоянно заставляем что-нибудь или убегаем от чего-то. В таком мире нет

места ребенку.

– Если не считать того, у кого есть дом и постоянный доход, кто способен дать ей кров, – заметил я.

Взгляд у Сюзен сделался жестче.

– Сколько людей из твоего окружения погибло, а, Гарри? А сколько ранено? – Она запустила пальцы в волосы. – Ради бога. Ты сам только что сказал, что твой дом подвергнулся нападению. Скажи, тебе было бы легче, если бы у тебя на руках оказался еще и младенец, требующий ухода?

– Боюсь, этого мы уже не узнаем, – ответил я.

– Я понимаю. – Голос ее вдруг зазвенел от напряжения. – Господи, неужели ты думаешь, я сама не хотела стать частью ее жизни? Я реву каждый раз перед сном – если вообще могу уснуть. Но, в конце концов, я не могла предложить ей ничего, кроме жизни в бегах. А ты – ничего, кроме жизни в осаде.

Я молча смотрел на нее.

Мне было нечего возразить.

– Поэтому я сделала единственное, что могла сделать, – продолжала она. – Нашла для нее дом. Вдали от войны. Где она могла бы нормально жить. Где ее любили.

– Но мне про это не сказала.

– Если бы Красная Коллегия узнала про мою дочь, они использовали бы ее против меня. Либо для шантажа, либо просто из мести. Чем меньше людей знало бы о ее существовании, тем меньше ей грозило бы. Я не говорила тебе о ней, хоть и понимала, что это неправильно. Хоть и понима-

ла, что тебя это приведет в бешенство... еще и из-за твоего собственного детства. – Она подалась вперед, и глаза ее горели почти тем же жаром, что и слова, которые она произносила. – И я совершила бы вещи в тысячу раз худшие, если бы это могло лучше ее защитить.

Я отхлебнул еще немного колы.

– Итак, – сказал я, – ты скрывала ее от меня, чтобы ей меньше грозило. И ты отослала ее на воспитание к чужим людям, чтобы ей меньше грозило. – Буря во мне разгоралась все сильнее, начиная прорываться в голос. – И как, помогло?

Глаза у Сюзен вспыхнули. На коже начали проступать красные завитки, похожие на татуировку, только выполненную исчезающими чернилами: у Братства это служит подобием индикатора настроения. Завитки покрывали у нее поллица и шею.

– Братство шантажируют, – произнесла она резко. – Графиня Арианна из Красной Коллегии каким-то образом узнала о ней и захватила ее. Тебе знакомо это имя?

– Угу, – буркнул я, стараясь не обращать внимания на то, как похолодела во мне кровь при упоминании этого имени. – Вдова графа Ортеги. Она поклялась отомстить мне – помнится, однажды даже пыталась купить меня на eBay.

Сюзен изумленно моргнула:

– Как это?.. Хотя ладно, не бери в голову. Наши информаторы в Коллегии говорят, она задумала для Мэгги что-то особенное. Нам необходимо вернуть ее.

Я сделал еще один медленный вдох и на мгновение закрыл глаза.

– Мэгги, говоришь?

– В память о твоей матери, – прошептала Сьюзен. – Маргарет-Анжелика. – Я услышал, как она роется в кармане. – Вот.

Я открыл глаза и увидел маленькую, чуть больше паспортной, фотографию темноглазой девочки лет пяти. В розовом платье, с фиолетовыми лентами в темных волосах. Девочка смотрела с широкой, заразной улыбкой. Какая-то спокойная, отстраненная часть меня запомнила это лицо на случай, если мне понадобится узнать его. Остальная часть старалась не вглядываться в него и думать об изображении как о простом, ничего особенного не означающем сочетании бумаги и принтерных чернил.

– Это двухлетней давности, – тихо пояснила Сьюзен. – Более поздних у меня нет. – Она прикусила губу и протянула фотографию мне.

– Оставь себе, – так же тихо сказал я.

Она убрала фотографию. Красные знаки на коже бледнели.

Я устало потер глаза.

– Ладно, – сказал я. – Нам пока придется забыть о твоём решении удалить меня из её жизни. Потому что собачиться сейчас из-за этого нет смысла, а единственный шанс на её спасение – если мы будем действовать вместе. Договори-

лись?

Сьюзен кивнула.

Следующие слова я процедил сквозь зубы:

– Но я ничего не забыл. И не забуду. Потом рассчитаемся.

Ты поняла?

– Да, – прошептала она. И подняла на меня взгляд своих огромных глаз, в которых блестели слезы. – Я не хотела делать тебе больно. Или ей. Я только...

– Нет, – перебил я. – Поздно. Мы просто теряем время, которого и так мало.

Сьюзен резко отвернулась от меня к камину и закрыла глаза. Когда она открыла их, уже снова контролировала выражение своего лица.

– Хорошо, – произнесла она. – В качестве первого шага у нас есть несколько вариантов действий.

– Например?

– Дипломатия, – ответила она. – Я кое-что о тебе слышала. Половина, скорее всего, вранье, но я знаю, что у тебя есть кое-какие связи. Если нас поддержит достаточное количество членов Совета, нам, возможно, и удалось бы вернуть ее без инцидентов.

Я фыркнул:

– Или?

– Предложить Красному Королю репарации в обмен на жизнь ребенка. У него в этом деле нет личной заинтересованности, и он выше Арианны по статусу. Дать ему взятку

побольше, и ей придется отпустить Мэгги.

– Вниз с крыши, – буркнул я.

Сьюзен пристально посмотрела на меня:

– А что, по-твоему, нам делать?

Я почувствовал, как мои губы изображают что-то, возможно, не слишком похожее на улыбку. Буря угнездилась уже в областях, окружающих мое сердце, а вихри ее подбирались к горлу. Прошло, наверное, добрых десять секунд, прежде чем я смог заговорить, да и тогда голос мой смахивал скорее на рычание.

– Что делать? – переспросил я. – Красные похитили нашу девочку. Черта с два они дождутся за это какой-либо платы.

В ответ глаза у Сьюзен вспыхнули жарким, жутким голодом.

– Мы найдем Мэгги, – продолжал я. – Мы отобьем ее у них. И мы убьем всякого, кто встанет у нас на пути.

Сьюзен поежилась, и из глаз ее хлынули слезы. Она низко наклонила голову и всхлипнула. Потом протянула руку и коснулась пальцами моей левой руки, все еще покрытой жуткими шрамами. Опустила взгляд на ожоги, сочувственно поморщилась и начала отводить руку.

Я поймал ее пальцы и крепко сжал. Она отозвалась таким же пожатием. Долгую секунду мы молча держались за руки.

– Спасибо, – прошептала она. Ладонь ее дрожала в моих пальцах. – Спасибо, Гарри.

Я кивнул. Я собирался сказать что-то такое, что успоко-

ило бы ее, и при этом сохранить отстраненность, но тепло ее руки оказалось сильнее. Не обращать на него внимания я не мог. Я был в ярости на Сюзен – в такой ярости, испытывать которую можно только тогда, когда боль тебе причиняет тот, кто тебе очень дорог. Однако и вывод из этого следовал неизбежный: она все еще дорога мне, иначе бы я не злился.

– Мы найдем ее, – повторил я. – И я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуть ее целой и невредимой.

Сюзен подняла на меня глаза, полные слез, и кивнула. Потом протянула руку и осторожно провела пальцами по шраму у меня на щеке. Более свежему шраму, совсем яркому, еще зудевшему. Наверное, он делал меня похожим на персонажей-немцев из голливудских фильмов золотой эры кинематографа, на чьих щеках полагалось красоваться шрамам, полученным на дуэлях. Кончики ее пальцев были нежными, теплыми.

– Я не знала, что мне делать, – призналась она. – С ними никто не хотел связываться. Вообще никто.

Взгляды наши встретились, и вдруг былая страсть вспыхнула с новой силой, разгоревшись от сомкнутых рук и ее пальцев на моем лице. Зрачки ее чуть расширились, а мое сердце заколотилось как бешеное. Я был в ярости на Сюзен. Но похоже, тело мое просто прочитало эту ярость как возбуждение и не потрудились изучить написанное мелким шрифтом. Долгое мгновение я смотрел ей в глаза, потом прокашлялся – горло пересохло.

– Кажется, именно так мы заварили всю эту кашу?

Она издала неопределенный звук, который должен был изображать смех, и отняла руки.

– Я... Мне очень жаль. Я не хотела. – Голос ее дрогнул. – Со мной такого столько лет не случалось...

Я понимал, что она хочет сказать. Я сделал несколько глубоких, размеренных вдохов, отделяя разум от тела.

– Сюзен, – тихо произнес я наконец. – Что бы ни случилось дальше... между нами все кончено. – Я поднял на нее глаза. – Ты сама это понимаешь. Понимала, когда предпочла ничего мне не говорить.

Теперь она вдруг показалась мне совсем хрупкой. Она медленно кивнула, словно стоит ей сделать одно резкое движение – и она сломается. Потом сложила руки на коленях.

– Я... понимаю. Да, понимала.

Молчание затягивалось.

– Ладно, – произнес я наконец. – А теперь... – Я сделал еще один глубокий вдох и постарался убедить себя, что это поможет. – Насколько я понимаю, ты прилетела в Чикаго не только для того, чтобы со мной поболтать. Для этого ты могла обойтись и без Мартина.

Она повела бровью и кивнула:

– Верно.

– Тогда что?

Она, похоже, окончательно взяла себя в руки, и голос ее сразу стал деловым:

– У вас в городе есть база Красных. Неплохое место для начала.

– Отлично, – сказал я, вставая. – Раз так, начнем.

Глава 3

– Надеюсь, у вас не осталось никаких обид? – спросил у меня Мартин, выводя машину с усыпанной гравием стоянки рядом с моим домом.

Чтобы я мог разместить свои длинные, как у журавля, ноги, Сюзен уселась в арендованной машине сзади, оставив мне место рядом с водителем.

– Обид? – переспросил я.

– В связи с нашей первой встречей, – пояснил Мартин.

Машину он вел так же, как делал все, – ровно. Полное торможение на светофорах. Пять миль в час под знаком. Куда бы мы ни направлялись, у нас ушла бы на это вечность.

– Вы имеете в виду то, как вы использовали меня в попытке убить Ортегу? – уточнил я. – Тем самым гарантированно нарушив дуэльный кодекс, в результате чего дуэль считается недействительной, а война с Белым Советом продолжается?

Мартин покосился на меня, потом в зеркальце заднего вида – на Сюзен.

– Я же говорила тебе, – сказала она ему. – Он может не разобраться сразу. Но рано или поздно понимает все.

Я слегка кивнул Сюзен.

– Оглядываясь назад, несложно было разобраться, что вы там делали, – признался я. – Война Красной Коллегии с Белым Советом – лучшее, что случилось с Братством за много веков его существования.

– Я работаю с ними немногим более ста лет, – отозвался Мартин. – Но действительно, за это время ничего лучше не происходило. Белый Совет – единственная организация на планете, способная составить для них существенную угрозу. И каждый раз, когда Совет одерживал победу – или хотя бы продолжал существовать после того, что должно было стать сокрушительным поражением, – противоречия внутри Красной Коллегии обострялись еще сильнее. Многие из них лелеют зависть или вражду к соперникам уже не одно тысячелетие. Просто фантастический масштаб раздоров.

– Можете обозвать меня чудачком, – буркнул я, – но мне пришлось видеть слишком много детей, погибших на войне, которую вы помогли гарантированно продлить. Никаких обид? – Я недобро улыбнулся. – Поверьте мне, Мартин, на вашем месте я бы не захотел напоминать мне сейчас о тех событиях.

Я кожей ощущал на себе внимательный взгляд Мартина и то, как напряглось его тело. Он явно думал о своем пистолете. С огнестрельным оружием он управлялся здорово. В ночь моей дуэли с вампиром по имени Ортега Мартин вогнал в него пулю из своей снайперской винтовки примерно за полсекунды до того, как вампир успел бы убить меня. Это

являлось грубейшим нарушением дуэльного кодекса – набора правил для разрешения конфликтных ситуаций между отдельными представителями сообществ, подписавших Неписанный договор.

Итог честно проведенной дуэли мог бы положить конец войне между Красной Коллегией и чародейским Белым Советом и тем самым спасти множество жизней. Но все обернулось совсем не так.

– Да вы не расстраивайтесь, приятель, – утешил я его. – Ортега к тому моменту в любом случае уже практически нарушил дуэльный кодекс. Все пошло к чертям вне зависимости от того, что совершили в тот вечер вы. И ваше присутствие там привело к тому, что пулю в последнюю секунду схлопотал он, а не я. Ты спас мне жизнь. Я осознаю это.

Я продолжал улыбаться. Однако это казалось не слишком правильным, поэтому я постарался высказаться жестче:

– Я также осознаю, что, если бы вы могли получить то, что хотели, всадив пулю мне в спину, а не ему в грудь, вы бы сделали это не моргнув глазом. Так что вряд ли следует ожидать от меня дружеских чувств.

Мартин посмотрел на меня еще раз и расслабился.

– Надо же, какая ирония! – заметил он. – Как вы, выдвигенец из низов Белого Совета, мгновенно встаете в позу для моральных наставлений.

– Прошу прощения? – негромко произнес я.

Он говорил бесстрастно, но где-то глубоко за словами

ощущался скрытый огонь – впервые за все время, что я его знал.

– Я тоже видел, Дрезден, как детей убивают, словно скотов, а вашему мудрому и могущественному Совету на это наплевать, потому что жертвы бедны и находятся далеко, – разве это не прекрасный повод для них погибнуть? Вот так. Если бы пуля, пущенная в вас, заставила Совет обрушиться на Красную Коллегию всей своей мощью, я бы выпустил две и даже приплатил за такую возможность. – Он затормозил на красный свет и посмотрел на меня в упор. – Хорошо, что мы прояснили эту ситуацию. Или вы хотите сказать что-нибудь еще?

Я встретил его взгляд:

– Вы выбелили волосы. У вас теперь вид как у гея.

Мартин невозмутимо пожал плечами:

– На последнем задании я работал стюардом на круизном лайнере, обслуживающем именно эту категорию пассажиров.

Я нахмурился и покосился на Сьюзен.

– Было дело. – Она кивнула.

Я скрестил руки на груди и сердито уставился в ветровое стекло.

– Я в буквальном смысле слова убивал людей, которые нравились мне больше вас, Мартин, – произнес я. И, помолчав, спросил: – Мы еще не приехали?

– Здесь, – объявил Мартин, остановив машину перед вхо-

ДОМ В ДОМ.

Я всмотрелся в здание. Ничего особенного, обычный чикагский дом. Двенадцать этажей, немного выцветший фасад, типичное здание со сдаваемыми в аренду офисами.

– Вряд ли Красные... Послушайте, это не может быть здесь! – выпалил я. – В этом здании находится мой офис.

– Нам известно, что подвластная Красной Коллегии деловая структура приобрела его почти восемь лет назад, – сообщил Мартин, загоня машину на стоянку и вытягивая ручник. – Насколько я понимаю, вы должны были заметить неожиданное повышение арендной платы.

Я глупо поморгал:

– Я... плачу арендную плату Красной Коллегии?

– Повышенную арендную плату, – поправил меня Мартин, сделав легкое ударение на первом слове. – Графине Арианне не откажешь в специфическом чувстве юмора. Если это вас утешит, могу добавить, что здешние сотрудники не имеют ни малейшего представления о том, на кого они в действительности работают. Они полагают, что это фирма, обеспечивающая конфиденциальной информацией многонациональную торговую корпорацию.

– Но это... мое здание. – Я нахмурился и потряхнул головой. – И что мы собираемся делать?

Мартин вылез из машины и открыл багажник. Сьюзен присоединилась к нему. Я за компанию вышел тоже.

– Мы, – ответил Мартин, явно не включая в это понятие

меня, – собираемся проникнуть в офис и вынести документы, которые, как мы надеемся, способны дать представление об убежищах Арианны и ее намерениях. Вы останетесь у машины.

– Черта с два останусь! – возразил я.

– Гарри, – вразумительно, но твердо сказала Сьюзен. – Это компьютеры.

Я охнул так, словно Сьюзен врезала мне локтем под дых. Чародеи и компьютеры сосуществуют примерно так же, как библиотеки с огнеметами. Вся техника ведет себя в присутствии смертного чародея ненадежно, и чем она современнее, тем, похоже, уязвимее. Если бы я отправился с ними... Вы ведь не берете с собой в птичью лавку кота? Не потому, что кот плохо воспитан, а потому, что он кот.

– Ох! – выдохнул я. – Раз так... да, мне, пожалуй, лучше остаться у машины.

– Велик шанс, что за нами следят, если не гонятся, – сказал Мартин, обращаясь к Сьюзен. – Нам пришлось улетать из Гватемалы в спешке, без обычных предосторожностей.

– У нас не было времени, – ответила Сьюзен, и в голосе ее прозвучало усталое раздражение. Я словно подслушивал привычную частую ссору двух супругов. Она открыла в багажнике чемодан и принялась распахивать по карманам какие-то предметы. – Надо было срочно выправить все документы.

Секунду или две Мартин молча смотрел на нее, потом до-

стал из чемодана один-единственный предмет и закинул на плечи станковый рюкзак. Должно быть, в нем находились какие-то компьютерные примбамбасы. Я отошел от него подальше и постарался выбросить из головы все злые мысли.

– Ты просто посторожи здесь, Гарри, – попросила Сюзен. – Мы вернемся минут через двадцать, если не раньше.

– Или не вернемся, – уточнил Мартин. – И тогда будем точно знать, что наш неуклюжий вылет обернулся против нас.

Сюзен негромко раздраженно фыркнула, и они вдвоем направились к дому, задержались возле запертых дверей секунды на три и исчезли внутри.

– А мне просто стоять здесь, – буркнул я. – Как какому-нибудь рыжему псу Клиффорду. Слишком большому и глупому, чтобы заходить в дом вместе с Эмили-Элизабет. А ведь это мое здание. – Я тряхнул головой. – Адские погрешности, я вне игры! Или с катушек съехал. В том смысле, что стою тут и разговариваю сам с собой.

В общем-то я понимал, почему я разговариваю сам с собой: если бы я замолчал, мне не о чем было бы думать, кроме как о маленьком человечке – перепуганном, одиноком в логове монстров. А это заставило бы меня думать о том, как ловко меня исключили из ее жизни. А уже это перевело бы мои мысли на зверя у меня в груди, который все еще пытался вырваться наружу.

Когда местная злодейка из Красной Коллегии, покойная

Бьянка, похитила Сьюзен и начала превращать ее в полноценного вампира, она делала это для того, чтобы лишить меня подруги. Так или иначе это ей удалось. Та Сьюзен, которую я знал, – остроумная, смешливая, всегда готовая получать удовольствие от жизни вообще и жизни со мной в частности – исчезла навсегда.

Теперь она превратилась в нечто среднее между мстительницей Эммой Пил и Халком женского пола. И один раз с тех пор мы с ней любили друг друга. И в результате этого родился ребенок. И Сьюзен лгала м...

Прежде чем я успел прокрутить эту логическую цепочку еще раз, по спине у меня пробежал холодок.

Я даже не стал оглядываться. Несколько лет рискованных операций со Стражами, недостаточно взрослыми даже для того, чтобы самостоятельно покупать пиво, научили меня доверять инстинктам, когда они включались в темном городе в два часа ночи. Не успев толком осознать, что делаю, я припал к земле, раскинул руки в стороны и выстроил вокруг себя завесу.

Завесы – это тонкий, изощренный раздел магии, позволяющий с помощью базовых магических теорий делать предметы или людей менее заметными. По части завес я такой бездарь, что почти никогда не прибегал к ним, но все-таки разбирался в этом достаточно, чтобы обучить принципам пользования свою ученицу Молли Карпентер. У Молли настоящий талант к завесам, она схватывала все на лету, по-

этому мне пришлось крепко потренироваться, чтобы не уронить себя в глазах Кузнечика (таким прозвищем я ее окрестил).

Короче говоря, простейшие завесы на скорую руку мне теперь вполне по силам.

Когда невидимое поле искривило световые лучи, улица вокруг немного потемнела. Находясь под завесой, ты и сам хуже видишь окружающий мир, но я пошел на этот риск сознательно. Я решил, что оно того стоит. Если кто-нибудь целится в меня из ружья или пистолета, от угла здания, за которым я мог бы укрыться, меня отделяло солидное расстояние. Лучше побыть невидимкой.

Я пригнулся к земле рядом с машиной, не совсем невидимый, но близко к тому. Для завесы очень важны способность сохранять спокойствие и неподвижность. Этого трудно достичь, когда тебе кажется, что опасность близка и кто-то, возможно, готовится вот-вот лишит тебя способности к мышлению самым что ни на есть насильственным образом. Но я справился с адреналиновой бурей и успокоил дыхание. Да, я это умею.

Поэтому я смог разглядеть полдюжины фигур, несущихся ко входу в здание с жуткой, почти паучьей ловкостью. Две перемещались по крышам – они отдаленно напоминали человека, но плавностью движений не уступали вышедшей на охоту кошке. Трое других приближались по земле, перебегая из тени в тень. Я видел только неясные очертания, однако по

спине у меня побежали струйки пота.

Последняя, шестая фигура скользила по стенам зданий, перепрыгивая с одного на другое. Она цеплялась за стены, словно гигантский паук, и перемещалась с жуткой скоростью.

Я так и не смог разглядеть ничего, кроме этого, – одни лишь мерцающие тени,двигающиеся со зловещей целеустремленностью. Но я знал, кого вижу.

Вампиры.

Вампиры Красной Коллегии.

Они сбегались к дому, в котором находился мой офис, как акулы к куску сочившегося кровью мяса.

Буря у меня в груди разыгралась с новой силой; и когда они у меня на глазах исчезли в дверях здания – моего здания, черт побери! – как тараканы, нашедшие лаз туда, где им быть не положено, злоба поднялась из груди к самым глазам, так что отражения уличных фонарей в окнах сделались красными.

Я позволил вампирам войти в дом.

А затем собрал всю свою злость, всю боль, заточив их как нематериальные мечи, и скользнул за ними.

Глава 4

Мой жезл висел на петле за отворотом плаща – дубовый стержень длиной дюймов восемнадцать и чуть толще моего

большого пальца. Приятно было, выхватывая его, ощутить пальцами знакомые очертания вырезанных на нем рун и символов.

Я вошел в дом так тихо, как только мог, отперев дверь своим ключом. Завесу я сбросил, только оказавшись внутри. На таком расстоянии от вампиров от нее толку никакого: они все равно почуяли бы мой запах и услышали бы стук моего сердца. Зато мое зрение она заметно ограничивала, а это слишком рискованно.

Лифтом я не воспользовался. Своим скрипом и стуком он наверняка оповестил бы всех в здании о том, где я нахожусь. Я сверился с висевшим в вестибюле списком. «Дата-сейф, инк.» размещался на девятом этаже, пятью этажами выше моего офиса. Скорее всего, Мартин со Сьюзен сейчас там. Значит, и вампиры направляются туда же.

Я выбрал лестницу – решил рискнуть. Заговоры, приглушающие звук и позволяющие вести разговор в приватном режиме, для чародея моего уровня – плевое дело, а сделать так, чтобы меня вообще не было слышно уже в паре ярдов, ненамного сложнее. Разумеется, это означало, что я и сам не мог уловить никаких звуков извне. Но на данный момент, по крайней мере, я знал, где находятся вампиры, тогда как они, предположительно, не догадывались о моем присутствии. Я хотел до поры до времени оставить все именно так.

Все равно в ближнем бою к тому моменту, как я услышал бы шум, производимый невидимым вампиром, я мог бы со

значительной долей уверенности считать себя покойником.

Поэтому я прошептал несколько слов фонотургического заклинания и начал быстро подниматься по лестнице в абсолютной тишине. Что, конечно, было очень кстати. Вообще-то, я регулярно занимаюсь бегом, но одно дело – бежать по тротуару или песчаному пляжу, и совсем другое – по лестнице. Когда я добрался до девятого этажа, ноги у меня едва не отваливались, я задыхался, а левая коленка просто выводила из себя. Какого черта? С каких это пор я должен беспокоиться из-за коленок?

Ободрив себя этой мыслью, я задержался на миг перед выходом с лестницы, потом отворил дверь все под той же завесой тишины и тут же убрал завесу, чтобы прислушаться.

Из коридора – кажется, из-за ближнего от меня угла – доносилось шипение и странная, клокочущая речь. Я в буквальном смысле слова затаил дыхание. Вампиры обладают сверхчеловеческим чутьем, но и отвлечься могут, как любой другой. Если они разговаривают, то могут и не слышать крадущихся шагов, а остаточные запахи от множества работавших здесь днем людей, возможно, помешают им унюхать меня.

И вообще, шепнул мне голос откуда-то из эпицентра бушевавшего в моей груди урагана, какого черта мне прятаться от этих кровожадных ублюдков? Вампиры Красной Коллегии – убийцы, все до единого. Наполовину обращенный вампир не пройдет превращения до конца, не прикончив друго-

го человека и не напившись его крови. Понятное дело, новичку, втянутому в Красную Коллегию против его воли, приходится противостоять новому, почти неодолимому голоду, однако это не отменяет того факта, что раз он стал обладателем полноценного членского билета Коллегии, значит ему пришлось для этого кого-то убить.

Монстры. Монстры, утаскивающие людей во мрак и проделывающие с ними ради забавы самые неопишуемые штуки. Кому это знать, как не мне! Они проделали со мной такое как-то раз. Монстры, чье существование отравляет жизнь миллионам людей.

Монстры, которые похитили мою дочь.

Написано: «Не вмешивайся в дела чародеев, ибо раздражительны они и скоры на гнев».

Толкин выразил это как нельзя более точно.

Я сделал шаг вперед, позволив двери с грохотом захлопнуться.

– Еще бы не раздражительны! – рявкнул я.

Бульканье и шипение из-за угла оборвались на полуслове, и перевода эта пауза не требовала: «А?»

Я вскинул жезл, нацелил его на угол коридора и, закачав в него всю свою злость, всю волю и всю силу, рявкнул:

– Fuego!

Струя серебристо-белого огня с ревом метнулась вдоль коридора и пронзила угол с легкостью пули, пробивающей бумажную мишень. Я подвинул жезл левее, и огонь про-

грыз в гипсокартоне дыру размером с кулак, ударив в перпендикулярный коридор, откуда доносился разговор вампиров. Грохот стоял неопиcуемый. Дерево разлеталось в куски. Гипсокартон лопался, вздымая облака пыли. С визгом лопались трубы, словно разрезанные невидимым резаком. Искрила короткими замыканиями проводка.

И что-то – абсолютно точно не человек – испустило пронзительный, полный боли вопль, и вопль этот прозвучал громче выстрела.

Я тоже заорал в ответ – от злости – и ринулся вперед. Руны на моем жезле сияли, как добела раскаленный металл, и струя серебристо-белого огня продолжала бить в темноту передо мной.

Когда я свернул за угол, мне навстречу метнулась тень. Но я ждал этого. Я вскинул левую руку с браслетом-оберегом на запястье – пальцы при этом сложились в жест, не имеющий никакого отношения к магии, оскорбительный смысл которого был понятен даже вампиру. Усилием воли я швырнул в браслет – цепочку из миниатюрных серебряных щитов – заряд энергии, и вокруг меня выстроилась невидимая полусфера защитного барьера. Темная фигура вампира с ходу врезалась в этот барьер и отлетела назад, оставив на его поверхности разбегающиеся круги голубого света.

Вампир не успел еще коснуться пола, когда я убрал барьер, прицелился жезлом, и струя серебряного огня рассекла монстра пополам. Куски, продолжая бестолково размахи-

вать конечностями, полетели в разные стороны.

Посреди коридора валялось изуродованное тело другого вампира, — должно быть, в него угодил заряд, пущенный вслепую из-за угла. Судя по позе, умирал он достаточно мучительно. Я пересмотрел немало киноужастиков и знал принятые в них правила выживания, поэтому, едва удостоверившись, что на полу в коридоре непосредственной угрозы больше не наблюдается, я вскинул жезл вверх, в точку над моей головой.

Вампир цеплялся за потолок в каких-то двадцати футах от меня. Обыкновенно люди представляют себе вампиров такими безукоризненно прекрасными божествами темного искушения и секса. На деле же, хотя вампиры Красной Коллегии и могут создавать себе неотличимую от человеческой оболочку, называемую плотской маской, под ней таится нечто совершенно иное — истинный, жуткий, не знающий жалости монстр вроде того, что смотрел сейчас на меня.

Стоя он, наверное, достигал в высоту шести футов, хотя его тощие когтистые руки при этом могли бы волочиться по земле. Похожую на резину, черную кожу покрывали нездоровые розовые пятна; брюхо гротескно свисало кожистым мешком. Для полноты описания стоит добавить кривые ноги и горб, а лицо представляло собой нечто среднее между мордочкой летучей мыши-кровососа и персонажа галлюцинаций Ганса-Руди Гигера.

Он увидел, как я выбегаю из-за угла, и его выпученные

глаза, казалось, сделались еще больше. И он завопил от...

От ужаса.

Он вопил от страха.

Вампир бросился по потолку от меня, когда я выпустил новый заряд огня; монстр прыгал с потолка на стену, со стены на пол и обратно, дико уворачиваясь от потока разрушительной энергии, который я послал ему вслед.

– Правильно! – услышал я собственный крик. – Беги, беги, красавчик!

Он все-таки успел нырнуть за угол, и я, завопив от ярости, с размаху пнул башмаком со стальными набойками голову одного из убитых вампиров и, ругаясь как сапожник, ринулся за ним.

Все описанные события заняли от силы шесть или семь секунд.

После этого все сделалось немного сложнее.

Своими разрядами я поджег коридор в полутора десятках мест, так что не успел я сделать и несколько шагов, как со всех сторон пронзительно заверещали датчики пожарной сигнализации. С потолка ударили струи воды: включилась спринклерная система. И в то же самое мгновение где-то впереди грянули выстрелы. Все это не сулило ничего хорошего.

Сигнализация означала, что сюда уже выехали пожарные и полиция, а они – за исключением самых толковых ребят из отдела специальных расследований – никак не готовы иметь

дело с вампирами. Они просто станут легкой добычей или заложниками сверхъестественных хищников.

Вода тоже не подняла мне настроения. Текущая вода заземляет магические энергии, и хотя полностью она не смогла бы меня нейтрализовать, но в таких условиях делать все станет труднее – словно бежать по мягкому песку или скользкой глине. Выстрелы нравились мне еще меньше, поскольку пара пуль пробила гипсокартонную перегородку меньше чем в шести футах от меня, и одна из них зацепила мои джинсы чуть выше левой лодыжки.

– Эк! – пробормотал я.

Бесстрашный мастер глубокомысленных диалогов – да, я такой.

Я взмахнул перед собой левой рукой, снова выстраивая щит. От него мгновенно отрикошетила пара пуль, которые, скорее всего, пролетели бы мимо меня, и от точек их попадания в щит разбежались мерцающие круги возмущенной энергии. Я изготовил жезл для стрельбы и ринулся вперед по коридору.

Перед дверью офиса я увидел двух вампиров. Один лежал на полу, корчась и шипя от боли, прижимая руки к дряблomu животу. Несколько десятков пулевых пробоин в двери недвусмысленно объясняли причины его поведения. Вряд ли пулевые ранения могли убить вампира, но они причиняли ему боль и лишали источника сверхъестественной силы, вытекавшей из него вместе с кровью. Второй хоронился за ко-

сяком, словно раздумывая, стоит ли ему пытаться ворваться в помещение, как это только что сделал его спутник.

Тот, что бежал от меня, завывая от страха, бросился к ним.

Я с трудом затормозил на скользком от воды и крови полу, поднял жезл и выпустил еще один заряд, с ревом метнувшийся вдоль коридора. Бегущий вампир схватил раненого собрата и прикрылся им от предназначавшегося ему выстрела. Раненый заверещал и принял огненную струю на себя, – впрочем, энергии ее хватило и на то, чтобы отшвырнуть беглеца через коридор, спиной в перегородку. Пробив в ней отверстие, он исчез из виду, а мгновение спустя звон стекла дал знать, что он вылетел и из дома.

Незадачливый вампир был мертв – или очень близок к тому, поскольку огненная струя срезала практически всю левую половину его торса. Последний вампир в нерешительности повернулся ко мне.

Это стоило ему жизни. Стена за его спиной разлетелась, и в образовавшемся отверстии показался Мартин, бледное лицо которого сплошь покрывали темные татуировки. Он толкнул вампира через коридор и шмякнул затылком о стену. Рука его метнулась к животу вампира, и блеснул нож. А потом стену забрызгала кровь, и вампир, в беззвучном вопле разевая пасть, рухнул на пол.

Мартин отпрыгнул назад, чтобы быющаяся в судорогах тварь ненароком не зацепила его когтями, стрельнул взгля-

дом в обе стороны коридора и увидел брешь в дальней стене.

– Проклятье! Вы дали одному уйти?

Прежде чем я успел ответить, через дыру в стене из офиса выскользнула Сьюзен. Рюкзак висел у нее на одном плече, а в руке она держала автоматический пистолет сорок пятого калибра, из ствола которого вился дымок. Взглянув на вальявшегося на полу вампира, она подняла пистолет и холодно сощурила свои темные глаза.

– Постой, – сказал я. – Их было шестеро. Этот номер четвертый.

– Они всегда орудуют шестерками. Стандартная боевая группа.

Она невозмутимо нажала на спуск и короткой, точной очередью разнесла голову раненого вампира в труху.

Мартин покосился на часы:

– У нас мало времени.

Сьюзен кивнула, и они двинулись по коридору к лестнице.

– Идем, Гарри. Мы нашли поэтажные планы. Здание заминировано.

Я моргнул от неожиданности и поспешил за ними.

– Заминировано? Где?

– Взрывчатка на четвертом этаже, – спокойно объяснил Мартин. – Размещена по периметру вашего офиса.

– Вот подонки! – возмутился я. – А нам сказали, что ищут асбест в конструкциях!

Сьюзен издала короткий смешок, но Мартин нахмурился:

– Стоит этому беглецу связаться со своими сородичами и рассказать, что произошло, и они взорвут здесь все. Я предлагаю поспешить.

– Черт!.. – выдохнул я.

Мы бегом скатились по лестнице. Подниматься, конечно, дольше, чем спускаться, зато при движении вверх не придется так смотреть под ноги. Один раз я оступился, и Сьюзен пришлось поймать меня за руку; пальцы ее казались жесткими, как стальные обручи. В вестибюль первого этажа мы вывалились втроем.

– Не через главную дверь! – рявкнул я. – Полиция уже рядом!

Я обогнал их и повел к служебному выходу в переулок. Мы бегом домчались до заднего фасада, свернули за угол, потом в следующий переулок, дальше и дальше от дома.

Мы успели добежать до следующего квартала, а потом блеснула вспышка, и великан ростом с Сирс-тауэр огрел нас подушкой со своей великанской кровати. Нас сбило с ног. Сьюзен с Мартином смягчили падение, покотившись по асфальту. Я же, напротив, врезался в мусорный контейнер.

Полный, разумеется.

Я полежал немного, ожидая, пока в ушах стихнет ровный пронзительный звон. Облако пыли и строительной трухи, смешавшись с вонючим содержимым мусорного бака, окатило меня с головы до ног.

– Не лучшую игру показываю, – пробормотал я. Точнее,

ощутил, как мои голосовые связки производят эти звуки, но сам их не расслышал.

Еще через несколько секунд звуки начали возвращаться. Со всех сторон заливались на все голоса автомобильные сигнализации. Вовсю голосили системы безопасности из каждого магазина и предприятия. И сирены – много сирен – приближались со стороны улицы.

Чья-то рука ухватила меня за локоть, и кто-то помог мне подняться. Сьюзен. Всю ее покрывал тонкий слой пыли. Пыль висела в воздухе так плотно, что мы не видели ничего дальше десяти – двадцати футов. Я попытался идти и чуть не упал.

Мартин подхватил меня с другой стороны, и мы, шатаясь, побрели прочь сквозь пыль. Постепенно мир вокруг меня начал замедлять вращение. До меня дошло, что Мартин и Сьюзен разговаривают.

– ...хоть что-нибудь да сохранилось? – говорила Сьюзен.

– Мне придется искать сектор за сектором, – отвечал Мартин бесцветным голосом. – Может, и найдем какие-нибудь крохи. О чем, черт подери, он думал, швыряясь таким количеством энергии, если знал, что мы ищем компьютерную информацию?

– Возможно, о том, что от этой информации окажется немного толку, если мы оба погибнем, – возразила Сьюзен довольно многозначительно. – Они обнаружили нас. И ты это понимаешь.

Некоторое время Мартин молчал.

– Да, – произнес он наконец. – Или он не хотел, чтобы мы получили эту информацию. Он ведь изрядно разозлился.

– Он не такой. – Сьюзен мотнула головой. – Это не в его духе.

– Это было не в его духе, – поправил ее Мартин. – Вот ты – такая же, какой была восемь лет назад?

Сьюзен не ответила.

Я вспомнил, что нужно делать, чтобы идти, и начал справляться без посторонней помощи. Потом тряхнул головой, чтобы в ней немного прояснилось, и оглянулся назад.

Соседние дома горели. Все больше сирен слышалось с той стороны. Часть городского пейзажа, где полагалось находиться зданию с моим офисом, опустела, если не считать расползавшегося облака пыли. Пожар и мигалки окрашивали облако в оранжевый, красный и синий цвета.

Мои документы. Моя старая кофеварка. Мой запасной револьвер. Моя любимая кружка. Мой обшарпанный старый стол и скрипучее, но удобное кресло. Дверь с матовым стеклом и надписью «ГАРРИ ДРЕЗДЕН, ЧАРОДЕЙ».

Все это погибло.

– Вот черт! – сказал я.

Сьюзен удивленно посмотрела на меня.

– Ты чего?

– Только сегодня утром, – устало выдохнул я, – отослал арендную плату.

Глава 5

Мы поймали такси и выбрались из района прежде, чем его успела оцепить полиция. Это оказалось не так уж и трудно. В Чикаго первоклассная полиция, но быстро и эффективно блокировать большой городской район глубокой ночью не получится – людей не хватит. Надо сначала вытащить из постели всех сотрудников, да и простая неразбериха тоже не ускоряет работу.

Я не сомневался, что к утру информация о взрыве появится во всех выпусках новостей. Нам покажут кучу репортеров, выдадут массу теорий и множество интервью с очевидцами, которые вроде как слышали что-то такое и видели облако пыли. Произошел не просто пожар, какие уже случались в прошлом. Имел место взрыв, преднамеренный акт разрушения. До этого они докопаются, только не сразу.

Нам покажут поисково-спасательные работы на месте бедствия.

Я закрыл глаза и привалился виском к окошку. В принципе, вполне вероятно, что в здании больше никого не было. Жилых помещений в нем нет, одни только офисы. Вряд ли хоть один работал в ночное время. Однако у всех сотрудников имелись ключи, чтобы при необходимости попасть в здание и в контору, как это совсем недавно сделал я. На каком-нибудь этаже могли находиться уборщики или ремонт-

ники – работавшие, разумеется, на Красную Коллегию, но сами-то они этого не знали. Вы ведь не станете объяснять обслуживающему персоналу, что они работают на зловещую организацию, пытающуюся захватить власть над миром. Вы просто дадите им поручение вымыть пол.

Так что в развалинах здания вполне могут найтись погибшие, которые были бы живы и здоровы, если бы мой офис не располагался на четвертом этаже.

Господи...

Я ощутил на себе взгляд Сьюзен. Никто из нас не разговаривал в присутствии водителя.

Первым нарушил молчание Мартин:

– Здесь. Сверните сюда.

Я поднял взгляд. Такси тормозило у дешевого мотеля.

– Нам лучше держаться втроем, – сказала Сьюзен.

– Мы могли бы заняться диском, – возразил Мартин. – У него мы это делать не сможем. Мне нужна твоя помощь. Ему – нет.

– Валяйте дальше, – буркнул я. – Ко мне скоро придут. – Я не стал произносить слово «полиция». – Проще, если им придется говорить только с одним человеком.

Сьюзен резко выдохнула через нос и кивнула. Они вдвоем выбрались из такси. Мартин сунул таксисту деньги и назвал мой домашний адрес.

До дому я доехал молча. Таксист слушал новости по радио. Я чувствовал себя измочаленным; в самом деле, я рас-

тратил сегодня уйму энергии. Магия, конечно, бывает очень приятным занятием, но и выматывает она донельзя. Того, что во мне оставалось, не хватало даже на мало-мальские помехи радиоприемнику, а там уже вовсю обсуждали взрыв. Таксист – судя по внешности, уроженец Ближнего Востока – ощущал себя явно неуютно.

А я ощущал это его ощущение.

Мы остановились перед моим домом. Мартин и так запла-тил ему с лихвой, но я добавил еще двадцатку, серьезно – очень серьезно! – при этом на него посмотрев:

– Вас ведь зовут Ахмед?

Имя значилось на водительской лицензии.

Он нехотя кивнул.

– У вас есть семья, Ахмед?

Он молча таращил на меня глаза.

Я приложил к губам указательный палец:

– Вы меня никогда не видели. Идет?

Он поморщился, но кивнул.

Я выбрался из такси. Мне было немного не по себе. Я бы и пальцем не тронул семью этого парня, но он-то об этом не знал. А если и догадывался, этого вкупе со взяткой все равно не хватило бы, чтобы помешать ему выложить все копам, если его задержат для допроса. Хотя, возможно, и хватило бы, чтобы удержать от добровольной явки. Дома взрываются. Разумные люди предпочитают переждать такие события, не высываясь.

Я подождал, пока машина отъедет, сунул руки в карманы и устало побрел домой. В бою с вампирами я потратил изрядную часть своей энергии, как физической, так и психической, и теперь расплачивался за это. Как-то так вышло, что я непроизвольно добавил в каждый из разрядов моего жезла Огонь Души – собственно, именно поэтому пламя получилось серебристо-белое, а не оранжево-красное, как обычно. Мне ужасно хотелось рухнуть в постель, но это было бы не самым разумным шагом. Все же я обдумал и такую возможность.

Я успел принять душ, вывести Мыша на долгожданную прогулку, сварить кофе и как раз заканчивал счищать мусор со своего плаща специальными губками для кожи, которые мне прислала мать Молли, Черити Карпентер, когда в дверь постучали.

Лежавший у моих ног Мыш настороженно поднял голову, но тут же поставил уши торчком, а его хвост застучал по полу. Он встал, сделал шаг к двери и вопросительно оглянулся на меня.

– Да-да, – заверил я его. – Иду.

Я поднялся и открыл дверь. Она застряла на полпути. Я потянул сильнее и отворил ее до конца.

За дверью стояла женщина ростом не выше пяти футов; на ее усталом лице не было ни следа косметики. Красивых золотых волос, судя по всему, давно не касался гребень, и они падали на лоб как попало. Да, расчесать их явно стои-

ло бы... а может, и завить немного. Одежду ее составляли тренировочные штаны и старая просторная футболка; плечи напряженно сутулились.

Секунду она пристально смотрела на меня. Потом закрыла глаза, и плечи ее чуть расслабились.

– Привет, Мёрфи, – сказал я.

– Привет, – отозвалась она слегка дрогнувшим голосом.

Я наслаждался зрелищем. Нечасто доводится увидеть Мёрфи в момент слабости.

– Мне кажется или у тебя пахнет кофе? – осведомилась она.

– Только что заварил, – подтвердил я. – Тебе налить?

Мёрфи издала почти эротический стон:

– Женись на мне.

– Только когда ты будешь в сознании. – Я отступил на шаг, пропуская ее в комнату.

Мёрф присела на диван, а Мыш немедленно подошел к ней и беззастенчиво положил голову ей на колени. Она зевнула и послушно потрепала его между ушами. Он блаженно зажмурился.

Я дал ей чашку кофе и налил себе другую. Она пьет кофе без молока с низкокалорийным подсластителем вместо сахара. Я плеснул в свою чашку сливок и насыпал сахара побольше. Мы пили кофе, и, по мере того как кофеин начинал оказывать свое действие, глаза ее понемногу оживали. Оба мы молчали, и взгляд ее, скользнув по комнате, остановился

наконец на мне. Я буквально слышал, как вертятся колёсики у нее в голове.

– Ты принял душ меньше часа назад. Мылом до сих пор пахнет. И ты только что закончил чистить плащ. В четыре часа ночи.

Я потягивал кофе, не делая попытки ни подтвердить, ни опровергнуть ее слова.

– Ты находился в здании, когда оно взорвалось, – заявила она.

– Не в нем, – возразил я. – Я, конечно, неплохой чародей, но не знаю, сумел бы я справиться с рухнувшим на меня зданием или нет.

Она тряхнула головой. Потом покосилась на кофейную гущу в чашке.

– Роулинс позвонил. Сказал, что дом, в котором у тебя контора, взорван. Я подумала, что кто-то наконец добрался до тебя.

– Ведешь протокол? – спросил я.

Сержант Мёрфи – детектив отдела специальных расследований чикагской полиции. Это своего рода отстойник полицейского департамента, зато только там имеют хоть какое-то представление о сверхъестественном мире. При всем этом Мёрфи – коп до мозга костей. Она может отклоняться от жестких требований закона, но у таких отклонений есть свой предел. Я уже сталкивался с этим в прошлом.

Она покачала головой:

– Нет. Пока нет.

– Красная Коллегия, – сказал я. – Несколько лет назад они перекупили здание. И заминировали, чтобы взорвать, когда им это потребуется.

Мёрфи нахмурилась:

– Но почему сейчас? Почему не взорвали тебя давным-давно?

– Личные счета, полагаю, – хмыкнул я. – Графиню Арианну огорчило то, что случилось с ее мужем, когда тот наехал на меня. Она считает, что в этом виноват я.

– А это так?

– В значительной мере, – кивнул я.

Мёрфи покачала чашку, взболтав гущу.

– Почему она тогда просто не убила тебя? Клац, бабах.

– Не знаю, – признался я. – Может, считает, что этого недостаточно. Клац, бабах – это бизнес. А у нас с ней личные счета.

Зубы мои чуть скрипнули, когда я закрыл рот.

От голубых глаз Мёрфи мало что укрывалось.

– Личные? – Она еще раз огляделась. – Что-то у тебя в доме порядок подозрительный. Кто это был?

– Сьюзен.

Она чуть подобралась, выпрямив спину, но ничем другим своего удивления не выдала. Про Сьюзен Мёрфи знала все.

– Хочешь об этом поговорить?

Я не хотел, но Мёрфи следовало об этом знать. Я изло-

жил ей ситуацию короткими предложениями, состоящими из трех-четырех слов. Когда я подошел к концу рассказа, Мёрфи поставила чашку на стол и внимательно слушала.

– Иисус и Матерь Пресвятая Богородица! – выдохнула она. – Гарри...

– Угу.

– Эта... вот сука!...

Я покачал головой:

– Нет смысла тыкать пальцами. Мэгги этим не поможешь. После разберемся.

Она поморщилась, словно в рот ей попала какая-то горечь.

– Тоже верно, – кивнула она.

– Спасибо.

– Что ты собираешься делать? – поинтересовалась Мёрфи.

– Мартин и Сьюзен сейчас смотрят, можно ли найти что-нибудь полезное на диске, – сказал я. – Они свяжутся со мной, как только что-то выяснят. Я пока прилягу часа на два, потом начну обзванивать своих информаторов. Отправлюсь в Совет, попрошу о помощи.

– Это сборище бессердечных, трусливых, бесхребетных старых пердунов? – удивилась она.

Я невольно улыбнулся, глядя в свою чашку.

– Они помогут тебе? – спросила Мёрфи.

– Возможно. Все это довольно непросто, – признался я. –

А ты – ты поднимешь мне на помощь чикагскую полицию?

Взгляд ее помрачнел.

– Возможно. Все это довольно непросто.

Я развел руками в жесте «я же говорил», и она кивнула. Потом встала и подошла к раковине, чтобы поставить в нее чашку.

– Чем я могу тебе помочь?

– Было бы очень кстати, если бы меня не трясли некоторое время. Полиция ведь рано или поздно выяснит, что взрывчатка размещалась у моего офиса.

Она покачала головой:

– Ничего не обещаю. Сделаю что смогу.

– Спасибо.

– Я хочу в этом участвовать, – заявила она. – Вас обоих это слишком близко касается. Нужен кто-то с трезвым взглядом на ситуацию.

Я уже собрался огрызнуться, ляпнув что-нибудь неприятное, но заткнулся на полуслове, потому что она, возможно, говорила дело. Я понес свою чашку в раковину – это давало мне повод ничего не говорить, пока я прихожу в себя.

– Я бы все равно попросил тебя, Мёрф, – произнес я наконец. – Мне нужен хороший стрелок.

Роста Мерфи, возможно, и не великого, но за плечами у нее такое количество стычек со сверхъестественными силами, каким не может похвастать никто из других известных мне симпатичных смертных. Она ухитрялась сохранять го-

лову на плечах в самых разных критических ситуациях, даже если они включали в себя крылатых демонов, завывающих вурдалаков, жаждущих поработить тебя вампиров и человеческие жертвоприношения. Она не даст никому, и Мартину в том числе, нанести мне удар со спины. И стреляет она отлично. Уж я-то знаю: сам видел.

– Гарри... – начала она.

Я остановил ее взмахом руки:

– Я не собираюсь просить тебя нарушать чикагские законы. И американские тоже. Я вообще сомневаюсь, что нам предстоит действовать в этих краях.

С полминуты она обдумывала мои слова, скрестив руки на груди и глядя в огонь. Мыш, сидя возле дивана, молча наблюдал за ней.

– Я твой друг, Гарри, – наконец сказала она.

– Никогда в этом не сомневался.

– Ты собираешься отбить Мэгги.

Челюсть у меня свело от напряжения.

– Да, черт возьми, собираюсь.

– Хорошо, – кивнула она. – Я в деле.

Я наклонил голову – глаза чего-то защипало, а желудок словно судорогой свело.

– Спа... – начал я, и голос подвел меня. Я попробовал еще раз: – Спасибо, Кэррин.

Я почувствовал прикосновение ее руки, теплой, уверенной.

– Мы вернем ее, – очень тихо произнесла она. – Вернем, Гарри. Я с вами.

Глава 6

Я спал недолго, но старательно. Когда в семь утра зазвонил старый механический будильник с Микки Маусом, мне пришлось выныривать из самых глубин дальнего конца страны снов. И я поднялся с ощущением, что вполне мог бы проспать еще восемнадцать или двадцать часов.

Вот вам пожалуйста, пример, как эмоции берут надо мной верх. Чисто рефлекторное использование Огня Души – ошибка, которая запросто могла бы обернуться фатальной. Чудовищные ресурсы энергии, предлагаемые Огнем Души, основаны на принципах, которые я понимаю весьма приблизительно. Я не уверен, что мои заклятия против вампиров Красной Коллегии от этого становятся эффективнее, хотя, согласно моим ощущениям, это наверняка так и есть. Но в одном я уверен на все сто процентов: я бросил на это свою собственную жизненную энергию. И если бы я чуть перестарался... Отсутствие жизненной энергии равносильно отсутствию жизни. А если эта энергия сродни тому, что принято называть душой, это может означать небытие.

Разумеется, все зависит от того, что происходит с вами по ту сторону. Сам я об этом не имею ни малейшего представления. Да и никто из известных мне смертных или бессмерт-

ных существ тоже.

А еще я знаю, что сильные эмоции – идеальный источник дополнительной энергии для занятия магией. Что-то вроде турбонаддува. Подбросьте хорошую ярость в разрушительное заклятие – и эффект от ваших усилий получится на порядок больше, чем если бы вы делали это в благодушном состоянии. Опасность тут состоит в том, что очень трудно, почти невозможно предугадать заранее, какое воздействие окажут ваши эмоции на заклятие, – из чего следует, что риск утратить контроль над высвобождаемой вами энергией гораздо выше. Те, кто орудует на моем уровне, запросто могут при малейшей ошибке укокошить себя или других.

Возможно, Огонь Души происходит из того же источника, что и эмоции. Возможно, одно не получается хотя бы без малой толики другого. Может быть, они просто смешиваются друг с другом, как жиры, белки и углеводороды в оздоровительном коктейле.

Впрочем, это не имеет значения. Важно то, что бой, продолжавшийся меньше минуты, оставил меня без сил. А если бы я совсем не умел хоть как-то обращаться с Огнем Души, я мог бы в буквальном смысле убить им себя.

– А ну-ка соберись, Гарри! – гаркнул я сам себе.

Я выбрался из кровати, вышел в комнату и обнаружил, что, пока я спал, пришла Молли, моя ученица, и стряпает подобие завтрака на моей плите.

Одета она была просто: в джинсы и черную футболку, на

которой белела надпись крошечными буквами: «ЕСЛИ ТЫ СМОГ ПРОЧИТАТЬ ЭТО, МОЖЕШЬ УГОСТИТЬ МЕНЯ ОБЕДОМ». Ее золотистые волосы отросли до лопаток; правда, у корней она выкрасила пряди в зеленый цвет, переходивший где-то на середине длины в темно-синий.

Не знаю, можно ли назвать Молли «отпадной», или «улетной», или «чумовой», поскольку субкультурные пристрастия по части сленга меняются каждую пару минут. Но если вы выберете слово, которое, с вашей точки зрения, наиболее полно отражает восхищение красотой молодой женщины, оно, возможно, вполне подойдет для данной особы. В моем случае желаемый эффект не достигался, поскольку я знал Молли с тех пор, когда она еще под стол пешком ходила, но из этого вовсе не следовало, что я не мог беспристрастно оценить ее внешность. Другие-то мужики, когда она этого хотела, штабелями валились к ее ногам.

Мыш сидел, наострив уши, у ее ног. Вообще-то, мой пес воспитан и не позволяет себе брать еду со стола, с плиты или с полки над холодильником, но к полу это не относится. Что с возу упало... в общем, если он поспекает к упавшему куску первым, добыча его. Карие глаза Мыша внимательно следили за руками Молли. Судя по полному надежды подергиванию кончика хвоста, несколько раз она уже что-то роняла. В том, что касается моего пушистого зверя, Молли – девушка мягкосердечная.

– Доброе утро, босс, – прочирикала она.

Я испепелил ее взглядом, но покорно дотащился до кухни. Молли плюхнула на тарелку яичницу-глазунью, пару ломтиков ветчины, кусок поджаренного хлеба и что-то вроде фруктового салата. И сунула мне в руку большой стакан апельсинового сока.

– Кофе, – буркнул я.

– Вы же не пьете его на этой неделе. Забыли? Мы же договорились: я готовлю завтрак, а вы не пьете кофе по утрам.

Я хмуро покосился на нее сквозь дымку кофеинового голодания. Что-то я не помнил, чтобы мы о таком договаривались. Молли выросла в семье, где принято следить за здоровьем, и тоже переняла эту привычку, становившуюся в последнее время все заметнее. Она уделяла много внимания тому, что ест, и решила, наверное, поделиться этими радостями со мной.

– Ненавижу тех, кто рано встает, – буркнул я, забирая у нее завтрак. Я уселся на диван и поставил тарелку на журнальный столик. – И не давай Мышу ничего. Ему это бесполезно.

Мыш даже ухом не повел. Он продолжал сидеть, преданно глядя на Молли и ухмыляясь во всю свою собачью пасть.

Я выпил апельсиновый сок и решил, что он совершенно неадекватен началу трудового дня. Ветчина оказалась из индейки и подгорела по краям. Все же я съел и ее, и недожаренный тост. Кузнечик не лишена талантов, но кулинария явно не входит в их число.

– Тут у меня кое-что происходит, – сообщил я.

Она стояла у раковины, пытаясь отскрести сковородку, и не без любопытства оглянулась в мою сторону:

– А? Чего?

Я хмыкнул и еще раз обдумал ситуацию. Молли не бо-
ец. Это не ее специализация. Следующие несколько дней для
меня наверняка будут опасными, и я к такому давно уже при-
вык. Но если втянуть в это Молли, на карту может быть по-
ставлена и ее жизнь.

Мне доводилось видеть обе стороны медали под названи-
ем «Меньше знаешь – крепче спишь». Я видел, как погиба-
ют люди, которые остались бы живы, если бы им вовремя
рассказали о сверхъестественном и его угрозах, и я видел,
как погибают люди из-за того, что их предупредили, но это-
го оказалось недостаточно, чтобы они представили себе весь
масштаб угрозы. Никогда не знаешь заранее, как все обер-
нется.

Поскольку я не знал, как именно все обернется, то решил:
так как нет факторов, убеждающих меня в обратном, я про-
сто не имею права лишать ее выбора. Молли – часть моей
жизни. Так или иначе, происходящее сильно повлияло бы
на нее. Поэтому единственным ответственным поступком с
моей стороны было бы дать ей самой выбрать, как она хочет
жить. И если она предпочтет опасность, так тому и быть.

Поэтому я выложил Кузнечнику почти то же самое, что и
Мёрфи.

Когда я закончил свой рассказ, Молли опустилась на колени у дивана, на котором я сидел; голубые глаза ее раскрылись широко-широко.

– Ого, Гарри!

– Угу, – кивнул я.

– Ого!

– Ты это уже говорила.

– Это же все меняет.

Я кивнул.

– Чем я могу помочь?

Я надеялся, что она сделает такой выбор, чтобы ее не убили.

– Вот ты сама и скажи. Каков самый умный шаг, падаван?

Она прикусила на мгновение губу, потом снова подняла на меня взгляд:

– Нам нужна информация. И нам нужны подкрепления. Эдинбург?

Я допил последний глоток апельсинового сока, постарался убедить себя в его пользе и кивнул:

– Бинго.

Мы отправились в Эдинбург по Тропе, воспользовавшись преимуществом причудливой географии потустороннего мира, позволяющей быстро одолевать расстояния, которые в физическом мире заняли бы у нас не один день. При этом безопасны и удобны только отдельные, хорошо прове-

ренные пути, и вам потребуются кое-какие магические навыки, чтобы отворить, так сказать, дверь, отделяющую реальный мир от Небывальщины. Но если вы сумеете это сделать, путь покажется вам вполне легким. Прогулка из Чикаго в Эдинбург заняла у нас примерно полчаса.

Штаб-квартира Белого Совета – унылое, темное, промозглое и продуваемое всеми сквозняками место, под стать содержанию голов очень и очень многих работающих здесь людей. Она расположена под землей, в паутине туннелей; стены покрыты вырезанными на камнях мистическими рунами и знаками, а также подлинными произведениями искусства. Потолки кое-где для меня низковаты. Некоторые из туннелей погружены в полнейшую тьму, но основная их часть залита светом, исходящим словно ниоткуда, что придает им странный вид – словно невидимое сценическое освещение, от которого все начинает сиять красками.

Мы миновали два поста охраны и шли к третьему уже больше пяти минут. Молли тряхнула головой:

– Насколько велико это место? – Ее приглушенный голос разнесся эхом по пустому туннелю.

– Очень большое, – отозвался я. – Почти такое же большое, как город наверху, к тому же уровней здесь несколько. Хотя мы используем сравнительно небольшую часть.

Она провела пальцами по резному рельефу на стене, мимо которой мы проходили. Там изображался лесной пейзаж, и его очертания оставались четкими, даже несмотря на слой

копоты от факелов и многовековой пыли. Пальцы оставили едва заметный след на этом слое.

– Это Совет вырезал?

– Не-а, – отозвался я. – Слишком много работы. Если верить слухам, раньше здесь находился дворец одного восточного сидхе. А первый Мерлин выиграл его на пари.

– Неужели сам Мерлин Мерлин? – удивилась она. – Какой меч в камне и все такое?

– Он самый, – подтвердил я. – Только не думаю, чтобы в кино он получился похожим.

– Написал законы магии, основал Белый Совет, являлся хранителем одного из мечей, а еще обустроил цитадель Совета, – задумчиво сказала Молли. – Наверное, не похож.

– Думаю, в реальности он был полным мерзавцем, – заметил я. – Типы, оставившие заметный след в истории, редко похожи на вожаков бойскаутов.

– Да вы настоящий циник, – хмыкнула Молли.

– А мне казалось, циники веселы, игривы и хороши собой.

В главном коридоре царил пустота, и это меня удивило. Точнее сказать,людно здесь не бывало почти никогда, но время от времени кто-нибудь да встречался.

Я направился в зону Стражей. Здесь располагались казармы военизированных подразделений Белого Совета, и здесь у меня имелось немало шансов поймать на себе подозрительные, недоверчивые взгляды. Зато и шансы застать Анастасию Люччо, командующую Корпусом Стражей, здесь повы-

шались в разы. К тому же рядом находились кафетерий и административные помещения, так что эта зона относилась к самым оживленным в цитадели.

И казармы, и кафетерий оказались пусты, хотя на столе в одном из помещений лежали разложенные карты.

– Странно, – пробормотал я. – Не будь посты охраны выставлены в обычном режиме, я заподозрил бы какую-нибудь подлянку.

Молли нахмурилась:

– Может, кто-то забрался в головы часовых?

– Нет. Они те еще сволочи, но профессионалы. Здесь никто, грешащий играми с чужим сознанием, далеко не уйдет.

– Играми? – переспросила Молли.

– Эй, мы же в Соединенном Королевстве! Вспомни «Однажды в Риме».

Мы проследовали по коридору в административный блок и там наконец обнаружили хоть кого-то: измотанного вида женщину, сидевшую за допотопным коммутатором – такой штукой с миллионом разъемов, в которые нужно вручную втыкать штекеры телефонной связи. На голове у нее красовались столь же допотопные наушники, и говорила она в такой же старинный микрофон.

– Нет. Нет, на данный момент у нас не имеется никакой информации. Мы сообщим вам, если узнаем что-нибудь. – Она выдернула штекер из гнезда, воткнула в другое, над которым горела маленькая лампочка, и повторила ту же фразу.

Я выждал, пока она проделает эту процедуру еще раз пять, но и после того мне пришлось буквально помахать рукой у нее перед носом, чтобы она заметила нас.

Чародейка застыла и уставилась на меня. Она выглядела как солидная дама, в ее каштановых волосах кое-где поблескивала седина – из чего следовало, что возраст ее может составлять от сорока пяти до двухсот лет. Взгляд ее скользнул по нам с Молли, и я увидел, как она вся напряглась и чуть отодвинула от нас свое кресло на колесиках: подобно большинству чародеев старшего поколения, она, возможно, считала меня социально опасным типом с суицидными наклонностями. Лампочки на щите коммутатора продолжали мигать – не диоды, а старые добрые лампы накаливания, пощелкивающие при включении и выключении.

– А, – произнесла она, – чародей Дрезден. Я занята.

– Не сомневаюсь, – заверил я ее. – Чародей Макфи, если не ошибаюсь? Скажите, куда все делись?

Она моргнула, глядя на меня так, словно я говорил по-эскимосски.

– Да ведь все сейчас в резиденции Совета Старейшин. Единственное место, способное вместить всех, кто хочет на это посмотреть.

Я мило улыбнулся, изо всех сил стараясь не выйти из себя.

– Посмотреть? На что?

– На посла, – ответила Макфи, в голосе которой начало сквозить раздражение. Она покосилась на коммутатор. – Вы

что, не слышали?

– Простите, был вчера занят немного, – ответил я. – Так чего я не слышал?

– Про Красную Коллегию, разумеется. Они прислали чрезвычайного и полномочного посла. – Она улыбнулась. – Хотят сменить перемирие настоящим, полноценным миром. И прислали узнать наши условия не кого-нибудь, а саму графиню Арианну Ортегу.

Глава 7

Желудок у меня словно завязался в узел.

Графиня вела грязную игру. Разумеется, как посол Красной Коллегии она не могла не знать о планах своих сородичей. Будь я проклят, если все это – простое совпадение. Слишком безукоризненно она выбрала время.

Если Красная Коллегия предлагала возвращение к статус-кво – а чародеи старшего поколения любят статус-кво, уж поверьте, – а в придачу добавила еще что-нибудь, чтобы подсластить пилюлю... Совет Старейшин ни за что не даст согласия на действия, способные поставить мир под угрозу. Во всяком случае, не ради какой-то случайной малолетней девчонки – и наверняка не ради отпрыска самого известного, возможно сумасшедшего, смутьяна по имени Гарри Дрезден и наполовину овампирившейся террористки.

Изрядное число членов Совета считало, что меня следова-

ло обезглавить еще в шестнадцатилетнем возрасте. Как следствие, чародеи помоложе считали меня крутым и опасным – чем, возможно, и объяснялась моя популярность в их кругу. Однако же именно старшие члены Совета обладали львиной долей власти и влияния, а эта компания обрадовалась бы любому предлогу подвесить меня качаться на ветру; похоже, графиня Арианна намеревалась подарить им такой предлог.

Она меня обложила.

Только тут я обнаружил, что, пока мой мозг с отстраненным спокойствием обрабатывает логическую цепочку, гнев выплеснулся из моего желудка и подступает к горлу, а сам я иду ровным, широким шагом по коридору, держа в одной руке посох, а в другой жезл, и руны на обоих горят багровым светом.

Черт, только этого не хватало!

Кто-то тряс меня за руку. Я опустил взгляд и увидел, что Молли вцепилась мне в левый локоть обеими руками. Кроссовки ее скользили по каменному полу – она явно пыталась остановить меня.

– Гарри! – в отчаянии повторяла она. – Гарри! Вы не должны!

Я отвернулся от нее и продолжал идти.

– Гарри, ну пожалуйста! – Она чуть не плакала. – Это ведь не поможет Мэгги!

Потребовалось несколько секунд, чтобы я вспомнил, что надо сделать, чтобы остановиться. Я замер и медленно пере-

вел дух.

Молли, задыхаясь, прижалась лбом к моему плечу. Голос ее дрожал. Впрочем, держалась она все-таки неплохо.

– Пожалуйста... Вам же нельзя... Нельзя идти туда вот так. Вас же убьют. – Я услышал, как она судорожно сглотнула от страха. – Если уж нам придется сделать это вот так... Дайте мне хоть прикрыть вас занавесой.

Я зажмурился и сделал еще несколько размеренных вдохов-выдохов, загоняя свой гнев обратно вглубь. Ощущение было сродни глотанию концентрированной кислоты. Зато когда я открыл глаза, руны на посохе и жезле снова погасли.

Я покосился на Молли. Она подняла на меня покрасневшие, перепуганные глаза.

– Все в порядке, – заверил я ее.

Она прикусила губу и кивнула:

– Хорошо.

Я чуть наклонился и чмокнул ее в волосы:

– Спасибо, Молли.

Она неуверенно улыбнулась мне и снова кивнула. Я подождал еще немного.

– Можешь отпустить мою руку, – мягко напомнил я.

– Ой, да, – спохватилась она, опуская руки. – Извините.

Я смотрел вдоль коридора, пытаюсь привести мысли в порядок.

– Хорошо, – сказал я. – Хорошо.

– Гарри? – спросила Молли.

– Не время и не место драться, – сказал я.

– Э... – замялась Молли. – Да. Конечно.

– Ладно, не надо, – хмыкнул я. – Итак. Значит, графиня явилась сюда в игры играть... – Я стиснул зубы. – Ну что ж. Значит, поиграем.

Я уверенным шагом двинулся дальше. Молли старалась не отставать.

Мы направились в демонстрационный зал Белого Совета.

Да, знаю. Слово «демонстрационный» не совсем подходит. Но в целом отражает суть. Повидай вы сами покои Совета Старейшин, вы бы со мной согласились.

Я подошел к двери и кивнул охране из двенадцати Стражей, дежуривших у входа. Все они принадлежали к младшему поколению – за дверью явно происходили взрослые вещи, в которые дети не могли бы добавить ничего, кроме сумятицы.

Едва ли не впервые геронтократия Совета сыграла в мою пользу. Оставь они здесь охрану постарше, те наверняка постарались бы не допустить меня внутрь – из принципа. А так несколько часовых кивнули мне, вполголоса пробормотав приветствия.

Я коротко кивнул в ответ, не замедляя шага:

– Некогда, ребята. Мне нужно туда.

Они поспешно распахнули дверь, и я, так и не сбавив шага, вступил в покои Совета Старейшин.

Я не в первый раз попадал в это помещение, и все равно оно не могло не потрясать. Во-первых, оно огромно. Здесь вполне могло бы разместиться бейсбольное поле Малой лиги и еще осталось бы место для баскетбольной площадки. Передо мной простирался прямоугольный зал с полом из белого мрамора в золотых прожилках. Мраморная лестница в дальнем конце вела на галерею, опоясывающую весь зал по периметру. Галерею поддерживали коринфские белые мраморные колонны. Рядом с лестницей негромко журчал фонтан, вода из которого стекала в окруженный живой зеленью бассейн. В кронах деревьев щебетали птицы.

В центре зала соорудили помост, ярко осветив его магическими кристаллами. Еще один кристалл водрузили на помост – должно быть, решил я, для усиления звука. Весь зал был битком набит собравшимися чародеями, а с галереи за происходящим наблюдало еще больше народу.

Короче говоря, эффектный интерьер зала не мог не производить впечатления – на что и рассчитывали его строители, – и, хотя умом я понимал, что он расположен в нескольких сотнях футов ниже уровня земли, глаза настаивали на том, что он освещается настоящим солнечным светом.

Чего, впрочем, никак не могло быть: на помосте рядом с Кристасом, недавно избранным в старейшины чародеем, стоял вампир. Кристас с улыбкой что-то говорил, обращаясь к собранию. Остальные члены Совета Старейшин в форменных черных мантиях с алыми накидками внимательно слу-

шали его слова, все как один с низко опущенными на лицо капюшонами.

— ...еще один пример того, как мы должны смотреть в будущее — с открытыми для перемен глазами и сердцами, — говорил Кристас. Оратор из него был отменный: сильный, ровный баритон разносился по всему огромному залу. Он вещал на латыни, официальном языке Совета; мне кажется, это само по себе уже многое говорит о царящих у нас нравах. — Человечество начинает выходить из порочного круга безрассудных войн и насилия, учится мирному сосуществованию с соседями и совместному решению проблем без кровопролития. — Он доброжелательно улыбнулся.

Кристас — высокий худощавый мужчина с пышной гривой начинающих сесть волос, черной бородой и пронзительным взглядом темных глаз. Мантию он распахнул — наверняка чтобы похвастаться надетым под нее дорогим деловым костюмом.

— Именно по этой причине я добился телефонных переговоров с Красным Королем, — продолжал он. Слово «телефонных» он произнес по-английски, поскольку подходящего термина в латыни нет. Это вызвало неодобрительную реакцию собравшихся чародеев: такое у нас не приветствуется. — И, переговорив с ним, удостоверился, что и он поддерживает безусловный, заверенный соответствующей взаимной договоренностью, взаимоприемлемый мир. Установление мира отвечает интересам всех вовлеченных в конфликт сторон,

и именно в этой связи я рад представить вам, чародеи Белого Совета, графиню Красной Коллегии Арианну Ортегу.

Несколько стоявших у самого помоста чародеев оживленно захлопали в ладоши, и это понемногу распространилось на всю толпу, превратившись в вежливые аплодисменты.

Арианна с улыбкой поднялась на подиум.

Она была сногшибательна. Говоря «сногшибательна», я имею в виду не «самая красивая девушка в клубе». Я хочу сказать, она выглядела как настоящая богиня. Подробности здесь не важны. Высокая. Темноволосая. Кожа как молоко... или как полированная слоновая кость. Глаза синие, как вечернее небо. Платье из красного шелка с великолепным глубоким вырезом. Самоцветы сияли на шее и в ушах. Волосы она подколола высоко, и на шею падали только отдельные локоны. При взгляде на столь чистую красоту даже глаза болели – ни дать ни взять Афина, вышедшая на вечернюю прогулку.

У меня ушло добрых пять, если не шесть, секунд, чтобы осознать: под этой красотой таится то, что мне не нравится. Совсем не нравится. Даже соблазнительная внешность, сообразил я, – это оружие: такие твари способны в буквальном смысле слова сводить людей с ума, терзая их страстью. К тому же я-то знал, что красота эта лишь внешняя. Я знал, что таится внутри.

– Благодарю вас, чародей Кристас, – произнесла графиня. – Для меня большая честь находиться здесь в интересах

установления мира между нашими народами и тем самым положить конец бессмысленному кровопролитию.

Группа скандирования принялась за работу, стоило Арианне сделать паузу. На сей раз они старались изо всех сил. Впрочем, отклик на их старания среди тех, кто стоял дальше от помоста, все равно не отличался особым энтузиазмом.

Я подождал, пока вежливые аплодисменты начнут стихать, и только тогда отпустил дверь. Она с грохотом захлопнулась именно в то мгновение, когда стихли последние хлопки и Арианна открыла рот, чтобы продолжать.

Почти тысяча лиц повернулись в мою сторону.

Воцарилась тишина. Я вдруг услышал журчание фонтана и щебетание птиц.

Я посмотрел на Арианну в упор.

– Мне нужна девочка, вампир, – отчетливо произнес я.

Мгновение она смотрела на меня с вежливым спокойствием. Потом на лице ее проступила тень улыбки, что выглядело – по крайней мере, для меня – несколько издевательски. От этого кровь в моих жилах вскипела, и я до хруста в суставах стиснул посох.

– Чародей Дрезден! – возмущенно вскинулся Кристас. – Сейчас не время и не место для ваших поджигательских бредней.

Его властность произвела на меня столь сильное впечатление, что я повысил голос:

– Верни ребенка, которого ты похитила у родителей, Ари-

анна Ортега, воровка, или давай встретимся лицом к лицу – согласно Дуэльному кодексу.

По толпе собравшихся в зале чародеев пробежал ропот, и в наступившей тишине он казался раскатом грома.

– Чародей Дрезден! – возопил разъяренный Кристас. – Это посол народа, подписавшего Неписанный договор, и ей гарантирована безопасность, пока она находится здесь с миссией мира. Это возмутительно! – Он огляделся по сторонам и ткнул пальцем в группу людей в серых плащах, стоявших недалеко от меня. – Стражи! Выведите этого человека из покоев!

Я покосился в их сторону. Стражи старой закалки, каждый круче некуда, и все они меня, скажем так, недолюбливали. На меня смотрели шесть пар глаз, и доброты с милосердием в них виднелось не больше, чем в дуле пистолета.

Я услышал, как поперхнулась Молли.

Я посмотрел на Стражей пристальнее.

– Вы действительно хотите этого, ребята? – спросил я у них по-английски.

Должно быть, это получилось более угрожающе, чем мне казалось, потому что они остановились, переглядываясь.

Я снова повернулся к помосту.

– Итак, воровка? – спросил я у вампира.

Арианна повернулась к Кристасу и мягко, даже печально улыбнулась ему:

– Прошу прощения за это недоразумение, чародей Кри-

стас. Я не знаю точно, о чем идет речь, но совершенно очевидно: чародей Дрезден полагает, что сильно пострадал от моих собратьев. Прошу, не забывайте, что вольно или невольно его чувства в немалой степени способствовали развязыванию этой войны.

– Приношу вам извинения в связи с его возмутительным поведением, – отвечал чародей Кристас.

– Ничего страшного, – заверила его Арианна. – В конце концов, я тоже потеряла в этом конфликте близких. Контролировать свои эмоции в таких случаях всегда очень трудно – особенно тем, кто молод. Это одна из проблем, которые нам предстоит преодолеть, если мы хотим вырваться из порочного круга насилия между нашими народами. Ветераны этой войны пережили ужасные эмоциональные страдания, как вампиры, так и чародеи. Я не обижена ни словами, ни поступками чародея Дрездена и не виню его ни в чем.

Она повернулась ко мне, и голос ее сделался прямо-таки сочувственным:

– Искренне заверяю вас, чародей Дрезден, что прекрасно понимаю, какую боль вы сейчас испытываете.

Мне пришлось приложить все силы, чтобы не вскинуть жезл и не выжечь с лица графини это фальшивое сочувствие. Я лишь крепче сжал свое оружие, чтобы удостовериться, что мои руки не предпримут ничего, не посоветовавшись предварительно со мной.

– Нам уже не вернуть наших любимых, которых забра-

ла у нас эта война, – продолжала она. – Все, что мы можем сделать, – это прекратить боевые действия, пока не пострадал еще кто-нибудь из наших близких. Я здесь именно затем, чтобы предотвратить никому не нужные смерти, Дрезден. Вы наверняка способны понять, почему я делаю это.

Еще бы не понимать! Ей было мало просто убить меня. Она хотела сперва раздавить меня, насладиться моими мучениями. Стоит ей остановить войну подобным образом, и ее авторитет в сверхъестественном сообществе поднимется на невероятную высоту – а если при этом она нанесет удар мне, ее победа станет особенно элегантной.

Арианна снова улыбнулась мне, с тем же крошечным оттенком издевки, настолько слабым, что, вероятно, вряд ли кто-то смог бы увидеть ее, если не ожидал чего-либо подобного. Тем не менее я разглядел таившееся за улыбкой садистское наслаждение и отчетливо уяснил, как она утерла мне нос на глазах всего Белого Совета. Должно быть, она репетировала это перед зеркалом.

– Я даю тебе шанс, – хрипло произнес я. – Верни ребенка, и все. Мы квиты. Позволь мне забрать ее у тебя, и я воздержусь от любых других шагов.

Она прижала к груди длинные холеные пальцы, словно мои слова привели ее в замешательство.

– Я не понимаю, чем огорчила вас, сэр, или что плохого сделала ребенку, о котором вы говорите, – сказала Арианна. – Но я могу понять ваш гнев. Жаль, что не могу вам по-

мочь.

Кто-то подошел ко мне сбоку. Молодая женщина, невысокая, с вьющимися каштановыми волосами и чувственным, симпатичным лицом, если не сказать красивым. Однако взгляд ее по твердости не уступал стали.

– Гарри, – произнесла Анастасия Люччо, командующая Корпусом Стражей. – Не делай этого. Пожалуйста.

Я стиснул зубы.

– Ана, – прошипел я яростным шепотом. – Если бы ты знала, что она сделала!

– Ты не имеешь права возобновлять войну и лишать Белый Совет остатков его авторитета, нападая на посла, обладающего гарантиями неприкосновенности, – ровным голосом настаивала она. – Вы сильны, Дрезден. Но не настолько сильны. Попробуйте вы совершить это, и здесь найдется не менее трех десятков чародеев, способных справиться с вами в одиночку. А действуя сообща, они вас как младенца спеленают – а потом посадят в темницу и еще три или четыре месяца будут решать, что с вами делать.

В груди и животе у меня словно костер горел. Я снова перевел взгляд с Анастасии на графиню Арианну.

Та внимательно смотрела на меня – черт, возможно, и слушала. С таким-то слухом, как у вампиров! Улыбка ее ощущалась у меня на коже острием скальпеля.

Анастасия положила руку мне на локоть – очень мягко, не сжимая. Она просила, не требовала:

– Гарри, пожалуйста.

– Этим Мэгги не помочь, босс, – добавила стоявшая у меня за спиной Молли.

Мне хотелось кричать. Я хотел драться.

Один из стоявших на помосте членов Совета Старейшин поднял руку и откинул капюшон. Мой старый наставник, Эбинизер Маккой, – крепкий, коренастый старик с мозолистыми руками, почти совершенно лысый. Лицо его осталось бесстрастным, непроницаемым, но он встретился со мной взглядом и едва заметно кивнул. Очень недвусмысленно кивнул. Я практически слышал его ворчливый голос: «Доверься мне, Хосс. Ступай с ней».

Я приподнял губу в недоброй волчьей ухмылке.

А потом повернулся и, грохоча по мрамору подошвами армейских башмаков, продолжая крепко-крепко сжимать в руке посох, вышел из покоев. Анастасия шла со мной, не отпуская моей руки. Что ж, все понимали, что она эскортирует меня из зала, пусть и не так жестко, как предпочел бы Кристас.

Стражи закрыли дверь за моей спиной с мягким, но уверенным звуком, отрезав меня от объединенной мощи Белого Совета.

Глава 8

– Эй! – окликнул меня один из дежуривших за дверью

молодых Стражей. – Эй, Гарри, что происходит?

Я многим обязан Карлосу Рамиресу, и он заслужил большего, чем короткое покачивание головой. Но сейчас я не мог дать ему большего. Если честно, я вообще не хотел ничего говорить, потому что боялся сорваться на крик. Молли, которая шла за мной, повернулась к нему.

– Не сейчас, – торопливо сказала она. – Есть одна проблема, мы над ней работаем, и я обещаю позвонить вам, если вы сможете в чем-то нам помочь.

– Но... – начал он, делая шаг в нашу сторону.

– Страж, – скомандовала Лючко. – Вернитесь на пост.

Он не мог не подчиниться. Мы проследовали дальше, а он остался у двери.

Лючко повела меня по туннелю, ходить по которому прежде мне еще не доводилось, несколько раз сворачивала в темные коридоры, освещаемые лишь неярым свечением воздуха, вызванным ее заклинанием, и наконец отворила дверь в теплую, озаренную живым огнем комнату, напоминавшую чье-то уютное убежище. В большом камине потрескивал огонь, горело несколько свечей, а вокруг по укромным уголкам стояли по одному, по два и по три кресла, так что каждый мог выбрать себе компанию подходящего размера. А еще здесь находился бар. Большой и отлично оснащенный бар.

– О! – подала голос вошедшая следом за мной Молли. – Круто.

Анастасия отпустила мою руку и направилась напрямиком к бару. Она выбрала бутылку темного стекла и налила в три стопки какой-то напиток янтарного цвета. Потом отнесла стопки на ближний столик и махнула рукой, чтобы мы сядились. Стопки она поставила в центре стола, предоставив нам самим выбирать, кто из какой хочет пить: привычка Стража с двухсотлетним послужным списком.

Я уселся за столик, взял стопку и опрокинул ее в рот. Спиртное обожгло пищевод и разбежалось огнем по груди – именно так, как я хотел.

Анастасия взяла свою и тоже не моргнув глазом проглотила ее содержимое. Молли покосилась на третью, взяла, осторожно пригубила и поставила обратно на стол.

– Должен же кто-то... не обязательно водитель... оставаться трезвым, – пояснила она в ответ на удивленный взгляд Лючко.

– Гарри, – произнесла Анастасия, поворачиваясь ко мне. – То, что ты сегодня сделал, опасно.

– Я мог убрать эту суку, – рыкнул я.

– Мы представления не имеем, как стара Арианна, – возразила она. – Во времена ее рождения человечество не вело записей. Ты понимаешь, о чем я?

Я отодвинул пустую стопку пальцем.

– Я мог убрать эту доисторическую суку. – Я огляделся по сторонам. – Что это за место?

Анастасия откинулась на спинку кресла и развела руки

ладонями вверх:

– Добро пожаловать в Комнату печали.

– Комнату печали?

Она выразительно повела бровью:

– Ты что, бара не видишь?

Молли хихикнула и тут же спохватилась:

– Извините.

Голос у Анастасии сделался слегка ироничным:

– Это место, куда заkostenелые старые Стражи вроде меня приходят, когда нас начинает тошнить от мягкосердных чародеев, которые настолько благодущны, что хотят, чтобы мы позволили непутевым детям, чьих способностей хватает на то, чтобы сделаться чернокнижниками, жить, вместо того чтобы отрубить им голову. Как в случае твоей ученицы, вот этой. Уж поверьте, здесь было немало выпито и сказано по окончании суда над ней.

– А ты пила? Или говорила?

Она пожала плечами:

– Если не по ее поводу, то по поводу многих других точно. Я была здесь, когда Морган напился в стельку после суда над тобой, Гарри.

– Неудивительно, что здесь так уютно.

Она чуть натянуто улыбнулась:

– Должно быть, это самое потаенное и безопасное место во всем комплексе.

– Центральная параноя не гарантирует отсутствия шпи-

онов? Что-то вы, ребята, утрачиваете бдительность.

– Черт возьми, Гарри! – Лючко тряхнула головой. – Ты ведь уже довольно давно выполняешь обязанности Стража. Большую их часть. И до сих пор считаешь, что у Стражей никогда не бывает причин вести себя так... решительно, как они иногда делают?

Я вздохнул. Жизнь не бывает простой. Долгие годы я не питал симпатии к Стражам за то, что те убивали детей, юношей и девушек, сделавшихся чернокнижниками, утративших контроль над своими магическими способностями и разумом из-за занятий черной магией. Но конечно, видел я и результаты деятельности таких чернокнижников. Не самое приятное зрелище. Совсем неприятное. Отвратительное.

– У вас есть причина, – согласился я. – Но отсюда не следует, что это должно мне нравиться. Или что так и должно происходить.

– Не все ведь зашли так далеко, что для них уже нет возврата, – мягко добавила Молли. – Порой люди просто... просто заблуждаются. И им нужен кто-то, кто мог бы показать им путь обратно.

– Да. И за то время, что требуется для определения, так это или нет, погибает немало невинных людей, мисс Карпентер, – так же мягко ответила Анастасия. – На протяжении двух последних столетий численность человечества увеличивалась с немыслимой быстротой. На свет рождается все больше детей, обладающих магическими способностями. И

каждый раз, когда кто-то из них оборачивается чернокнижником, у нас все меньше времени на то, чтобы справиться с проблемой; какая уж тут помощь!

– Профилактика, – предложил я. – Обнаруживайте их заблаговременно, и они не обернутся чернокнижниками.

– Ресурсы... – Она вздохнула. Мы уже говорили на эту тему, и не раз. – Даже если весь Совет будет заниматься исключительно работой Стражей, этого все равно не хватит.

– Образование, – не сдавался я. – Используйте Паранет. Пусть люди с ограниченными способностями помогают выискивать наделенных даром.

Она улыбнулась мне:

– Я продолжаю вербовать сторонников этой идеи. Хорошая идея, Гарри. Из нее даже может что-то получиться. Проблема в том, чтобы заставить хотя бы часть членов Совета это понять. Пока что они видят лишь угрозу безопасности, особенно после истории с Пибоди. Но идея хороша, и рано или поздно мы ее осуществим.

Я хмыкнул и помолчал немного.

– Знакомая схема спора. Кинуть мне какой-нибудь рутинный вопрос, чтобы я успокоился.

– Раздражение, возбуждение и злость затуманивают разум. Для того здесь и эта комната. – Она едва заметно улыбнулась. – Я хорошо представляю себе, что такое чародей, которого довели до белого каления. – Она налила нам еще по стопке. – Почему бы тебе не рассказать мне, что такого сде-

лала тебе доисторическая сука?

Я взял стопку, но пить не стал.

– Похитила маленькую девочку.

– Вампиры похищают многих детей, – заметила Анастасия. – Что такого особенного в этой?

Я не ответил. Пауза затягивалась. Я поднял голову и посмотрел ей в глаза.

Мы с Анастасией встречались некоторое время. Она знает меня лучше, чем кто-либо другой. С полсекунды она вглядывалась в мое лицо, потом глубоко вздохнула.

– Гарри, – посоветовала она, – не рассказывай об этом никому, кроме тех, кому готов доверить свою жизнь.

Я горько улыбнулся в ответ и кивнул. Знание – сила. Любой, кто узнает, что Мэгги – моя дочь, сможет использовать это против меня. Анастасия ни за что не поступила бы так, но это не значит, что на подобное не способны другие члены Совета. Конечно, они орудовали бы в рукавицах помягче, чем у Арианны: мне, вероятно, предложили бы деньги для поддержки Мэгги или предоставили бы возможность устроить ее в хорошую школу – все, что может пожелать отец для любимой дочери. При одном условии: это предложение будет отозвано, если я не выполню того, что от меня хотят. В конце концов, они же хорошие парни.

Впрочем, все могло бы обернуться и хуже. Я поежился при мысли о том, что мог бы сделать, обладая этим знанием, Никодимус – или, что еще веселее, Мэб (да-да, та самая Мэб.

И, поверьте мне на слово, в легендах она еще сильно приукрашена). Знаком я еще с несколькими самородками вроде этих, и ни у кого из них нет повода особенно меня любить. С другой стороны, подумал я с дрожью, подлинных возможностей Арианны я себе даже не представлял.

В любом случае вряд ли будет к лучшему, если о Мэгги станет известно всем. Собственно, я и не собирался объявлять Совету о нашем с ней родстве. Это не вызвало бы сочувствия – только интерес. Чем меньше людей узнает, что я отец Мэгги, тем меньше опасности будет ей грозить.

Да, конечно.

Я вполне осознаю иронию.

– Могу я на тебя рассчитывать? – спросил я, не сводя взгляда с Анастасии.

Она опустила руки на стол и секунд пять молча смотрела на них, прежде чем ответить:

– Я уже не та в бою, что прежде, Гарри.

Я стиснул зубы:

– Поэтому ты отсиживаешься там, где спокойно.

В первый раз с момента моего прибытия в Эдинбург темные глаза Анастасии вспыхнули настоящим гневом, и я вдруг вспомнил, что эта женщина командовала Стражами не одно десятилетие. Воздух между нами в буквальном смысле слова нагрелся.

– Подумай хорошенько, – очень тихо произнесла она, – прежде чем называть меня трусихой.

С тех пор как душа и сознание жесткой седовласой женщины-бойца магическим образом переместились в тело выпускницы колледжа, у нее заметно поубавилось физической силы, но воля и боевой опыт остались прежними. Я бы не стал мериться с ней силой. И черт подери, с тех пор мне не раз приходилось видеть ее в бою.

Бурливший во мне гнев жаждал выплеснуться на нее. Однако Анастасия заслуживала лучшего. Я справился с приступом и приподнял пальцы руки в знак немого извинения. Анастасия Люччо могла быть кем угодно, только не трусом – а ведь она родилась в эпоху, когда подобное обвинение за просто могло стать поводом для дуэли.

Спасибо, увольте.

Она кивнула, и сковывавшее ее напряжение немного ослабло.

– Я собиралась сказать, что могла бы принести тебе гораздо больше пользы, находясь здесь: собирая разведданные, задавая вопросы и, возможно, даже находя тебе подкрепление. Понятное дело, тебе придется драться, но ты ведь не сможешь делать это, пока не найдешь девочку, к тому же многие из наших сильно заинтересованы в том, чтобы ты не создавал помех мирному процессу. Работая здесь, я могла бы нейтрализовать их.

Я с досадой уставился на свои руки. Она продумала все на порядок лучше, чем я.

– Я даже не подумал... Да. Прости, Ана.

Она склонила голову:

– Пустяки.

– Я мог бы поразмыслить и лучше. – Я почесал в затылке. – Думаешь, ты сможешь обложить Мерлина мешками с песком?

Брови ее удивленно взмыли на лоб.

– Адские погремушки, да я просто потрясен, что он не откинул капюшон и не начал на меня орать. Не может такого быть, чтобы он сидел сиднем, когда есть возможность хлопнуть мне по моз... – Я осекся, увидев, как широко-широко раскрылись глаза Молли. Я оглянулся.

Одна из висевших на стене картин сдвинулась в сторону, открыв взгляду спрятанную за ней дверь. Дверь беззвучно отворилась, и в комнату вступил чародей – этакий сошедший с киноафиши древний Мерлин.

Артур Лэнгтри – один из старейших чародеев и наверняка самый могущественный из них в Белом Совете. Волосы и борода у него длинные, белоснежные, с редкими серебряными нитями, и ухожены они идеально. Глаза голубые, как зимнее небо, взгляд настороженный, но все лицо в целом являет собой образец утонченного благородства.

Мерлин Белого Совета был одет в простую белую мантию, правда, на талии красовался пояс из белой кожи, на какой обычно вешается кобура с пистолетом. Сначала я решил, что пояс этот изготовлен по образцу амуниции для диверсионных отрядов, но потом сообразил, что, вполне вероятно, де-

ло обстоит ровным счетом наоборот. В кожаных кармашках лежали пузырьки – скорее всего, разнообразные магические эликсиры. Из кожаного чехла, похожего на кобуру, торчала рукоятка жезла или, не исключено, короткой дубинки. Еще на поясе висело несколько застегнутых подсумков – вероятно, со стандартным набором чародейского оборудования вроде того, что беру с собой я. А еще он держал в руке длинный белый посох из незнакомого мне дерева.

Секунду или две я просто таращил на него глаза.

– Что, мирные переговоры уже завершились? – спросил я, слегка опомнившись.

– Разумеется, нет, – ответил Мерлин. – Господи, Дрезден, неужели вы думаете, что мы можем позволить Совету Старейшин в полном составе стоять в радиусе досягаемости вампирских когтей? Да вы с ума сошли.

Я тупо заморгал.

– Из всего Совета Старейшин на сцене стоит один чародей Маккой, – сообщил он и поморщился. – За исключением Кристаса, разумеется, который не знает о принятых нами мерах безопасности. Посол запросто мог прибыть с целью убийства.

Я несколько раз открыл и закрыл рот.

– Значит... – выдавил я наконец, – вы оставили его там одного, тогда как вам самим ничего не грозит?

Мерлин пожал плечами:

– Одному из нас необходимо оставаться там на случай

проблем. Кстати, Дрезден, это предложил Маккой. Он человек дерзкий, бесцеремонный и заслуживающий доверия.

Я насупился и мысленно выпорол свой мозг за тупость, страхнув при этом усилием воли свою обычную враждебность по отношению к этому человеку.

– Вы не доверяете вампирам, – медленно произнес я. – Вы не пьете на этой мирной конференции ядовитый лимонад.

Лэнгтри терпеливо посмотрел на меня и перевел взгляд на Лючко.

– Джонстаун, – пояснила она. – Одно из самых массовых самоубийств прошлого века.

Он нахмурился, потом кивнул:

– А-а, метафора понятна. Нет, Дрезден, мы не готовы просто поверить им на слово – но очень многие члены Совета с этим не согласны. Кристас завербовал множество сторонников, жаждущих мира на любых условиях.

– Но если вы не хотите остановить войну, – удивился я, – какого черта вы помешали мне, капитан Лючко? Я мог бы устроить это для вас, не сходя с места.

– Не устроили бы, – спокойно возразил Лэнгтри. – Вас бы оглушили и бросили в яму. – На губах его заиграла легкая улыбка. – Хотя ваше предложение не лишено соблазнительности, практичностью оно не отличается.

Молли поставила локти на стол и подперла подбородок ладонями, задумчиво глядя на Мерлина.

Колесики у меня в мозгу продолжали вертеться: тик-так,

тик-так... Судя по всему, часовая стрелка дошла до нужного места, и глаза мои сами собой широко раскрылись.

– Вы не собираетесь раскуривать трубку мира. Вы ждете нападения.

Он смерил меня ровным взглядом и как бы невзначай положил руку на свой боевой пояс.

– Угадали. Что вас на это навело, Дрезден?

Я раскрыл рот, чтобы дать резкий ответ, – не важно, Мерлин он там или не Мерлин, но Анастасия положила руку мне на запястье.

– Наша разведка, – перебила она меня, – сообщает о повышенной активности в стане Красных. Они накапливают силы.

Я переводил взгляд с Люччо на Мерлина и обратно:

– Вы полагаете, они попытаются провернуть фокус с троянским конем?

– Или что-нибудь вроде этого, – ответил Лэнгтри.

– Поэтому мы начеку, – продолжала Анастасия. – И подготовили самый мощный контрудар с начала войны.

– Эм... – подала голос Молли. – А что, если они всерьез хотят мира?

Все разом повернулись в ее сторону, и моя ученица неуверенно поежилась под взглядом Мерлина.

– Но ведь возможно же и такое, – пробормотала она.

Лэнгтри улыбнулся одними губами:

– Леопард не в силах поменять свои пятна, мисс Карпен-

тер. И если овца подружится с голодным волком, то лишь ненадолго. Сущность Красной Коллегии заключается в жестокости и крокодиловых слезах. Если они и заключают мир, так лишь для того, чтобы пополнить силы для нового нападения.

– Их повадки сформированы тысячелетиями, – подтвердил я (соглашаясь с Мерлином – надо же!). – Всегда надейся на лучшее, но готовься к худшему.

Молли задумчиво прикусила губу и кивнула.

Лэнгтри продолжал внимательно смотреть на меня:

– Мне нужно объяснять, зачем я вам это объяснял, Дрезден?

– Пожалуй, не помешало бы, – кивнул я. – Я хочу сказать, вы не привели никаких иллюстраций, профессор.

Лэнгтри сделал глубокий вдох, на мгновение закрыл глаза и отвернулся от меня.

– А? – нахмурилась Молли.

– Мы хотим, чтобы Красная Коллегия нанесла свой удар, если таковы их намерения, – сказал я ей. – Мы хотим, чтобы Красная Коллегия полагала, будто их трюк сработал. Мы хотим, чтобы они переоценивали свои силы и преисполнились самоуверенности. Но когда они нанесут удар, мы нанесем ответный – с такой силой, что они не поймут, что происходит, пока все не будет кончено.

– Нет, – поправил меня Лэнгтри. – С такой, что они даже не успеют понять, что нанесен удар. Все, точка. Мы больше

не будем вести с ними войну – ни грязную, ни холодную, ни горячую – никакую. Мы намерены просто уничтожить их раз и навсегда. – Он чуть вздернул подбородок, и голос его сделался ледяным. – Стереть с лица земли.

Наступила тишина. В камине весело трещали поленья.

Я ощутил, как сжимаются у меня кулаки.

– Но для этого вам необходимо, чтобы они первыми себя выдали. И поэтому, – прошептал я, – вы собираетесь просить меня не трогать графиню Арианну.

– Не говорите ерунды, – возразил спокойным, негромким голосом Лэнгтри. – Я не прошу. Я приказываю под страхом смерти, Страж Дрезден.

– Пусть при этом погибнет ребенок? – возмутился я.

– Ребенок, вероятнее всего, уже убит или обращен, – ответил Лэнгтри. – А даже если это не так, нам никуда не деться от суровой правды: миллионы и миллиарды живущих на Земле и тех, кто еще не родился, будут спасены, если мы раз и навсегда прекратим кормление Красной Коллегии на людях. – Голос его сделался еще холоднее. – И ни одной жизни, невинной или нет, не перевесить этого.

Несколько долгих секунд я молчал.

Потом встал. Мгновение – и я уже стоял лицом к лицу с Мерлином. Я ощущал непреклонную, железную волю, правившую этим человеком и сделавшую его самым могущественным источником человеческой магии на земле.

– Видите ли, – так же тихо сказал я ему, – вы вывернули

все наизнанку. Нет жизни, которая стоила бы дороже этого, да? Нет, Мерлин. Нет жизни, которая стоила бы меньше.

Выражение его лица не изменилось. Но пальцы чуть сильнее сжали посох. Взгляд его голубых глаз коснулся Молли, потом вернулся ко мне.

Он не скрывал угрозы.

Я придвинулся вплотную к его уху.

– Валяйте, Артур, – прошептал я. – Попробуйте.

Я медленно выпрямился, старательно убирая с лица любой намек на эмоции или мысли. Напряжение буквально повисло в воздухе. Никто не шевелился. Я видел, что Молли чуть дрожит.

Я медленно кивнул Мерлину.

– Кузнечик? – окликнул я негромко.

Молли мгновенно вскочила.

Пока мы двигались к выходу, я держался между Лэнгтри и девушкой. Он не угрожал больше, но глаза его оставались ледяными, как арктический лед. За его спиной Люччо одарила меня чуть заметным заговорщицким кивком.

Адские погремушки, она с самого начала знала, против кого ей придется действовать.

Мы с Молли покинули Эдинбург и отправились домой, в Чикаго.

Глава 9

Всю обратную дорогу до Чикаго я ждал неприятностей, но ничего не случилось.

Путешествие из Эдинбурга обычным, физическим транспортом наверняка оказалось бы нелегким. Чародеи и реактивные лайнеры сосуществуют не лучше, чем торнадо с палаточными лагерями, и результаты примерно столь же катастрофические. Из всех видов современного транспорта нам более или менее подходят морские суда, но от Шотландии до Чикаго плыть довольно долго.

Поэтому мы поступили так, как всегда поступает уважающий себя чародей, когда шансы складываются не в его пользу: мы срезали путь.

Небывальщина, мир духов, существует рядом с нашим миром на манер другого измерения, но ее топография не соответствует земной. Небывальщина соприкасается с материальным миром в точках, имеющих, скажем так, совпадающий энергетический резонанс. В общем, если в Небывальщине точка А представляет собой темное, зловещее место, то и совпадающая с ней точка реального мира тоже темная и зловещая – допустим, задворки чикагского университета. Зато место в пяти футах от точки А в Небывальщине, назовем ее точкой Б, просто темная и навевающая тоску, но не наводящая ужас. Возможно, точка Б совпадает с кладбищем

в Сиэтле.

Поэтому – если вы, конечно, чародей – вы можете забраться на задворки университета, отворить проход в Небывальщину, пройти пять футов до соседнего прохода в реальный мир и выйти на кладбище в Сиэтле. Дистанция пешего перехода составит при этом пять или шесть футов, что на поверхности земли составило бы примерно тысячу семьсот миль.

Удобно, правда?

Конечно, стоит добавить, что по Небывальщине чаще всего и пяти футов не пройти, чтобы не напороться на какой-нибудь исполинский ужас с щупальцами или жвалами, при одном взгляде на который можно сойти с ума. Небывальщина вообще довольно жуткое место. Туда не захочется сходить прогуляться просто так, без тщательной подготовки. Впрочем, если знать безопасные пути – Тропы, как мы их зовем, – путешествие может пройти быстро и приятно, почти без вторжения какого-нибудь случайного безумия.

Когда-то я ни за какие коврижки не согласился бы войти в Небывальщину, разве что в самых критических обстоятельствах. Теперь это страшило меня немногим больше, чем поход на автобусную остановку. Все меняется.

Мы вернулись в Чикаго еще до обеда, вынырнув из Небывальщины в переулок за старым зданием, некогда служившим городской скотобойней. Мой «Голубой жучок», изрядно побитый временем и приключениями «фольксваген-жук», ждал неподалеку. Мы вернулись ко мне домой.

Сьюзен с Мартином ждали. Примерно через две минуты после нашего возвращения в дверь постучали, и, когда я отворил ее, за ней стояли оба полувампира. На плече у Мартина висела на кожаном ремне сумка.

– Что это за девица? – поинтересовался Мартин, глядя поверх моего плеча на Молли.

– Я тоже рад вас снова видеть, дружище, – отозвался я. – И не надо благодарностей. Я только и делаю, что спасаю чужие жизни.

Сьюзен улыбнулась мне, и взгляд ее, переместившись на Молли, провел обыкновенное женское сканирование с головы до пят. В результате этого процесса женщина составляет подробный профиль другой женщины, основываясь на миллионах мельчайших деталей одежды, бижутерии, макияжа и прочих вещей, а потом на основании этого профиля определяет, насколько серьезную социальную угрозу та собой представляет. Мужчины тоже такое проделывают, но, как правило, этот анализ сводится к двум пунктам: «Есть ли у него пиво?» и «Если есть, поделится ли он со мной?»

– Гарри, – произнесла Сьюзен, целуя меня в щеку. Я ощущал себя сосной в краях, населенных пумами, и лишь надеялся, что следующим пунктом не станет обозначение территории путем обдирания коры когтями. – Кто это?

– Моя ученица, Молли Карпентер, – ответил я. – Кузнецик, это Сьюзен Родригес. А это Марвин Какой-то-там.

– Мартин, – невозмутимо поправил он меня, входя в ком-

нату. – Ей можно доверять?

– Как мне самому, – ответил я.

– Отлично. – Голос у Мартина вряд ли мог сделаться еще суше, но он честно старался. – Спасибо и на этом.

– А я знаю, кто это, Гарри, – подала голос Молли. – Они из Братства святого Жиля, верно? Охотники на вампиров?

– Горячо, – ответила Сьюзен, стоя совсем близко от меня, в пределах моего персонального пространства. Я бы назвал эту дистанцию интимной. На мгновение она коснулась моей руки горячими, как огонь, пальцами, но взгляд ее оставался прикованным к Молли. – Ученица чародея? Правда? И на что это похоже?

Молли пожала плечами и, чуть нахмурившись, отвела взгляд:

– Куча чтения, куча занудных упражнений с редкими вкраплениями чистого ужаса.

Сьюзен наконец перестала смотреть на Молли, – похоже, она пришла к какому-то заключению. Во всяком случае, она покинула мое персональное пространство.

– Ты поговорил с Советом?

– Немного, – ответил я. – Там присутствовала графиня собственной персоной. С ней я тоже поговорил.

Сьюзен с шумом втянула воздух:

– Как? Она ведь не покидала Мексику более ста восьмидесяти лет.

– Позвони в «Книгу Гиннеса». Такое событие следует за-

печатлеть.

– Боже правый! – выдохнула она. – Что она там делала?

– Выражала сострадание, понимание и готовность простить меня за то, что я вызвал ее на дуэль на глазах у тысячи братьев-чародеев.

Мартин словно поперхнулся. Сьюзен широко распахнула глаза.

– Я хотел разделать ее прямо там, – продолжал я. – Но она находилась под защитой дипломатического иммунитета. Наша разведка говорит, что отмечена всякого рода повышенная вампирская активность. Я жду дополнительной информации из других источников, но это займет еще какое-то время.

– Нам уже известно про мобилизацию, – подтвердила Сьюзен. – Братство предупредило Совет три дня назад.

– Совет был так мил, что оповестил об этом всех остальных. Но я получу всю известную Совету информацию через несколько часов, – сказал я. – А вы, ребята, нарыли что-нибудь?

– Вроде того, – отозвалась Сьюзен. – Приступим.

Мы расселись вокруг журнального столика, и Мартин поставил на него свой чемодан. Потом извлек оттуда конверт из плотной бумаги и протянул мне.

– Из почти петабайта информации... – начал он.

– Пета... чего? – переспросил я.

– Квадриллиона байт, – пояснил он. Очень доходчиво.

Сьюзен закатила глаза:

– Объем информации как в нескольких библиотеках.

– А... Хорошо.

Мартин прокашлялся и продолжал так, словно его не перебивали.

– Нам удалось выявить не больше трех сотен файлов. В основном отчеты по инвентаризации.

Я открыл конверт и достал из него несколько листов бумаги для принтера с перечнями различных предметов и еще несколько с пронумерованными фотографиями.

– Все предметы в этой папке, – пояснила Сьюзен, – помечены как суперконденсаторы.

Я хмыкнул и взгляделся в фотографии внимательнее. Каменный нож. Древний, иззубренный меч. Закопченный кирпич. Каменная урна, покрытая странным абстрактным узором, вызывающим смутную тревогу.

– Угу. Не могу утверждать наверняка, не обследовав всего этого физически, но хлам этот похож на ритуальные принадлежности.

Я нахмурился и принялся сверять номера в перечнях.

– И если верить тому, что здесь написано, все они изъяты из тайного склада в Неваде и отправлены в... – Я покосился на Сьюзен. – Когда именно похитили Мэгги? Какого числа?

– Чуть меньше чем за сутки до моего звонка тебе.

Я нахмурился еще сильнее:

– Их отправили в тот же день, когда захватили Мэгги.

– Да, – подтвердила она. – Примерно через три часа после похищения.

– Куда отправили?

– Хороший вопрос, – буркнула она. – Если это вообще каким-то образом связано с Мэгги.

– Довольно много шансов на то, что не связано, – вмешался Мартин.

– Угу. Вы бы лучше занялись остальными имеющимися у нас нитями, Марвин. – Я испепелил его взглядом и вернулся к изучению бумаг. – Если я определяю, для чего используются эти принадлежности, возможно, я мог бы и разрулить заклятие. Насколько я понимаю, они предназначены для танца, призывающего дождь. – Я задумчиво похлопал стопкой бумаг по колену. – Этим и займусь в первую очередь. А тем временем, Молли, сходи-ка переговори с отцом Фортхиллом лично – телефоны могут прослушиваться. У Фортхилла есть кое-какие связи на юге. Передай ему, что мне хотелось бы знать, не сообщал ли кто-нибудь оттуда о чем-либо необычном. И возьми с собой Мыша – пусть прикрывает тебя со спины.

– Я могу сама о себе позаботиться, Гарри. Еще светло.

– Оружие твое, Кузнечик, – произнес я по возможности похоже на магистра Йоду. – Тебе не понадобится оно.

Она раздраженно нахмурилась:

– А знаете, мне кажется, в мире существуют и другие источники цитирования, не только «Звездные войны».

Я сощурился в лучших традициях «Маппет-шоу»:

– Вот потому ты и проигрываешь.

– Это даже не... Тьфу. Проще сделать, как вы хотите. –

Она встала и, вытянув руку, поймала брошенные мною ключи от «Голубого жучка». – Идем, Мыш.

Мыш поднялся со своего места у плиты и подошел к Молли.

– Подожди-ка минутку, детка. Сюзен, – я повернулся в ее сторону, – что-то в этом деле не дает мне покоя. Нехорошие парни знали, где нас искать. Скорее всего, они сидят у кого-то из нас на хвосте, так что вряд ли стоит разгуливать с нарисованной на спине мишенью. Может, вам с Мартином прогуляться и посмотреть, не удастся ли поймать эту нашу тень?

– Они увидят нас и исчезнут, стоит нам выйти из дома, – заявил Мартин.

– О! – мгновенно просветлела Молли. – А ведь верно!

Я вышел забрать почту и прогулять Мыша на маленьком заднем дворе, а Молли, Сюзен и Мартин тем временем выскользнули из дома под прикрытием занавесы – что-что, а занавесы у Молли получаются высшего класса. Я дал Мышу на все его дела пять минут, потом кликнул его, и мы вернулись домой.

Молли опередила меня – за это время она успела вывести Сюзен с Мартином за пределы видимости любого, кто

устроил бы наблюдение за моей дверью, и вернулась обратно.

– Ну как? – поинтересовалась она как будто невзначай. Но я-то ее достаточно знаю, чтобы понимать, когда ей важно знать мое мнение.

– Чисто сработано, – похвалил я. – Горжусь.

Она кивнула – чуть более энергично, чем требовалось бы для простого подтверждения. Адские погремушки, я очень хорошо понимал, как она должна себя чувствовать: отчаянно желать продемонстрировать учителю свой талант, свое умение. Мне, например, понадобилось лет десять на то, чтобы более или менее разумно оценить прошлое – и понять, каким неопытным и глупым я был в ее годы и как мне повезло, что обучение не стоило мне глаза или пальца.

Я не слишком беспокоился, посылая девчонку на задание. Поручение я ей дал несложное, да и Фортхилл относился к ней с симпатией. Боец из Молли не самый грозный, зато она хорошо умеет избегать драки, если ее вовремя предупредить об опасности, – для этого я и отправил с ней Мыша. От внимания моего пса мало что ускользает. Если вдруг возникнет угроза, Мыш предупредит ее, а там раз-два, фокус-покус – и где они оба?

С ней все будет в порядке.

– Не задерживайся, – наставлял я ее. – Ушки на макушке. Не лезь на рожон. Не то лишу годового жалованья!

Она улыбнулась в ответ:

– Так вы же мне все равно ничего не платите.

– Вот черт! – сказал я. – Опять не повезло.

Она просияла очередной улыбкой и выбежала за дверь. Мыш следовал за ней по пятам с самым серьезным видом, насторожив уши. По пути он прихватил со столика свой кожаный поводок: Молли совсем забыла про городские законы о выгуле собак. Впрочем, не думаю, что Мыша особенно волновали законы. Согласно моей теории, он предпочитает ходить на поводке только потому, что люди относятся к огромной собаке спокойнее, если она «разумно ограничена».

В отличие от меня, он вполне социальный тип. Точнее, собака. А, ладно, не важно.

Я подождал, пока заведется мотор «жучка», и запер дверь. Потом взял распечатки Мартина, сдвинул ковер, закрывавший люк в полу гостиной, и спустился в свою лабораторию.

– Моя лаборатория, – произнес я, растягивая каждый слог. – Почему, когда я говорю это, мне всегда хочется добавить «муах-ха-ха-ха-ха»?

– Перебрали ужасиков от «Хаммер-филмз»? – послышался снизу ехидный голос.

Я добрался до последней ступеньки, пробормотал заклинание и сделал широкий пасс рукой. Тут же зажглась дюжина свечей.

Моя лаборатория не отличается изысканностью обстановки. Это бетонная коробка – фундамент жилого дома. Должно быть, когда дом строился, кто-то поленился заполнить это пространство землей или гравием. Вдоль стен тянутся полки

и столы, забытые всяким чародейским хламом. В центре помещения стоит длинный стол, почти полностью занятый отлитым по частям из олова масштабным макетом центра Чикаго – вплоть до уличных фонарей и деревьев.

У моей ученицы тоже есть свое рабочее место – маленький столик между двумя стеллажами. На столике постоянно добавлялось тетрадок, инструментов и материалов, но ей каким-то образом удавалось сохранить хотя бы часть его поверхности свободной. Все у нее было аккуратно разложено и безукоризненно чисто. Граница между Моллиным и моим рабочими пространствами наглядна и недвусмысленна – словно начерчена на карте.

За последний год я усовершенствовал свой круг для заклинаний – пятифутовый обруч из свитых вместе медных, серебряных и железных жил, вделанный в бетонный пол. Обруч, заказанный у гнома – серебряных дел мастера, обошелся мне в три штуки зеленых. Сами материалы стоят не так дорого, но гномы терпеть не могут работать с железом и соглашаются на это только за солидную компенсацию.

Каждая вплетенная в круг металлическая жила покрыта рунами и знаками, позволяющими контролировать магические энергии на порядок лучше, чем любой простой круг. И символы на каждой жиле разные, вырезанные с точностью, на которую способны только гномы... ну, может, еще компьютеры. По всему кругу мерцали крошечные вспышки вроде статических разрядов, но мягче, более текуче – красные,

голубые, зеленые.

Для чародея я сравнительно молод, однако кое-что иногда мне удастся на славу.

Одна полка заметно отличается от всех остальных. Это обычная доска, по обоим концам которой громоздятся вулканические конусы оплавившего свечного воска. В центре полки белеет человеческий череп, окруженный любовными романами в мягких обложках. Стоило мне спуститься, как в пустых глазницах черепа затеплились оранжевые огоньки. Светящийся взгляд пошарил по помещению и остановился на мне.

– Слишком много ужастиков от «Хаммер-филмз», – повторил Боб-череп. – Или, может, слишком много шоу ужасов «Рокки-хоррор».

– Дженет, Брэд, Рокки... гм, – с готовностью подтвердил я.

Подойдя к полке, я снял с нее череп и под завывание Боба, пытавшегося имитировать озвучку упомянутых шедевров кинематографа, отнес его на более или менее свободный стол. Водрузив череп на стопку тетрадей, я положил перед ним Мартинов конверт.

– Нужно твое мнение об одной штуке. – Я открыл конверт и принялся раскладывать распечатанные Мартином фотографии.

Некоторое время Боб молча разглядывал их.

– Что мы здесь видим перед собой, а? – поинтересовался

он наконец.

– Суперконденсаторы, – ответил я.

– Вздор. Это гораздо больше смахивает на ритуальные принадлежности.

– Угу. Я так понимаю, именно ритуальные принадлежности проходят у них в ведомостях под названием «суперконденсаторы».

Боб принялся внимательнее вглядываться в фотографии, бормоча что-то себе под нос... вернее, под дырку, где когда-то находился нос. На самом деле никакой он не говорящий череп – он дух интеллекта, по воле случая обитающий в специально заговоренном для этой цели черепе. Чародеям он помогал с Темных времен, и если не забыл за это время больше, чем мне вообще известно по магической части, так только потому, что он вообще ничего не забывает.

– Они отправлены одной партией. Мне нужна хотя бы приблизительная оценка того, для чего все это может предназначаться.

– Трудно судить по двумерным изображениям, – заявил Боб. – Как-то непривычно мне, когда измерений меньше четырех. – Череп в задумчивости полязгал зубами. – А больше ничего нет? Ну там, описания или еще чего?

Я заглянул в папку.

– Только инвентарный список. – Я ткнул пальцем в фотографию каменного ножа и сверился с номером. – «Кремневое лезвие», – прочитал я и перешел к кирпичу с отбитыми

углами. – «Кирпич».

– Что ж, просто ослепительно как помогает! – буркнул Боб.

– Хм... Возможно, это просто не имеющий особого смысла хлам. Если тебе кажется, что это лишено конкретного значения...

– Я этого не говорил, – обиженно перебил меня Боб. – Господи, Гарри, какой ты все-таки скептик!

– Так ты можешь мне что-то внятное сказать или нет?

– Я могу тебе сказать, что ты балансируешь на грани безумия, сахиб.

Я озадаченно моргнул:

– Чего?

Боб не поднимал взгляда от фотографии.

– У тебя вся аура искажена к чертовой матери. Прямо взрыв на фабрике красок. Обыкновенно такая бывает у психов.

Я хмыкнул и обдумал его заявление. Потом пожал плечами:

– Возможно, я принимаю это дело чересчур близко к сердцу.

– Тебе бы отдохнуть в каком-нибудь тихом месте, босс. Пусть мозги расслабятся. И напряжения поубавится.

– Вот спасибо, доктор Фрейд, – буркнул я. – Возьму на заметку. Так ты можешь мне сказать что-нибудь про эти предметы или как?

– Не могу, пока не обследовал их в натуре, – заявил Боб.
Я хмыкнул еще раз:

– Супер. Еще одна неудачная подача для чародея-сыщика.

– Уж извини, – сказал он. – Но все, что я могу тебе сказать по этим снимкам, – это детонатор.

Я нахмурился:

– Что ты имеешь в виду?

– О, ну совершенно же очевидно, что это объекты для темной, опасной магии, – терпеливо, как младенцу, объяснил Боб. – Только посмотри на все эти углы и грани. Даже намека нет на пропорциональность и равновесие. Это предназначено для чего-то разрушительного, смертоносного.

– Пока сходится, – кивнул я. – Дошли до меня слухи, что война скоро вспыхнет с новой силой. – Я устало взъерошил волосы рукой. – Так для чего, ты говорил, нужен этот детонатор?

– Для чего-то темного? – спросил Боб. – Только одно приходит на ум.

Я вдруг похолодел. В горле пересохло.

– Человеческое жертвоприношение, – жизнерадостно прошептал череп. – Заклание невинного.

Глава 10

Я устало облокотился на стол и закрыл глаза.

Красная Коллегия готовила разрушительный акт высшей

черной магии.

А для успеха этого их ритуала, каким бы он ни был, им требовалось человеческое жертвоприношение.

В голове у меня мелькали кадры какого-то жуткого кино, в котором Мэгги истекала кровью внутри ритуального круга, окруженная толпой вампиров под мрачным небом.

Во всем этом проглядывала какая-то жуткая, зловещая элегантность. Одним ударом они убивали мою дочь и нанесли удар по Совету. Это голое предположение, конечно, но, судя по тому, что я знал о графине, более чем правдоподобное. Кто-кто, а она вполне могла одновременно причинить максимум боли лично мне и организовать магическую атаку на остальных своих врагов. Получается, она занималась и местью, и войной, мило улыбаясь при этом направо и налево, обещая мир и взаимопонимание, – защищаемая от меня теми самыми идиотами, которых намеревалась уничтожить.

Я мог, конечно, предупредить их, но выслушали бы меня далеко не все. Эбинизер, возможно, и Анастасия, и кое-кто из молодых Стражей – но даже если бы они поверили мне, им все равно пришлось бы еще убеждать остальных. Наш гребанный Совет никогда и ничего не делает быстро, а у меня имелось нехорошее предчувствие, что времени в запасе почти не осталось.

Значит, придется делать все самому.

Но для этого мне недоставало информации.

Я снова покосился на свой магический круг и сделал мед-

ленный, глубокий вдох. Я знал, что мог бы сделать кое-что. Довольно жуткое, но мог бы. Знал, кого мог бы призвать в этот круг – злобных всезнаек, духов с извращенным сознанием, для которых то, что для меня почти недостижимо, яснее ясного.

Но за эти познания пришлось бы заплатить ужасную цену.

Я оторвал взгляд от круга и тряхнул головой. Черт, я еще недостаточно отчаялся для таких мер.

Пока.

Кто-то громко забарабанил в мою дверь.

Я поднялся из лаборатории, закрыл люк, взял свой жезл и, подойдя к двери, посмотрел в глазок. За дверью стояла, сунув руки в карманы плаща, Мёрфи с понуро опущенными плечами.

– Побоялась звонить, – сообщила она, когда я открыл дверь.

Она вошла, и я запер дверь снова.

– Угу, мы тоже опасаемся, что Красная Коллегия может прослушивать разговоры.

Она покачала головой:

– Насчет вампиров, Гарри, ничего сказать не могу. Но отделом внутренней безопасности мой номер точно прослушивается.

Я выпучил на нее глаза:

– Эти кретины из ОВБ? Опять? Что, Рудольф никак не может успокоиться?

Рудольф Дерьмоносый Коп, как его по причине особой любви ласково звали в отделе специальных расследований, сумел-таки вылизать достаточно задниц, чтобы его перевели из ОСР в ОВБ, но обиду на своих бывших сослуживцев за-таил. Похоже, во всех своих злоключениях в ОСР он винил именно их.

– Явно не может, – подтвердила Мёрфи. – Он там из кожи вон лезет, зарабатывая репутацию.

– Мёрф, ты ведь отличный коп. Уверен, тебе...

Она только отмахнулась и мотнула головой:

– Это все сейчас не важно. Слушай и не перебивай, ладно?

Я нахмурился и кивнул.

– По делу о взрыве в доме, где у тебя офис, открыто полномасштабное расследование, – продолжила Мёрфи. – Рудольф переговорил со старшим агентом ФБР и с местным детективом, ответственным за расследование, и ему удалось убедить их, что ты крайне подозрительный тип и что в качестве подозреваемого подходишь идеально.

Я даже застонал:

– Экспертиза подтвердит это. Взрывчатка располагалась на моем этаже, по большей части ее вообще заложили в стены моего офиса.

Мёрфи откинула рукой упавшую на лоб прядь волос. Синяки под глазами у нее стали еще более темными.

– В ближайшую пару часов тебя выдернут на допрос. Скорее всего, задержат на двадцать четыре часа. А если найдут,

к чему прицепиться, могут и на более долгий срок.

– У меня на такие штуки времени нет, – пробормотал я.

– Тогда тебе лучше исчезнуть, и чем быстрее, тем лучше, – посоветовала Мёрфи. – И мне тоже пора. Нам обоим лучше, чтобы нас не видели вместе.

– Вот сукин сын! – процедил я. – Возьму и зашвырну его на середину озера Мичиган – посмотрим, правда ли, что дерьмо не тонет.

– С удовольствием пригружу его свинцом, – согласилась Мёрфи. Она выдернула из-под футболки амулет, который я дал ей, чтобы миновать мои обереги, и показала мне. – Надеюсь, мне не удастся тебя найти. Свяжешься со мной, если будет нужна помощь, ладно?

– Мёрф, – сказал я. – Если уж на меня ополчились фэбэ-эровцы... тебе лучше держаться от меня подальше.

Брови ее рывком поднялись чуть выше – недобрый признак.

– Прошу прощения? – вежливо произнесла она.

– С их точки зрения, даже то, что мы много работали вместе, уже подозрительно. А если ты будешь помогать мне и сейчас... Тебя же без значка оставят. Да ты и сама прекрасно это понимаешь. А может обернуться и хуже. Тебя могут за решетку засунуть.

Недоброе напряжение, ощущавшееся в ее чертах, как-то разом исчезло.

– Господи, Дрезден! Ну ты и балда!

Я тупо заморгал.

– А если я пойду с тобой, – объяснила она, – я запросто могу оказаться в могиле. Это тебя, похоже, волнует гораздо меньше.

– Ну... – пробубнил я. – Я...

– Я сама выбираю, где мне биться, Дрезден. Не ты, а я. – Она смерила меня спокойным взглядом. – Позволь изложить это в понятиях, способных пробиться в твою тупую башку: мой друг собирается спасти ребенка от монстров. Я иду с ним. Друзья поступают только так, Гарри.

Я кивнул и помолчал немного.

– Я тебя знаю, Кэррин, – произнес я наконец. – Смерть в бою за правое дело ты не сочла бы страшным концом. Ты понимаешь, что такое возможно, и подготовила себя к этому. – Я сделал глубокий вдох. – Но если у тебя отберут бляху... Я же знаю, что значит для тебя твоя работа. Ты будешь умирать, только медленно. Не уверен, что смогу спокойно смотреть на такое.

– Поэтому исключишь меня из игры? А то, чего я хочу, не считается?

– Не знаю, – признался я. – Возможно.

– А решение принимаешь ты?

Я подумал.

– Нет.

– Правильный ответ, – хмыкнула она, кивнув. Рука ее как бы невзначай коснулась выпуклости амулета под футбол-

кой. – Звони.

– Позвоню. Или попрошу кого-нибудь. Но свяжусь.

– Мне тут пришло в голову, что кто-нибудь, кто мечтает причинить тебе боль, может начать с твоих друзей. Как мне проверить, от кого придет сообщение?

Я покачал головой. Чем дальше, тем больше мне начинало казаться, что я не застрахован от прослушивания даже здесь, у себя дома. Мое жилье защищено оборонительной магией, однако на свете хватает людей, да и нелюдей тоже, у которых больше опыта, сил или хитрости.

– Если мне придется передавать тебе весточку с посыльным, я постараюсь, чтобы ты не сомневалась, от кого она.

Мёрфи молча выслушала мой ответ. Потом медленно обвела комнату взглядом, словно высматривая невидимого соглядатая, и кивнула:

– Ладно. Смотри, Гарри, не задерживайся здесь надолго.

– Угу, – отозвался я. – Да ты не беспокойся обо мне, Мёрф.

Она сморщила нос:

– Думаешь, я только о тебе беспокоюсь? У тебя здесь прятан по меньшей мере один обрез, а уж в лаборатории, голову даю на отсечение, полным-полно незаконных штук. И если они хотят повесить на тебя ярлык подозреваемого, то наверняка заручились ордером на обыск. А насколько мне известно, у ФБР нет никаких амулетов, позволяющих войти сюда живыми.

Я громко застонал. Мёрфи говорила дело. У меня в квартире действительно хранилась пара единиц незарегистрированного и вообще запрещенного законом огнестрельного оружия. Мечи (с большой буквы «М»!) тоже оставались пока в лаборатории. А еще там хранились кое-какие материалы, которые, с точки зрения властей, мне иметь никак не полагалось, – например, небольшое количество обедненного урана. В общем, такого, что ясно указывало на подозрительную сущность Гарри Дрездена.

Да и обереги, охранявшие мое жилье от непрошенных гостей, оказались как нельзя некстати. Конечно, если кто-то спустится по ступенькам и постучит в дверь, даже подергает дверную ручку, не случится ничего страшного. Но всякого, кто попытается взломать дверь, ожидает некоторое потрясение. Примерно в семьдесят тысяч вольт потрясение – столько я закачал в обереги у двери. Получить прямой удар молнии, конечно, неприятно, но это только первая линия обороны. С тех пор как ко мне в гостиную пыталась ворваться целая армия зомби, прошло не так много времени, и мне не хотелось испытать подобное еще раз.

Вот только мои обереги не умеют отличать зомби или сбрендившего вампира от введенного в заблуждение агента ФБР. Они просто тупо реагируют на всякого, кто попытается ворваться в дом. Придется отключить их, прежде чем кто-либо пострадает. А потом убрать из дома все мало-мальски подозрительные предметы.

Адские погремушки! Можно подумать, у меня без этого мало забот. Я потер пальцем переносицу, под которой уже зарождалась головная боль.

– Только этого мне и не хватало. Вот почему она все это провернула.

– Кто и что провернул, и зачем?

– Графиня Арианна из Красной Коллегии, – пояснил я и наскоро посвятил Мёрфи в суть происходящего.

– Но это на них не похоже, – удивилась Мёрфи. – Я хочу сказать, орудовать так, в открытую? Взрывать дом?

– Они проделывали нечто подобное в ходе войны, – возразил я. – Она обставила это как послание. Взорвала место моей работы на глазах у всего честного народа примерно так, как чародеи убрали ее муженька вместе с его штаб-квартирой в Гондурасе. И в придачу отвлекла мои внимание и силы, лишив меня потенциальной поддержки.

Мёрфи покачала головой:

– Однако при всей своей хитроумности она допустила одну ошибку.

– Правда?

– Еще как правда. Если она так умна, что ж она тогда не разнесла и тебя на куски вместе с домом?

Я кивнул:

– Угу. Так было бы, конечно, практичнее.

– Тогда почему она этого не сделала?

– Думаю, она хочет причинить мне максимум боли, перед

тем как окончательно от меня избавиться.

Брови у Мёрфи поползли вверх.

– Только ради мести? Но это похоже на сценарий плохого фильма. – Она изобразила преувеличенно британский говор: – «Нет, мистер Дрезден. Я желаю, чтобы вы умерли».

Я издал задумчивый звук. В ее рассуждениях имелась логика. Графиня Арианна не из тех, кто удовлетворяет свои садистские наклонности в ущерб собственной выгоде. Вампиру не прожить тысячи лет, если он не обладает достаточным хладнокровием.

Из чего следует...

– Тут еще что-то происходит, – выдохнул я. – Какая-то еще игра.

Мёрфи кивнула:

– Ты уверен, что Сьюзен ничего от тебя не утаила?

– Совершенно уверен, – ответил я, и ответ мой не показался убедительным даже мне самому.

Мёрфи скривила губы в горькой улыбке:

– Так я и думала. Ты ее любил. И манипулировать тобой из-за этого легче.

– Сьюзен бы так не поступила, – настаивал я.

– Надеюсь, что нет, – отозвалась Мёрфи. – Но... Ее ведь довольно долго здесь не было, Гарри. Как я поняла, она сражалась на войне. Одного этого достаточно, чтобы изменить человека – и не в лучшую сторону.

Я медленно покачал головой:

– Только не Сьюзен.

– Гарри. – Мёрфи пожала плечами. – У меня нехорошее предчувствие, что... – Она нахмурилась, подбирая слова. – Предчувствие, что все вот-вот пойдет вразнос.

– Что ты имеешь в виду?

Она пожала плечами:

– Просто... взрыв здания попал во все заголовки. На какой канал ни переключишься, только об этом и говорят. Все кричат о террористах. Такого внимания к нам со стороны высших эшелонов власти я на своем веку не помню. Ты говоришь, Белый Совет попал под влияние этого вашего Кристаса. А теперь во все это, оказывается, замешаны и верхи Красной Коллегии, и, судя по тому, что ты мне рассказываешь, у всех руки тянутся к оружию. – Она развела руками. – Это как... как Карибский кризис, помнишь? Весь мир на волосок от гибели.

Адские погремушки! А ведь Мёрфи права. Сверхъестественный мир стоял на краю пропасти; и сорвись он – лететь вниз, навстречу полному разрушению, ему предстояло долго-долго.

Я медленно вздохнул, приводя мысли в порядок.

– А мне плевать, – сказал я наконец.

Золотые брови Мёрфи взмыли еще выше.

– Я не в ответе за все, что творится в мире, Мёрф. Я всего-то собираюсь найти маленькую девочку и переправить ее в безопасное место. А мир как-нибудь и без меня справится.

– А что, если это станет последней каплей, Гарри? Девочка? Что ты тогда будешь делать?

От гнева, разгоравшегося где-то в моем позвоночнике, у меня перехватило голос, и он превратился в рычание:

– Я сделаю все, чтобы Мэгги ничего не угрожало. Если мир от этого сгорит, так тому и быть. Поджарим с девочкой себе маршмеллоу на этом огне.

Несколько секунд Мёрфи задумчиво смотрела на меня.

– Хороший ты мужик, Гарри, – произнесла она наконец. Очень мягко произнесла.

Я сглотнул и низко опустил голову: ее голос и выражение лица почему-то действовали на меня сильнее, чем слова сами по себе.

– Не всегда действующий рационально, – продолжала она с улыбкой. – Но из всех возможных безумств твое – лучшее.

– Спасибо, Кэррин.

Она сжала мою руку:

– Мне пора. Звони.

– Обязательно.

Она ушла, а я принялся готовить свое жилище к обыску. Это отняло у меня некоторое количество драгоценного времени, но арест отнял бы еще больше. Я как раз запрятывал остатки контрабандных материалов, когда в дверь постучали. Я застыл. Спустя несколько секунд стук повторился.

– Гарри Дрезден! – послышался из-за двери мужской голос. – Это специальный агент Тилли из ФБР. У меня имеет-

ся ордер на обыск вашей квартиры и задержание с целью допроса проживающих в ней людей – в связи с имевшим место прошлой ночью взрывом здания. Откройте, иначе мы будем вынуждены взломать дверь.

Глава 11

Я снова откинул ковер, накрывавший люк в лабораторию. Почти все сомнительные предметы я упаковал в большую нейлоновую спортивную сумку. Вскинув ее на плечо, я схватил плащ, посох, жезл – и едва не угробил, пытаясь спуститься по стремянке с удвоенной скоростью. Мне удалось затормозить в паре ступенек от бетонного пола, после чего пришлось подняться обратно, чтобы запереть люк. Я привинтил с нижней его стороны пару простых засовов, чтобы у нас с Кузнечиком имелась возможность дать знать друг другу о том, что процесс внизу не терпит помех.

– Что происходит? – выпалил со своей полки Боб.

– Боб, мне нужно, чтобы ты отключил обереги.

– Но почему ты сам не можешь этого сде...

– Потому, что я могу дезактивировать их на пять минут. А мне нужно заглушить их совсем. Так что шевели своей костлявой задницей и сделай то, о чем прошу.

– Но их после этого неделю не...

– Да знаю я! Валяй вырубай, и побыстрее! Разрешаю тебе ради этого покинуть череп.

– Есть, кэп, так точно, кэп, – без особенного энтузиазма откликнулся Боб.

Маленькое облачко оранжевого света выскользнуло из глазниц черепа и сквозь зазор между люком и полом просочилось наверх.

Я тем временем принялся запихивать в сумку все, что могло показаться подозрительным. Боюсь, делал я это без надлежащей аккуратности, но мне было не до нее.

Не прошло и минуты, как Боб вернулся и нырнул обратно к себе в череп.

– Гарри, там в дверь колошматит целая куча типов в форме и в штатском.

– Знаю.

– Почему? – спросил он. – Что случилось?

– Неприятности, – коротко ответил я. – Слушай, что у нас здесь есть противозаконного?

– Я что, похож на юриста? У меня тут и справочников под рукой нет.

Сверху донесся тяжелый удар. Кто бы там ни пожаловал ко мне, они решили выбить дверь. Что ж, флаг вам в руки, ребята. Мою дверь уже вышибали. С тех пор я поставил себе стальную дверь, выбить которую можно разве что направленным взрывом.

– Где у нас антипризрачный порошок? – спросил я.

– Одна полка вверх, две направо, жестяная коробка из-под сигар в картонном ящике, – с готовностью подсказал Боб.

– Спасибо. А тот кусок носорожьего рога?

– Под полкой слева от тебя, в пластиковом контейнере.

Так мы и продолжали: Боб диктовал, я набивал сумку. Закончив с этим, я сорвал со стены карту Паранета и сунул ее туда же поверх барахла. За ней последовал список членов Паранета с адресами и телефонами. Меньше всего мне хотелось, чтобы ФБР посчитало меня главарем разветвленной террористической сети.

Последним я сунул в сумку череп с Бобом и застегнул ее, оставив небольшое отверстие, чтобы он мог смотреть. Затем снял со стены два меча – по меньшей мере один из них зажегся в делах об убийствах в Чикаго и окрестностях, – пристегнул их специальными ремешками на бок сумки и на всякий случай примотал еще и скотчем. Я закинул сумку на плечо и крикнул. Черт, тяжеленная вышла бандура.

Наверху не смолкали удары и лязг. Потом послышался резкий хруст. Я поморщился. Может, дверь с рамой у меня и бронированные, но крепятся они к старой деревянной стене, возведенной едва ли не в позапрошлом веке. Похоже, стена-то и начала подаваться.

– Говорил же тебе, – пробубнил Боб из сумки. – Давно пора было разведать, в какую часть Небывальщины можно попасть отсюда.

– А я тебе говорил уже, – парировал я, – что меньше всего мне хочется ослаблять барьер между моим домом и чертовой Небывальщиной, привлекая внимание всяких разных

голодных бяк и бук, которые могут бродить по ту сторону.

– И ты ошибался, – самодовольно настаивал Боб. – А я тебе так и говорил.

Наверху послышался оглушительный грохот, и чей-то голос выкрикнул: «ФБР!» Одновременно кто-то другой кричал: «Полиция!»

Мгновение спустя кто-то испуганно выругался, и тут же грянул выстрел.

– Что это было? – пронзительно воскликнул кто-то.

– Кошка, – отозвался голос агента Тилли, сочащийся презрением. – Ты стрелял по гребаной кошке. И промазал.

Мистер. Сердце едва не выпрыгнуло у меня из груди. Я совершенно о нем забыл. Правда, похоже, верный своей натуре, Мистер сам о себе позаботился и сбежал.

Несколько человек сверху разом захихикали.

– Ничего смешного, – огрызнулся второй голос. Ну да, разумеется, Рудольф. – Этот тип опасен.

– Чисто! – доложил голос из соседней комнаты – моей спальни с ванной, поскольку других комнат у меня нет. – Здесь ничего.

– Черт! – выругался Рудольф. – Он где-то здесь. Ваши люди точно видели его в окно?

– Они видели в окно какое-то движение минут пять назад. Никто не говорил, что это он. – Агент Тилли немного помолчал. – А, ну да. Может, он там, в подвале... ведь это люк в подвал, верно?

– Вы расставили людей у окон? – спросил Рудольф.

– Да, – устало выдохнул Тилли и повысил голос, словно обращаясь к кому-то, стоявшему в дальнем углу гостиной. – Дом оцеплен. Ему некуда деться. Будем надеяться, он сам выйдет и сдастся без лишнего шума. Мы проследим, чтобы при этом соблюдались его законные права и все такое; и если он станет нам помогать, его очень быстро отпустят.

Я помедлил. У меня еще оставался выбор.

Я все еще мог поступить так, как предлагал Тилли. В долгосрочной перспективе это могло бы оказаться самым удачным для меня решением. Меня бы допросили, и любой разумный человек – к Рудольфу это не относится – очистил бы меня от подозрений. Я даже мог бы натравить их на графиню и ее чикагский бизнес – пусть попортят ей жизнь. А потом я вернулся бы к прежнему статус-кво: осторожному сотрудничеству с властями. Но этот процесс занял бы сколько-то драгоценного времени. По меньшей мере пару дней.

А такого запаса у меня не было.

Агент Тилли показался мне более или менее разумным человеком. Но если бы я вышел сейчас к нему, заявляя о своей невиновности, а потом почти сразу же исчез, мне можно было бы пришить как минимум сопротивление при аресте. Сложись даже все обстоятельства в мою пользу, несколько дней в кутузке обеспечены, а этого мне хотелось меньше всего. Кроме того, агент Тилли ничем не мог помочь Мэгги.

И еще, надо признаться, я здорово разозлился. В конце

концов, это, черт подери, мой дом. И я не люблю, когда в него вламываются просто так, по наущению гниды вроде Рудольфа. Во мне и без того накопилось достаточно ненависти, но эти чужие голоса в моей гостиной разом добавили к этой злости еще одну изрядную порцию. Как-то я засомневался, что смогу сохранять вежливость достаточно долго.

Поэтому, вместо того чтобы задержаться для беседы, я повернулся и шагнул в мой магический круг.

– Aparturum, – прошептал я, махнул посохом слева направо, и края реальности разошлись, закрутившись, как старый пергамент. Из открывшейся пустоты заструился неяркий зеленый свет, очертивший прямоугольник высотой в семь футов и шириной чуть больше трех – дверь из моей квартиры в Небывальщину. Правда, о том, что ждет меня за этой дверью, я не имел ни малейшего представления.

Лязгнули засовы люка на потолке. Я услышал, как кто-то требует принести пилу. Люк сидел в проеме неплотно: они запросто смогут просунуть лезвие пилы в щель и в считанные секунды перепилить задвижки.

Я накачал побольше энергии в браслет-оберег и выстроил вокруг себя защитный барьер. Сердце колотилось как безумное. Шагнув в разделяющую два мира дверь, я с большой долей вероятности мог оказаться на дне озера расплавленной лавы или на краю бездонного водопада. И узнать я это мог, только сделав шаг.

– Говорил же я тебе, – нудил Боб.

Над головой взвыл и тут же захлебнулся электромотор. Послышались удивленные голоса. Потом в щель просунулось тонкое стальное лезвие, и кто-то принялся пилить задвижки вручную.

Я сделал шаг – и оказался в Небывальщине.

Я напрягся в ожидании чего угодно. Ледящего холода. Испепеляющего жара. Сокрушающего давления водной толщи – даже полного вакуума. Окружавший меня герметичный барьер не пропускал воздуха, что по идее должно было сохранить мне жизнь даже в таком месте, как открытый космос, – по крайней мере на несколько мгновений.

Во всеоружии, прикрывшись силовым щитом, изготовив к огню свой жезл, я шагнул в Небывальщину, и окружавший меня шар защитной энергии приземлился на...

...симпатичную, заботливо ухоженную клумбу фиалок.

Силовое поле расплющило их, мгновенно превратив в подобие гербария.

Медленно, напрягая все чувства в ожидании подвоха, я огляделся по сторонам.

Я находился в саду.

Больше всего это напоминало Италию. Лишь малая часть цветов и кустов росла на клумбах. Остальные кто-то рассадил так, чтобы казалось, будто они выросли сами собой. С неба пулей спикировала птичка колибри размером не больше серебряного доллара, сунула клюв в особенно яркий цветок и улетела дальше. Мимо с жужжанием пролетела пчела –

не огромный мохнатый перепончатокрылый мутант, а обычная, нормальная пчела.

Нечего смеяться. Приходилось мне встречать и мутантов.

Я позволил воздуху проникнуть сквозь защитную оболочку и осторожно принялся. Каким бы приятным местечком все это ни выглядело, никто еще не говорил, что атмосфера здесь не насыщена, скажем, хлором.

Здесь пахло солнечным осенним днем – из тех, когда в светлое время тепло, но ночью могут случиться заморозки. Вместе с воздухом под оболочку проникли и звуки: ленивый птичий щебет, журчание воды.

Боб, разумеется, не упустил возможности похихикать.

– Берегись, босс! Только взгляни на эту свирепую гигантскую белку! – вещал он неразборчиво, поскольку давился смехом. – Боже мой! Этот фикус тебя сейчас проглотит!

Я испепелил его взглядом и потратил еще минуту на осмотр окрестностей. Потом осторожно убрал защитное поле. Оно поглощало чертову уйму энергии; попытайся я удерживать его дальше, это могло бы вовсе лишить меня сил.

Ничего не произошло.

Я все еще находился в очаровательном саду, в разгар дремотного полуденного зноя.

– Видел бы ты свое лицо, – заметил Боб, с трудом сдерживая смех. – Словно ты ожидаешь встречи с разъяренным драконом или чего-нибудь в этом роде.

– Заткнись, – бросил я вполголоса. – Это Небывальщина.

Покой здесь уже сам по себе подозрителен.

– Не все места в мире духов полны кошмаров, Гарри, – убеждал меня Боб. – Вся Вселенная основана на равновесии. На каждое темное место приходится по меньшей мере одно светлое.

Я совершил еще один полный оборот вокруг своей оси, выискивая угрозу, прежде чем махнул посохом слева направо, закрыв проход из моей лаборатории. После чего продолжил осторожный осмотр окрестностей.

– Звезды и камни, Гарри, – хихикнул Боб. – Это, наверное, на тебе так сказывается длительное ношение серого плаща? Тебе не кажется, что это паранойя?

Я насупился, но осмотра не прекратил.

– Слишком. Все. Просто.

Прошло пять минут, а ничего так и не случилось. Трудно оставаться в должной степени настороженным и параноидальным, когда никакой очевидной угрозы не наблюдается, а окружение столь мирно и живописно.

– Ладно, – произнес я наконец. – Может, ты и прав. Так или иначе, нам надо двигаться. Надеюсь, мы наткнемся на место, которое кто-нибудь из нас сможет узнать, чтобы выйти оттуда на одну из Троп.

– Хочешь оставить за собой след из хлебных крошек или что-нибудь в этом роде? – поинтересовался Боб.

– Затем я тебя и взял. Запомни дорогу сюда.

– Заметано, – согласился он. – Куда пойдем?

С поляны вели три тропы. Одна петляла между клумбами и высокими деревьями. Другая, каменистая, поднималась по усеянному валунами склону. Третья, вымощенная булыжниками зеленого цвета, пролежала через луг, открывавший неплохой обзор, — не лишняя деталь, когда ожидаешь подлянки. Я выбрал третью тропу и зашагал по зеленым камням.

Примерно через двадцать или тридцать шагов мне сделалось не по себе. Непосредственного повода для этого я не находил — голос подавал чистый инстинкт, не более того.

— Боб? — спросил я, выждав секунду-другую. — Что это за цветы?

— Примулы, — не задумываясь, ответил череп.

Я застыл как вкопанный.

— Ох! Мать честная!

Земля содрогнулась.

Камни у меня под ногами подались, а потом вся okayмленная примулами тропинка как-то разом вздыбилась. Полезшие из земли зеленые камни в одно мгновение превратились в округлые сегменты хитинового панциря, принадлежавшего невообразимо длинной тысяченожке. В каком-то нездоровом оцепенении я наблюдал, как из земли футах в пятидесяти от нас вынырнула голова этой твари и повернулась в нашу сторону. Она несколько раз лязгнула жвалами, живо напомнившими мне огромный садовый секатор — достаточно большой, чтобы перекусить меня в поясе.

Я оглянулся и увидел, что оставшиеся за нами пятьдесят

или шестьдесят футов тропинки тоже ожили и вырвались из земли. Опустив взгляд, я сообразил, что камень, на котором я стою, остался, наверное, последним сегментом членистой твари, до сих пор лежавшим более-менее на месте.

Я пытался сохранить равновесие, но оживший камень отшвырнул меня в клумбу примул, в то время как голова исполинской тысяченожки качнулась в одну сторону, в другую, а затем с воистину пугающей скоростью устремилась ко мне.

Огромные фасетчатые глаза сияли зловещим светом, а с продолжавших голодно щелкать челюстей капала слизь. Сотни ног рыхлили землю, вздымая клубы пыли. Шум они производили – что твой паровоз.

Я перевел взгляд с тысяченожки на череп.

– Говорил же! – заорал я. – Слишком! Все! Просто!

Глава 12

Да уж...

Пожалуй, не о таком я мечтал, выбираясь поутру из постели.

Этой чертовой твари полагалось бы двигаться медленнее. Адские погремушки, да этой тысяченожке полагалось бы медленно двигаться по одним уже законам физики. Как исполинскому динозавру. Или слону.

Но мы-то находились в Небывальщине. А здесь играют по совсем другим правилам. Законы физики тут скорее не за-

коны, а так, рекомендации, допускающие изрядную свободу толкований. В этих краях дух и настрой имеют больший вес, чем материя... в общем, эта тварь двигалась стремительно. Огромная голова неслась на меня со скоростью обезумевшего локомотива, широко раздвинув смертоносные жвала.

К счастью для меня, я оказался на долю секунды быстрее.

Я выбросил вперед левую руку ладонью к этой гадине – эта универсальная поза приказа и отрицания всегда означает одно: «Стой!» Повторяю: настрой в этих краях важнее многого другого. Когда хитиновые челюсти уже готовы были сомкнуться, я врубил браслет-оберег на полную мощность, выстроив вокруг себя переливающееся от энергии защитное поле.

Жвала с грохотом и хрустом захлопнулись, и браслет засиял еще ярче. Почти невидимый купол вспыхнул калейдоскопом красок, но устоял перед натиском челюстей, не дав им сомкнуться, – в конце концов, в этом нематериальном царстве его сила была лишь еще одной частицей материальной мощи.

Моя правая рука вынырнула из-под плаща, сжимая жезл; короткое слово-заклинание – и из жезла в тысяченожку, чуть ниже ее головы, ударила струя испепеляющей энергии. Подчиняясь моей команде, поток энергии искривился, свернувшись в подобие магического кулака, и этот кулак апперкотом врезался в, если можно так выразиться, тысяченожкин подбородок, отшвырнув ее голову на несколько ярдов. Покры-

тое изумрудным хитином тело дернулось от боли.

Это, если подумать, не должно было бы застать меня врасплох. Но застало.

Земля у меня под ногами всколыхнулась, и я, бестолково размахивая руками, отлетел в сторону. Я приземлился на спину в самой гуще примул, которые немедленно ожили и зашевелились, протягивая в мою сторону усеянные зловещими острыми шипами побеги. К тому моменту, когда мне удалось, отодрав их от своих лодыжек и запястий, подняться на ноги, окружавшие меня цветочки начали наливаться кровавым багрянцем.

– А знаешь, Гарри, – подал голос Боб, – сдается мне, не сад это вовсе.

– Гениальная мысль, – буркнул я.

Тысяченожка как раз восстановила равновесие и начала готовиться к новой атаке. Теперь уже все ее тело, выбравшись из земли, разворачивалось следом за головой. Множество ног, в правильно заведенном порядке вонзающихся в почву на манер бурильных агрегатов, производили звуки, напоминающие, как я решил, не столько приближающийся скорый поезд, сколько работающий на полную мощность зерноуборочный комбайн.

Собираясь на бегу с духом, я бросился ей навстречу, упер конец посоха в землю и, словно прыгун с шестом, сделал выпад ногами вперед и вверх. Помноженный на силу заклинания бросок швырнул меня над продолжавшей нестись мне

навстречу тварью. Она злобно зашипела и попыталась перехватить меня в полете, но не успела затормозить, а метнувшейся вслед за мной голове помешали ее же собственные задние пары ног. Впрочем, если я и выиграл что-либо, то всего несколько секунд.

Но этого мне хватило, чтобы развернуться, сузить луч испепеляющей энергии, превратив его в увеличенное подобие газового резака, и полоснуть поперек тела чертова членистого аккурат на половине длины. Столь точной магии я научился у Люччо, хотя не уверен, что сумел бы воспроизвести такой фокус в реальном мире.

Луч толщиной в палец или два рассек мерзкую тварь надвое с легкостью макетного ножа, если бы последний был размером с фуру-полуприцеп.

Тварь взвизгнула... правда, визг этот скорее напоминал рев, но боль в нем слышалась однозначно. Задняя часть тела продолжала нестись в прежнем направлении, словно не заметив отсутствия головы. Передняя же половина забилась как безумная; возможно, ее ограниченный мозг оказался не в состоянии справиться с перегрузкой, пытаясь посылать нервные импульсы недоступным более частям тела. В конце концов голова пустилась вдогонку собственному, так сказать, туловищу, и все это принялось описывать широкие круги, нанося при этом изрядный урон окаймлявшим тропу примулам.

– Накось выкуси! – завопил я, торжествуя. От избытка ад-

реналина мой вполне солидный баритон едва не срывался на дискант. – Есть чем ответить на луч смерти, а? Нечем ответить, так ведь! Возвращайся-ка лучше к себе в «Атари», детка, потому как справиться со мной у тебя кишка тонка!

Потребовалось пять, а может, даже десять секунд на то, чтобы я сообразил, что же происходит.

Нанесенная моим лучом рана не слишком кровоточила: луч скорее прижег ткань – но даже это слабое кровотечение унялось, причем у обеих половин рассеченного надвое чудища. Передний конец отрубленной задницы вдруг округлился. Обугленная плоть разом исчезла, а на ее месте вылезла, словно проклюнувшись, новая голова.

Не прошло и минуты, как обе половины повернулись в мою сторону, и на меня, лязгая жвалами, устремились уже две смертоносные твари. Только теперь атака на меня происходила уже с двух сторон одновременно.

– Ого! – заметил Боб абсолютно спокойным, невозмутимым тоном. – Тебе не кажется, что это до невозможности несправедливо?

– День такой, – согласился я, убирая жезл и поднимая посох.

Жезл хорош, когда надо действовать с хирургической точностью, но сейчас мне требовалась не столько точность, сколько сила, а с этой точки зрения посох давал гораздо больше возможностей. Я еще раз сконцентрировался, накачал в посох побольше энергии и со словами: «Fuego murus!

Fuego vellum!» – выбросил его перед собой.

Повинуясь заклинанию, вокруг меня выросла стена серебристо-белого огня диаметром почти в шестьдесят футов, толщиной в три и высотой в три, если не в четыре ярда. Рев огня дополнялся странным звуком, напоминавшим отголосок огромного колокола.

Тысяченожки (во множественном числе – адские погрешности, надо же мне было так облажаться!) встали на дыбы, пытаясь перекинуться через выросшую перед ними стену, но нестерпимый жар заставил их быстро отпрянуть.

– Эх! Славная работа! – прокомментировал Боб. – Удобная все-таки штука этот твой Огонь Души.

Однако такой расход энергии даром не обходится: я взмок и жадно хватал ртом воздух.

– Угу, – прохрипел я. – Спасибо.

– Но конечно, мы в западне, – продолжал Боб. – И эта стена очень скоро высосет из тебя все силы. Некоторое время ты можешь еще продолжать измельчать их... в длину. Но потом они тебя слопают.

– Не-а, – задыхаясь, возразил я. – Не меня одного. Тебя тоже.

– О! – спохватился Боб. – Если так, тебе лучше открыть портал обратно в Чикаго.

– Обратно домой? – уточнил я. – ФБР ждет не дожидается возможности надеть на меня наручники.

– Тогда, мне кажется, тебе не стоило становиться терро-

ристом, Гарри.

– Эй! Я никогда...

Боб крикнул в сторону нападавших тысяченожек, повысив голос:

– Я не с ним!

Какие-то не слишком радужные перспективы открывались передо мной. Сlopай меня сверхъестественно живущий демон-тысяченожка – и это отрицательно сказалось бы на моей спасательной операции. Попасть в лапы ФБР тоже выглядело ненамного лучше, однако, по крайней мере, выбраться из-за решетки все-таки легче, чем из тысяченожkinого желудка. Нет, двух желудков.

Однако и вернуться к себе домой с мешком, полным всякой подозрительной, а то и противозаконной ерунды, я тоже не мог. Из этого следовало, что я должен спрятать его до возвращения, причем спрятать прямо здесь. Не могу сказать, чтобы это меня особенно радовало, но и выбора у меня не оставалось. Все, что я мог, – это принять все возможные предосторожности и надеяться, что этого окажется достаточно.

Я не особенно силен по части земной магии. Выражаясь физическими терминами, эта дисциплина требует значительных усилий. Проще говоря, суть ее заключается в перемещении с места на место изрядных тяжестей, а то, что это происходит с помощью магии, вовсе не означает, что законы физики при этом игнорируются. Собственно, это относится

к магии в целом: энергия для создания тепла или движения может исходить из самых разных источников, но взаимодействовать с реальностью ей придется точно так же, как любой другой энергии. Из чего следует, что перемещение нескольких тонн земли требует уймы сил, и это чертовски трудно... но не невозможно. В свое время Эбинизер настоял, чтобы я вызубрил хотя бы одно полезное, хотя и утомительное, заклятие из разряда земной магии. В реальном мире мне пришлось бы копить силы для него целый день. А вот здесь, в Небывальщине...

Я поднял посох, нацелил его в землю перед собой и начал монотонно, нараспев повторять:

– Dispertius!

Конечно, я порядком вымотался, но все же собрал остаток сил и воли, бросил их в посох, и перед моими ногами в земле отворилась похожая на каменную пасть щель.

– Нет, – заявил Боб. – О нет. Нет. Ты же не собираешься сунуть меня в эту...

Для моего истерзанного тела это стало форменной пыткой, но я все-таки запихал в образовавшуюся щель сумку с мечами, Бобом и прочей всячиной.

– Не забудь вернуться! – крикнул Боб из темноты.

Воздух наполнился злобным шипением тысяченожек.

Я снова нацелил посох на щель.

– Resarcius! – прохрипел я из последних сил, и земля снова сомкнулась, укрыв от взора сумку со всем ее содержи-

мым. На поверхности остался только едва заметный, ничем не примечательный бугорок. Заклятие должно было помещать обнаружить тайник любому, кто не знал, что там находится, а наткнуться на тайник случайно почти невозможно – так глубоко я его запрятал. На это я, во всяком случае, надеялся.

В общем, с учетом обстоятельств, я обеспечил Бобу и мечам максимум сохранности. Моя стена серебристого огня медленно опадала – самое время убираться, пока не поздно.

Ноги у меня подкашивались от усталости, пришлось даже опереться на посох, чтобы не упасть. Мне осталось сделать всего одно усилие, чтобы избежать смерти в этом райском уголке, а потом...

Огненное кольцо опало настолько, что одна из тысяченожек, выгнувшись дугой, перекинулась через него и оказалась на другой стороне. Ее фасетчатые глаза уставились на меня, и жвала голодно лязгнули в предвкушении сытного обеда.

Я отвернулся от нее, в последний раз сосредоточился и взмахом руки прорвал в воздухе узкое отверстие из Небыальщины в реальность. А потом нырнул в него рыбкой.

Мне никогда еще не доводилось переходить из мира в мир сквозь такую узкую щель. Ощущение было такое, словно меня запихнули в уплотнитель мусора. И боль – неистовая боль, мгновение которой растянулось, казалось, на целый час, а мысли словно спрессовались в невообразимо тугий комок, этакую психическую черную дыру, в которую провали-

лись все мои эмоции и воспоминания... а может, и не провалились насовсем, а всего лишь исковеркались, напитались ядом, от которого сводило судорогой сердце.

А потом я миновал эту щель между мирами. Краем глаза я еще успел увидеть тысяченожку, пытавшуюся прорваться следом за мной, но и без того узкий проход закрылся прямо перед ней.

Я провалился фута на три вниз, больно саданулся бедром о край моего рабочего стола и мешком повалился на бетонный пол лаборатории.

Вокруг послышались крики, кто-то навалился на меня, перевернул физиономией вниз и, упершись коленом в позвоночник, заломил мне руки за спину. Кто-то что-то говорил, но я даже не пытался угнаться за смыслом сказанного – слишком много сил отнимали у меня боль и усталость, чтобы думать о какой-то ерунде.

По правде говоря, единственное, что я испытывал при мысли о том, что меня арестовывают, это облегчение. Жуткое облегчение: наконец-то я смогу расслабиться и отдохнуть в славных, добрых наручниках.

Или, возможно, в смиренной рубашке – это уж как фишка ляжет.

Глава 13

Меня отвезли в чикагское отделение ФБР на Рузвельта.

У входа нас встретила толпа репортеров, и они наперебой принялись выкрикивать вопросы, тыкать в нас микрофонами и слепить вспышками. Два дюжих полисмена вынули меня из машины и почти на руках внесли в здание. Федералы не сказали репортерам ни слова, зато Рудольф задержался, чтобы подтвердить: расследование взрыва продолжается, задержаны несколько лиц, «представляющих интерес для следствия», так что честные граждане города Чикаго могут спать спокойно, бла-бла-бла, бла-бла-бла.

Невысокий, хрупкого сложения тип в казенном штатском костюме, с белой, как рыбье брюхо, кожей и угольно-черной шевелюрой подошел к Рудольфу, приятельским жестом положил ему руку на плечо и выдернул из кольца репортеров с силой, от которой тот едва удержался на ногах. Рудольф начал было возмущаться, но Стройняшка – про себя я окрестил его так – смерил Рудольфа взглядом, и Руди стих.

Я помню, как меня протащили через пост охраны, подняли куда-то на лифте и сунули в кресло. Стройняшка снял с меня наручники. Я немедленно сложил руки на столе перед собой и опустил на них голову. Не знаю, надолго ли я вырубался, но, когда я снова пришел в себя, какая-то чопорная, сурового вида тетка светила мне в глаза фонариком.

– На сотрясение мозга не похоже, – сообщила она. – Реакции в норме. Полагаю, это простое переутомление.

Я находился в небольшом кабинете, всю обстановку которого составляли стол для совещаний, несколько кресел и

широкое, во всю стену, зеркало. Стройняшка стоял у двери; рядом с ним стоял Рудольф – моложавый мужчина в костюме, явно слишком дорогом для его должностного оклада, и с омерзительно аккуратной прической. Плечи его аж ссутулились от нетерпения.

– Он просто симулянт, – настаивал Рудольф. – Он пропал из нашего поля зрения всего на несколько минут. Как он мог переутомиться за это время, а? Не вспотев при этом? И не задыхаясь? Он жулик, я точно знаю. Нам не стоило давать ему час на передышку – он еще чего-нибудь выдумает.

Стройняшка смерил Руди бесстрастным взглядом. Потом посмотрел на меня.

– Я так понимаю, – заметил я, – добрый полицейский здесь вы?

Стройняшка закатил глаза:

– Спасибо, Роуз.

Тетка сняла с шеи стетоскоп и, бросив на меня неодобрительный взгляд, вышла.

Стройняшка подошел к столу и сел напротив меня. Рудольф тоже придвинулся и встал у меня за спиной. Примитивнейший психологический прием – но ведь действовал. Присутствие Рудольфа, стоявшего вне поля зрения, изрядно давило на нервы и мешало сосредоточиться.

– Моя фамилия Тилли, – произнес Стройняшка. – Можете называть меня «агентом Тилли», или «агентом», или Тилли – как вам больше понравится.

– Идет, Стройняшка, – кивнул я.

Он медленно вдохнул и выдохнул.

– Ладно, – сказал он. – Почему вы просто не открыли нам дверь, мистер Дрезден? Так ведь было бы гораздо проще. Для нас всех.

– Я вас не слышал, – ответил я. – Я спал в подвале.

– Вздор, – подал голос Рудольф.

Стройняшка перевел взгляд с меня на Руди и обратно.

– Спали, говорите?

– Я ужасный соня, – подтвердил я. – У меня там, в лаборатории, под одним из столов коврик. Я частенько пользуюсь им, чтобы вздремнуть. Там тихо и уютно.

Стройняшка еще раз смерил меня внимательным взглядом.

– Нет, вы там не спали, – заявил он наконец. – Вас там вообще не было. В этом вашем подвале негде спрятаться – места слишком мало. Вы находились где-то еще.

– Где? – поинтересовался я. – Я хочу сказать, квартира у меня небольшая. Гостиная, ванная, спальня и подвал. Вы нашли меня на полу в подвале, куда ведет только один вход. Как по-вашему, где я еще мог находиться? Появился из воздуха?

Стройняшка сощурился. Потом покачал головой:

– Не знаю. Видывал я кое-какие фокусы. Как-то раз видел, как один тип заставил исчезнуть статую Свободы.

Я развел руками:

– Думаете, я проделал это с помощью зеркал или чего-то в этом роде?

– Возможно, – заметил он. – У меня нет удачного объяснения вашему внезапному появлению, Дрезден. А когда я не нахожу разумных объяснений, я становлюсь раздражительным. И тогда я начинаю копать, пока не докопаюсь до чего-нибудь.

Я ухмыльнулся. Не хотел, но не смог удержаться.

– Я спал у себя в лаборатории. Проснулся, когда вы, ребята, начали мне руки выкручивать. Думаете, я выпрыгнул из какой-то тайной камеры, так хорошо упрятанной, что вы не нашли ее, даже обыскав все помещение? Или возник из ниоткуда? Как вы думаете, какой из вариантов покажется убедительнее на суде по иску, который я вчиню полицейскому управлению и вашему бюро? Ваш или мой?

Выражение лица у Стройняшки сделалось чуть кисловатым.

Из-за моего правого плеча вынырнул Рудольф и громыхнул кулаком по столу:

– А ну, Дрезден, выкладывай, зачем ты взорвал дом?

Я расхохотался. Я ничего не мог с собой поделать. У меня и сил-то почти не осталось, но я хохотал до тех пор, пока живот не свело от колик.

– Прошу прощения, – выдавил я наконец. – Извините. Но это уже просто... о-ох. – Я покачал головой и постарался взять себя в руки.

– Рудольф, – произнес Стройняшка. – Вон отсюда.

– Вы не имеете права мне приказывать. Я назначенный на это дело сотрудник полицейского управления.

– Вы бестолковый и непрофессиональный сотрудник, препятствующий даже свидетельских показаний, – произнес Стройняшка, не повышая голоса. – Вон. Отсюда.

Взгляд у него был что надо. Некоторые так умеют. Им достаточно одного взгляда, и даже говорить ничего не приходится, чтобы дать тебе понять: они умеют делать больно, умеют это делать хорошо и не прочь продемонстрировать свое умение. Собственно, взгляд этот и эмоций-то никаких не отображает, поэтому его не передать словами. Вот Стройняшке слов и не потребовалось. Он смотрел на Рудольфа взглядом, в котором едва заметно виднелась тень старой доброй смерти с косой. И не делал больше ничего.

Рудольф вздрогнул. Он пробормотал что-то о подаче жалобы на ФБР и вышел.

Агент Тилли снова повернулся ко мне. На мгновение лицо его смягчилось, губы сложились в некое подобие улыбки.

– Это вы сделали? – спросил он.

Мгновение я молча смотрел на него, затем покачал головой:

– Нет.

Тилли задумчиво побарабанил пальцами по губе. Потом несколько раз покивал головой:

– Хорошо.

Я удивленно повел бровью:

– Так просто?

– Я вижу, когда мне лгут, – пояснил он.

– Поэтому это можно считать снятием показаний, а не допросом?

– Это снятие показаний потому, что Рудольф весь изоврался, стараясь натравить моего босса на вас, – ответил Тилли. – Теперь я увидел вас своими глазами. И подрывник из вас неважный.

– Почему это?

– Ваша квартира – сплошная помойка. А неряшливые подрывники долго не живут. Моя очередь. Почему кто-то пытается повесить этот взорванный дом на вас?

– Думаю, дело в политике, – сказал я. – Кэррин Мёрфи лишила их чертовой уймы денег, положив конец кое-каким их темным делишкам. А деньги всегда повязаны с политикой. Вот мне и достается – потому что она именно меня нанимала консультантом по ряду этих дел.

– Чтоб его, этот ваш гребаный Чикаго! – совершенно искренне произнес Тилли. – Вся власть в штате прогнила насквозь.

– Аминь, – согласился я.

– Я читал ваше досье. Там написано, что моя лавочка за вами уже раз охотилась. И еще написано, что спустя несколько дней пропали без вести четверо агентов. – Он задумчиво прикусил губу. – Вас подозревали в похищениях, убийствах

и как минимум в двух поджогах, в том числе общественного здания.

– Невиноватый я, – мотнул я головой. – В смысле, в этой истории с домом.

– Любопытная у вас жизнь, Дрезден.

– Не слишком. Так, выдаются время от времени безумные выходные.

– Это вряд ли, – усомнился Тилли. – Вы меня здорово интересуете.

Я вздохнул:

– Ну что вы! Право, не стоит того.

Тилли обдумал мои слова; на лбу его, между бровями, наметилась складка.

– Вам известно, кто взорвал здание?

– Нет.

Лицо Тилли было достойно увековечения в камне.

– Врете.

– Если я вам скажу, – объяснил я, – вы все равно не поверите мне, зато наверняка упрячете меня в психушку. Поэтому нет. Я не знаю, кто взорвал здание.

Он подумал и кивнул:

– То, что вы сейчас делаете, можно истолковать как препятствование следствию. А в зависимости от того, кто реально стоял за взрывом и зачем, это можно даже подвести под статью «государственная измена».

– Другими словами, – сказал я, – вы не смогли найти у

меня дома ничего, что давало бы вам повод меня задержать. Поэтому вы теперь пытаетесь меня разговорить.

Агент Тилли откинулся на спинку кресла и хмуро уставился на меня:

– Я имею право задержать вас на срок до двадцати четырех часов вообще без всякого повода. И я могу сделать эти часы довольно неприятными для вас, не нарушая при этом ни одного закона.

– Мне не хотелось бы, чтобы до этого дошло, – заметил я. Тилли пожал плечами:

– А мне хотелось бы, чтобы вы рассказали мне, что вам известно о взрыве. Боюсь только, никому из нас не получить того, чего он хочет.

Я подпер рукой подбородок и обдумал его слова. Я не исключал того, что Рудольфа на меня натравливал кто-то из сверхъестественного мира – возможно, даже сама графиня. Что ж, если так, может, мне удастся перебросить эту маленькую бомбочку обратно на ее поле.

– Не для протокола? – спросил я у Тилли.

Он встал, вышел и почти сразу же вернулся – наверное, выключил микрофоны. Потом снова сел на место и посмотрел на меня.

– Вам еще предстоит выяснить, что дом был заминирован, – сказал я. – На четвертом этаже.

– А вам это откуда известно?

– Некто, кому я доверяю, видел чертежи, на которых бы-

ли указаны места установки зарядов – предположительно, по поручению владельцев здания. Я помню, как несколько лет назад вокруг меня все стены высверлили. Сказали, что удаляют асбест. А нанимали строителей владельцы здания.

– Зданием владеет «Нуэво-Верита, инкорпорейтед». Мы поднимали страховые документы – сумма невелика.

– Страховка здесь ни при чем, – возразил я.

– А что тогда?

– Месть.

Тилли склонил голову набок и внимательно посмотрел на меня:

– Вы что-то такое сделали этой компании?

– Я сделал кое-что стоявшему у вершины пищевой цепочки той группы компаний, которой принадлежит «Нуэво-Верита».

– И что же?

– Ничего противозаконного, – заверил я его. – Но вы могли бы поинтересоваться делами типа, называвшего себя Пало Ортегой, профессором, специалистом в области мифологии из Бразилии. Он умер несколько лет назад.

– Ага, – кивнул Тилли. – Так это его семья за вами охотится?

– Исключительно точное описание происходящего. В особенности это относится к его жене.

Тилли, не торопясь, усваивал эту информацию. Несколько минут в комнате царила тишина.

Наконец Тилли поднял на меня взгляд:

– Я питаю весьма большое уважение к Кэррин Мёрфи. Я звонил ей, пока вы отдыхали. Она говорит, что без колебаний встанет на вашу сторону. С учетом личности говорящего, это серьезное заявление.

– Угу, – согласился я. – С учетом личности – серьезное.

– Честно говоря, я не уверен, что в состоянии вам чем-нибудь помочь. Я не отвечаю за это расследование, а руководят им политиканы. Не могу обещать, что вас снова не задержат для допроса, – впрочем, сегодняшние события затруднят получение санкций суда на возбуждение дела против вас.

– Не уверен, что понимаю вас, – признался я.

Тилли сделал неопределенный жест рукой в направлении остальной части здания:

– Они все уверены, что виновны вы, Дрезден. Уже пишутся заголовки и соответствующие статьи на первую полосу. Для подтверждения их точки зрения им не хватает всего лишь одной-двух улики.

– Им, – кивнул я. – Не вам.

Тилли вздохнул:

– Это сборище изрядных задниц.

– А вы?

– Я совсем другая задница.

– Ха, – хмыкнул я. – Так я могу идти?

Он кивнул:

– Но поскольку у них нет ничего, даже отдаленно подтвер-

ждающего, что взрывчатку закладывали вы, они будут копать под вас. Совать нос в вашу личную жизнь. В ваше прошлое. Искать что угодно, что можно использовать против вас. И не ждите от них честной игры.

– Все в порядке, – заверил я его. – Я тоже умею играть.

Тилли улыбнулся – одними глазами:

– Похоже на то. Угу. – Он протянул мне руку. – Удачи.

Я пожал руку и ощутил слабое, едва заметное покалывание магической энергии. Тилли обладал зачатками дара. Должно быть, именно это помогало ему отделить правду от лжи.

Я встал и устало направился к двери.

– Эй! – окликнул меня Тилли, когда я уже взялся за ручку. – Без протокола. Кто это сделал?

Я остановился и посмотрел ему в глаза:

– Вампиры.

На лице его промелькнули, сменяя друг друга, разные эмоции: недоверие, осознание, сомнение и усиленная работа мысли.

– Вот видите, – сказал я. – Говорил же, вы мне не поврите.

Глава 14

Я вышел из дверей ФБР и едва не врезался в кольцо собравшихся за ней папарацци, с терпеливостью стервятников

ожидавших нового материала для своих статей. Пара их увидела меня и поспешила в мою сторону, на ходу выкрикивая вопросы и тыча в меня микрофонами. Я изрядно устал, но все равно соседство со мной могло нанести их оборудованию непоправимый ущерб.

Я огляделся по сторонам в поисках наиболее безопасного способа спуститься к тротуару, и тут-то меня и попытались убить.

Прежде в меня уже стреляли из проезжавшей машины. На этот раз все вышло заметно более профессионально. Ничто не предупредило меня о покушении – не было ни рыка мотора, ни резко вильнувшей из потока машины. Единственное, что меня насторожило, – это внезапно вставшие дыбом волосы на затылке и то, как поползло вниз стекло пассажирского окна у ничем не примечательного темного седана.

А потом что-то с силой ударило меня в левую сторону груди и швырнуло на ступени. Даже оглушенный, я сообразил, что в меня стреляют. Я мог бы скатиться вниз, в самую гущу репортеров, прикрывшись от пуль их телами, но я не знал – а вдруг стрелок так хочет убить меня, что готов палить сквозь толпу. Поэтому я съехался в комок и почти тут же ощутил еще два удара: один по ребрам, второй – по левой руке, которой я прикрыл голову.

Снизу слышались удивленные выкрики, и ко мне подбежали несколько человек.

– Эй, дружище! – окликнул меня пузатый фотограф в

охотничьем жилете. — Угораздило же вас так навернуться. Вы как, целы?

Мгновение, пока стихал адреналиновый шторм в крови, я молча смотрел на него. Наконец до меня дошло: фотограф — как и остальные репортеры — даже не понял, что именно случилось.

Что ж, во всем этом имелся некий зловеший смысл. Я ничего не слышал: должно быть, убийца пользовался глушителем. Вспышек я тоже не видел — значит, он целился в меня сквозь окно, сидя в дальнем конце салона, не высовывая ствола наружу. Собственно, я тоже приложил к этому некоторые усилия, не предоставив свидетелям ни трупа, ни дырок в нем, маленьких на входе и здоровых на выходе. Ни звука, ни оружия, ни жертвы... Стоило ли удивляться, что они даже не заметили покушения?

— Шевелись! — скомандовал я себе, вставая с помощью фотографа.

Я поднялся на несколько ступеней, чтобы попытаться разглядеть поверх толпы номер темного седана. Привстав на цыпочках, я успел увидеть неспешно удалявшуюся машину, которая не добавляла газа, не выскакивала на тротуар и не проезжала на красный. Она просто растворилась в потоке, как акула скрывается в толще воды. Разглядеть номер мне так и не удалось.

— Черт подери! — в сердцах выругался я.

Шок проходил, сменяясь болью. Сильнее всего болела ру-

ка. Защитное заклятие, наложенное мною на плащ, удержало пули, но это не мешало мне чувствовать себя так, будто мне врезали бейсбольной битой чуть ниже локтя. Я едва мог пошевелить пальцами левой руки. Два других попадания тоже добавляли боли, и я поспешно ощупал плащ, проверяя, не пробили ли его пули.

Пуля застряла в левом рукаве кожаного плаща. Не пробила его, просто застряла в складке и расплющилась. Я вынул из кармана носовой платок, завернул в него пулю и опустил обратно в карман, ухитрившись проделать это незаметно на глазах у десятка человек; правда, смотрели они на меня при этом как на психа.

С улицы донеслось сиплое бибиканье. Из-за угла медленно выехал «Голубой жучок» и остановился перед входом в здание. Сидевшая за рулем Молли отчаянно махала мне рукой.

Я поспешно спустился с крыльца и сел в машину, прежде чем ее вызывающая расцветка успела привлечь внимание кого-либо из особо чувствительных федеральных служащих. Молли тронулась с места, я пристегнул ремень и тут же получил слюнявый поцелуй от Мыша, который сидел на заднем сиденье, оживленно стуча по нему хвостом.

– Ик! – сообщил я ему. – Я целовался с собакой! Немедленно дайте мне жидкости для полоскания рта! И какого-нибудь антисептика!

Мыш вильнул хвостом еще радостнее и облобызал меня

снова, после чего успокоился и лег.

Я откинулся на спинку и закрыл глаза.

Прошло никак не меньше двух минут, прежде чем Молли подала голос.

– Всегда пожалуйста, – немного обиженно произнесла она. – Все в порядке, Гарри. Помогу всем, что в моих силах.

– Извини, падаван, – спохватился я. – День очень хлопотный выдался.

– Я вернулась из церкви и увидела, что у вас дома полно копов и типов в штатском. Дверь выломана, и вся квартира выглядит так, словно ее обыскали. – Она поежилась и крепче сжала руль. – Господи, я уже решила, что вас убили или вы попали в беду.

– Ты угадала процентов на девяносто, – сказал я. – Кто-то сообщил федералам, что это я взорвал дом. Они хотели со мной побеседовать.

Молли вытаращила глаза:

– А что с мечами? Надо сказать папе или...

– Успокойся, – буркнул я. – Я их спрятал. Мечи в безопасном месте.

Молли облегченно перевела дух и чуть расслабилась.

– Вид у вас ужасный, – заметила она, помолчав. – Вас что, избili или что-то в этом роде?

Я покосился налево, потом направо.

– Гигантская тысяченожка.

– О! – кивнула Молли, словно это все объясняло. – Чего

это вы все высматриваете?

Я вглядывался в поток машин в поисках темного седана. Таковых уже отыскалось штук тридцать, – в конце концов, я профессиональный детектив и все такое.

– Ищу типа, который только что в меня стрелял.

Я достал пулю, маленький кусок свинца в медной оболочке, диаметром не больше моего мизинца и чуть меньше дюйма длиной.

– Что это? – Молли скосила глаза на пулю.

– «Ремингтон» двести двадцать третьего калибра, – ответил я. – Предположительно. Так мне кажется.

– Что это значит?

– Что это может быть почти кто угодно. Этот патрон используется почти во всех натовских штурмовых винтовках. Да и во многих охотничьих. – Тут меня осенило, и я хмуро покосился на нее. – Эй! Откуда ты узнала, где меня искать?

– Я позволила Мышу вести машину.

Хлоп-хлоп-хлоп хвостом.

Я чертовски устал. У моего мозга ушла целая секунда на то, чтобы распознать в ее голосе шутливые нотки.

– Когда этим занимается кто угодно, Молли, это уже не смешно. Я не готов сейчас к твоей чертовой хитрозадости.

Она отозвалась ухмылкой до ушей – что ж, очко в ее пользу.

– Воспользовалась поисковым заклятием и вашим волоском, который вы дали мне как раз на такой случай.

Ну разумеется.

– Ага, ясно. Отменно проделано.

– Эм... – сказала она. – Я не очень понимаю, куда нам ехать. Насколько я знаю, дома у вас до сих пор орудуют эти типы.

– Всему свое время, Кузнечик. Есть дела и поважнее.

Она внимательно на меня посмотрела:

– «Бургер-кинг», да?

– Умираю с голоду, – признался я. – А потом домой. Думаю, к этому времени они уже уберутся, и это единственное место, где со мной могут связаться Сюзен и Мартин.

Она нахмурилась:

– Но... Обереги отключены. Там теперь небезопасно.

– Полной безопасности не бывает, – спокойно ответил я. – Когда кто-то по-настоящему хочет тебя убить, помешать этому нелегко. Все, что можно сделать, – это как можно сильнее затруднить ему выполнение задачи и надеяться, что противник сочтет цену слишком высокой.

– Ну да, – согласилась Молли. – Но... Без берегов не станет ли эта цена аналогичной той, что бывает при распродаже с суперскидкой?

Девочка говорила правду. У любого, кто хотел меня замочить, появлялся прямо-таки соблазнительный шанс. Желаящие, приготовиться! Праздничные скидки на жизнь Гарри Дрездена! Чуть подержанного, без гарантии, по одной штуке в руки. Распродажа! Праздничная распродажа!

Я прижался виском к окошку и закрыл глаза.

– Что тебе сказал Фортхилл?

– Все как обычно. Что он не может ничего обещать, но сделает все, что в его силах, чтобы помочь. Сказал, чтобы я перезвонила через несколько часов – и он посмотрит, что ему удастся узнать от своих соглядатаев.

– Не сомневаюсь, что у служителей Римско-католической церкви не бывает соглядатаев, – с серьезным видом заметил я. – Это слишком модно и... эфемерно, что ли. Вроде автомобилей. И печатного станка.

Молли не вскинулась в ответ на мои слова, пусть я и произнес их вполне шутливо. Судя по всему, в том, что касалось ее отношения к церкви, она пребывала в противоречиях, и, на мой взгляд, это не худшее состояние из всех, в каких можно пребывать. Люди, способные задавать вопросы и задумываться насчет своей веры, менее всего склонны придерживаться догмы – и вряд ли свернут с пути, раз выбрали его. Я не сомневаюсь, что Всевышний, какое бы имя ни значилось у Него сегодня на бейджике, как-нибудь справится с парой-другой вопросов, заданных ему людьми, искренне ищущими ответа. Черт, да это Ему, возможно, даже нравится.

– Гарри, – задумчиво сказала она. – Мы могли бы поговорить с папой.

– Нет, – спокойно, но бесповоротно отрезал я. – Это даже не обсуждается.

– А может, стоит попробовать? Может, он мог бы помочь вам отыскать Мэгги?

На меня накатила волна гнева и боли – ослепительно-живое воспоминание. Майкл Карпентер, Рыцарь Меча, верный друг, которого едва не разорвало в клочки, когда он пытался помочь мне. Носитель меча, клинок которого был выкован из сплава, включавшего в себя один из гвоздей распятия, – причем меч вручил ему не кто-нибудь, а настоящий архангел, – Майкл являлся оплотом против сил зла в мире. Самые что ни на есть настоящих сил зла – в буквальном смысле слова. Наличие рядом такого союзника ободряет. Еще как ободряет! Мы с ним ввязывались в самые разные смертельно опасные авантюры и выходили из них более или менее сухими.

Кроме последнего раза.

Теперь он вышел в отставку и жил счастливо, ходил без костылей, всего лишь с тростью, больше не бился со злодеями, зато строил дома и проводил больше времени с семьей – как он всегда хотел. В общем, пока он оставался на пенсии, я надеялся, что злобные сверхъестественные силы ему почти не угрожают. Меня бы не удивило, если бы у него за спиной обнаружился ангел, охранявший его и членов его семьи. Вроде агента спецслужб, только с мечом, крыльями и нимбом.

– Нет, – повторил я. – Он больше не воюет. Он заслужил покой. Но если я попрошу его о помощи, он обязательно от-

кликнется, не думая о возможных последствиях. Только теперь он не сможет защитить ни себя, ни твоих родных.

Молли глубоко вздохнула и кивнула, хмуро глядя на дорогу.

– Все верно, – сказала она. – Ладно. Просто...

– Что?

– Я, наверное, привыкла к тому, что он рядом. Привыкла знать, что... если мне нужна его помощь, он всегда поможет. Что если дело пойдет совсем хреново, он *окажется рядом*. – Она сделала легкое ударение на двух последних словах.

Я промолчал. Мой отец умер, когда я был совсем маленьким, когда я еще не знал, что на свете бывает что-то сильнее его. Всю свою жизнь мне приходилось обходиться без такой поддержки. Молли же лишь теперь вынуждена осознавать, что во многих отношениях ей предстоит теперь полагаться только на себя.

«Интересно, – подумал я, – знает ли моя дочь, что у нее есть отец? Знает ли, что на свете есть кто-то, отчаянно желающий оказаться рядом?»

– Если у тебя дома вдруг прорвет трубы, он и сейчас придет на помощь, – негромко сказал я. – Или если какой-нибудь парень разобьет тебе сердце, он придет утешить тебя с мороженым. У многих, очень многих нет папы, готового заниматься подобными вещами. И поверь, в большинстве случаев нет ничего дороже этого.

Она поморгала и кивнула:

– Да. Только...

Я понял, что она хотела сказать, но не договорила. Что когда тебе нужно, чтобы кто-то выбил дверь и надрал кому-нибудь задницу, это, как правило, нужно очень, очень сильно. А этого Майкл для своей дочери сделать больше не мог.

– Вот что я тебе скажу, Молли, – заявил я. – Если тебя потребуется спасти, я с этим как-нибудь справлюсь. Окажусь рядом. Идет?

Она посмотрела на меня полными слез глазами и несколько раз кивнула, взяла меня за руку и крепко сжала. А потом снова уставилась в ветровое стекло и прибавила газу.

Мы заехали в забегаловку и вернулись ко мне домой.

Подойдя к лестнице, которая вела вниз к моей двери, я почувствовал, что начинаю злиться. Дверь мне выбили профессионально. На ней осталось, конечно, несколько вмятин, но не более того. Крепкая дверь. А вот деревянная рама, в которую она вставлялась, разлетелась в щепки. Чтобы вставить дверь обратно, требовался капитальный ремонт – своими силами я не обошелся бы никак.

Я стоял там, дрожа от ярости. И ведь не то чтобы я жил в башне из слоновой кости или Торбе-На-Круче. Я жил в довольно тесной норе. Не бог весть какой дом, но другого у меня не было, и этот меня вполне устраивал.

В конце концов, это мой дом.

А Рудольф со товарищи разгромили его. Я закрыл глаза и

сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

Молли осторожно дотронулась до моего плеча:

– Не так все и плохо. Я знаю хорошего плотника.

Я вздохнул еще раз и кивнул. Я и сам понимал, что стоит этой истории завершиться – и Майкл окажется рядом со мной.

– Будем надеяться, Мистер скоро вернется. Возможно, его придется пристроить куда-нибудь, пока дверь не починят. – Я шагнул вниз по лестнице. – Просто надеюсь, что...

Мыш внезапно испустил негромкий утробный рык.

Как я ни устал, но мне хватило двух секунд, чтобы выхватить из-под плаща жезл и изготовить защитное поле. Мыш не паникер. Мне еще ни разу не приходилось слышать, чтобы он рычал попусту, если нам не грозила та или иная опасность. Я скосил взгляд направо, и стоявшей там Молли не увидел. Кузнечик исчезла из виду прежде, чем я врубил защитное поле.

Я перевел дух. Мне доводилось слышать много разновидностей Мышиного рыка. Этот прозвучал не так сурово, как мог бы, если бы нам грозило присутствие темных сил. Да и поза выражала равновесие напряженности и спокойствия – простую настороженность, а не боевую стойку, как бывало прежде. Он ощущал нечто, что, с его точки зрения, могло бы представлять чрезвычайную опасность, но вовсе не обязательно подлежало немедленному уничтожению.

Я медленно, держа щит наготове и выставив вперед ле-

вую руку со сложенными в охраняющий жест пальцами, спустился к двери. Правой рукой я сжимал жезл с накачанной в него энергией – вырезанные на его поверхности руны светились бурлящим алым сиянием, а на кончике плясали крошечные молнии разрядов. Мыш спустился по лестнице вместе со мной, прижавшись плечом к моему правому бедру. Он продолжал рычать – ровно, как автомобильный двигатель с хорошо настроенным карбюратором.

Я спустился к двери и увидел, что в камине потрескивает огонь. Вкупе со свечением моего жезла и толикой пробивавшегося в комнату света этого вполне хватало, чтобы разглядеть помещение.

Пожалуй, ФБР могло обойтись с моей квартирой и бесцеремоннее. Книжки снимали с полок, но сложили на полу стопками, а не пошвыряли как попало. Мебель явно двигали, обшивку кресел и дивана вскрывали, но приколотили обратно. Не то чтобы слишком аккуратно, но приколотили. С кухней тоже обошлись без особого почтения, но не разгромили.

Впрочем, все это волновало меня вполтину меньше двух здоровенных, с гроб размером, коконов из чего-то, напоминающего зеленый шелк. Один из коконов висел на потолке, второй – на стене у камина. Из второго кокона выглядывало лицо Сюзен; судя по неподвижности, она пребывала без сознания. Ее темные волосы свисали растрепанными локонами. От обитателя второго кокона я видел только рот и часть подбородка, но не сомневался, что это Мартин. Долж-

но быть, они пришли ко мне, дождавшись отъезда федералов, – тут-то их и поймали.

– Мыш, – пробормотал я. – Взрывчатки не чуешь?

Пес мотнул головой, словно отряхиваясь от воды. Звякнули медальоны на ошейнике.

– Я тоже, – кивнул я.

Ладно. Что бы там с ними ни случилось, это наверняка произошло чертовски быстро, прежде чем чрезвычайно расторопная Сьюзен или крайне параноидальный Мартин успели выхватить оружие.

Одно из моих кресел стояло спинкой к двери. Стоило мне шагнуть через порог, как оно развернулось – заметьте, оно у меня не на колесиках и вообще не поворотное, – и в отсветах каминного огня я увидел сидевшую в нем непрошеную гостью и моего кота.

Ее всегда отличали рост и неземная красота, – впрочем, это в порядке вещей у сидхе. Гладкая, без единой морщинки, кожа, огромные глаза со зрачками изумрудного цвета. Если подумать, они очень напоминали глаза сидевшего у нее на коленях Мистера. Полные губы сохраняли пунцовый цвет без всякой помады, а длинные волосы, алые с редкими серебряными прядями, ниспадали шелковистыми волнами на платье изумрудного цвета.

При виде меня она улыбнулась, блеснув острыми клыками – изящными и хищными одновременно.

– А, – тепло произнесла она, – Гарри. Давненько мы с то-

бой не общались.

Я поежился, но изготовленный к огню жезл опустил не сразу. Со мной говорила женщина-фэйри, а я по долгому опыту усвоил, что фэйри, будь они Летними или Зимними, недооценивать не стоит. Доверять им может только болван – однако и дразнить их мог только безумец. Фэйри придают особое значение вопросам этикета и уважению к гостю, и нарушение этих норм вызывает... скажем так, весьма резкую реакцию сидхе, повелителей Феерии.

Поэтому, вместо того чтобы открыть огонь в надежде заставить неприятеля врасплох, я опустил жезл и, не сводя с нее взгляда, отвесил Леанансидхе низкий, строго по правилам этикета, поклон.

– Воистину так. Давно не виделись, крестная.

Глава 15

– Разве ты не доволен мной? – поинтересовалась Леанансидхе, небрежно махнув безукоризненно наманикюренной рукой в направлении двух коконов, и продолжила поглаживать Мистера. – Я наткнулась на этих разбойников, шаривших по твоей маленькой берлоге, и... как это у вас называется? – Улыбка у нее сделалась шире. – Арестовала их.

– Понятно, – кивнул я.

– Насколько я знакома с обычаями смертных, – продолжала она, – далее должен иметь место суд, а за ним... как

там у вас называется узаконенное убийство? Ах да, казнь. – Ее ало-золотые брови на мгновение чуть сдвинулись к переносице. – Или сначала положена казнь, а потом уже суд? – Она пожала плечами. – Ах... В любом случае это не более чем терминологические детали. Гарри, ты кем предпочитаешь быть, судьей или палачом?

Я... я просто молча смотрел на нее.

В нашу прошлую встречу моя фея-крестная голосила и бредила на разные голоса, меняя личины, скованная толстым слоем льда в самом сердце Зимнего королевства. С тех пор как мне исполнилось шестнадцать лет, она без устали преследовала меня всякий раз, как я попадал в Небывальщину, очевидно решив превратить меня в одну из своих гончих.

Надо же, что творится... Значит, теперь она сменила угрозы на улыбки и прочие слюни-нюни? Стережет мою квартиру? Предлагает поиграть в суд, словно я ребенок, а Мартин и Сьюзен – пара кукол?

– Не то чтобы я не рад вас видеть, Леа, – сказал я, – но я не могу не задаться вопросом: чего именно вы хотите?

– В первую очередь удостовериться в благополучии твоего духовного «я», – отозвалась она. – Это ведь и положено делать крестным.

– Я вроде как надеялся, что ваш ответ будет чуть конкретнее.

Она рассмеялась; смех у нее получился мелодичный, словно далекий церковный звон над заснеженной равниной.

– Милое дитя. Разве ты не научился иметь дело с фэйри?

– А это вообще возможно?

Ее изящные пальцы, гладившие Мистера, на мгновение замерли.

– Ты совсем не веришь в такую возможность?

– А вы верите?

– С каких это пор тебя интересует моя точка зрения?

– Скажите, мы так и будем весь день отвечать вопросом на вопрос?

Ее улыбка сделалась шире:

– А тебе бы это понравилось?

Я поднял руку в знак капитуляции.

Она склонила голову – грациозная победительница. По части словесных поединков мне до Леа далеко – с учетом ее многовековой практики.

Кроме того, с достоинством проиграть гостю – тоже традиционная форма вежливости.

– А вот чего бы мне хотелось, – сказал я, мотнув головой в сторону коконов, – чтобы вы освободили этих двоих. Пожалуйста. Они не грабители. Это мои гости. И это, в конце концов, мой дом.

– Конечно, детка, – с готовностью кивнула она. – Никакого вреда никому из них не причинено.

Она щелкнула пальцами, и коконы превратились в облачка быстро рассеявшегося зеленого тумана.

Сьюзен безвольно повалилась со стены, но я ожидал этого,

поэтому подхватил ее и бережно опустил на пол.

Мартин камнем рухнул с потолка на прикрытый потертым ковром бетонный пол. Ловить его было некому – стыд-то какой... Ужасно, просто ужасно.

Я наскоро осмотрел Сьюзен. Видимых повреждений она не получила. Она дышала. Пульс прослушивался хорошо. На более подробную диагностику моих медицинских познаний не хватало. Я проверил и Мартина; к моему разочарованию, он находился в том же состоянии, что и Сьюзен.

Я поднял взгляд на крестную. Мистер разлегся у нее на коленях пузом кверху и наслаждался тем, как ее длинные пальцы чешут ему грудку и живот. Мурчание эхом отдавалось от стен.

– Что вы с ними сделали?

– Я усыпила их хищный дух, – как ни в чем не бывало ответила Леа. – Бедные ягнятки. Они даже не осознавали, как много сил дает им именно он. Как знать, может, это послужит для них хорошим уроком.

Я нахмурился:

– Вы хотите сказать... Вы имели в виду их вампирскую составляющую?

– Разумеется.

Некоторое время я ошеломленно молчал.

Если вампирскую заразу в полулюдях-полувампирах вроде Сьюзен и Мартина можно убаюкать и выключить, значит с ней можно делать и другие вещи. Подавить ее, возможно,

навсегда.

Черт, да если так, ее можно даже уничтожить.

Я почувствовал, как в душе моей затеплилась надежда, которую я давным-давно похоронил.

Может, мне удастся спасти их обоих?

– Я... – Я тряхнул головой. – Я искал способ... – Я тряхнул головой еще сильнее. – Больше года пытался отыскать... – Я посмотрел на крестную. – Как? Как вы это сделали?

Она невозмутимо смотрела на меня; губы ее сложились в нечто, почти напоминающее улыбку.

– О, прелестное дитя. Воистину информация такого рода – настоящее сокровище. Что ты можешь предложить за такое знание?

Я стиснул зубы.

– Вы ведь не можете не торговаться.

– Разумеется, детка. Но я привыкла доводить все до конца. Включая защиту тебя.

– Защиту? – возмутился я. – Вы же добрых два десятка лет пытались превратить меня в пса!

– Только когда ты покидал пределы мира смертных, – возразила она с таким видом, будто никак не могла взять в толк, чем меня не устраивала подобная перспектива. – Мы же заключили с тобой сделку, детка. И ты не горел желанием исполнять свою часть обязательств. – Она обворожительно улыбнулась Мышу. – И потом, разве собаки не очарователь-

ные существа?

Мышь не спускал с нее настороженного взгляда, но с места не сдвинулся.

Я нахмурился:

– Но... вы продали мой долг Мэб.

– Абсолютно верно. И должна признаться, за отменную цену. Так что теперь все, что осталось между нами, – это уговор с твоей матерью. Если ты, конечно, не хочешь заключить новую сделку...

Я поежился:

– Нет уж, спасибо.

Я убрал наконец защитное поле. Леанансидхе ласково мне улыбнулась.

– Я видел вас в башне у Мэб, – заметил я.

Что-то темное мелькнуло в ее изумрудных глазах, и она чуть отвернула от меня лицо.

– Разумеется, – подтвердила она вполголоса. – Ты видел, каким образом исцеляет моя Королева недуги.

– Что за недуги?

– Безумие, что овладело мною, – прошептала она. – Лишило меня самой себя. Опасные дары... – Она тряхнула головой. – Не могу больше думать об этом, иначе я снова сделаюсь уязвимой. – Она провела пальцем по белоснежной пряди в волосах. – Сила моей Королевы одержала верх, так что сейчас рассудок вновь мне повинуется.

– И хранит мое духовное «я», – пробормотал я, а затем

удивленно моргнул, когда меня осенило. – Садик, тот, что на той стороне, проход из которого ведет в мой подвал... Это ведь ваш, да?

– Конечно, детка, – отозвалась она. – Неужели тебе не показалось странным, что даже в нынешние беспокойные дни никто из твоих врагов – ни один! – не попытался напасть на тебя с тыла? Не послал враждебных духов к тебе в постель, в душ или в холодильник? Не принес корзинку аспидов к тебе в шкаф, чтобы они заползли к тебе в башмаки, в тапки, в карманы? – Она покачала головой. – Милое, милое дитя. Пройди ты чуть дальше – и ты увидел бы залежи костей всех тех, кто пытался добраться до тебя и кого я уничтожила.

– Э... да. Я сам там едва не сгинул.

– О да, – улыбнулась она. – Мои стражи сотворены с целью нападать на любого пришельца – включая тех, что похожи на тебя. Мы ведь не могли позволить, чтобы какой-нибудь сообразительный оборотень проскользнул мимо. – Она вздохнула. – Ты нанес ужасный урон моим примулам. По правде говоря, детка, помимо огня, есть ведь и другие стихии. Тебе стоило бы разнообразить тактику. Теперь мне придется кормить две ненасытные глотки вместо одной.

– Я... в следующий раз буду аккуратнее, – пообещал я.

– Была бы тебе весьма признательна. – Она помолчала, пристально изучая меня. – И ведь так происходило на протяжении всей твоей жизни, детка. Я следовала за тобой в мире духов. Сотворяла обереги и стражей, чтобы ты мог спать

спокойно, чтобы никто не вломился в твой дом. А ты не имеешь даже отдаленного представления, сколько разных созданий пытались это сделать. — Она снова улыбнулась, сверкнув маленькими острыми клыками. — Пытались, но потерпели неудачу.

Помимо всего прочего, это объясняло и то, как она ухитрялась оказываться поблизости всякий раз, как я попадал в Небывальщину. И как шла по моему следу спустя считанные секунды после того, как я его оставлял.

Она просто поджидала меня, чтобы охранять.

От любой опасности... Кроме себя самой.

— Итак, — произнесла она невозмутимо-деловым тоном. — Ты оставил у меня в саду на хранение изрядную грудку своего снаряжения.

— Ситуация требовала экстренных мер.

— Я так и предположила, — кивнула она. — Разумеется, я сохраню все это или верну тебе, как тебе будет угодно. А в случае твоего исчезновения передам это назначенному тобой наследнику.

Я устало рассмеялся.

— Вы... Ну еще бы! — Я покосился на Мыша. — А ты что думаешь, малыш?

Мышь посмотрел на меня, потом на Леа. Затем сел — впрочем, по-прежнему не сводя с нее настороженного взгляда.

— Угу, — согласился я. — Вот и мне так кажется.

Леанансидхе отозвалась на это широкой улыбкой:

– Хорошо, что ты принимаешь мои наставления близко к сердцу, детка. Мир, в котором мы живем, холоден и безжалоствен. Только сильный телом и духом способен управлять своей судьбой. Не доверяй никому. Даже тому, кто тебя защищает.

Я посидел немного, размышляя.

В вопросе моей защиты моя мать, похоже, выказала изрядную дальновидность. Она даже предвидела, что рано или поздно я найду моего единоутробного брата Томаса. Может, она приготовила для меня и еще что-нибудь? Что-то такое, о чем я и не догадывался?

Как бы я передал наследство ребенку, зная, что сам до этого не доживу? И что это за наследство может быть, если не считать набора магических приспособлений, которые можно, в принципе, достать и без чьей-либо помощи?

Единственным настоящим моим наследством оставалось знание.

Однако, клянусь богами, большими и малыми, знание – наследство, но наследство опасное. Представляю себе, что могло бы случиться, узнай я лет этак в пятнадцать те тайны магического ремесла, до которых дорос своим умом к тридцати годам. Это все равно что дать в руки малолетнему ребенку заряженный и снятый с предохранителя пистолет.

В таких делах совершенно необходим предохранитель – что-то такое, что не давало бы ребенку доступа к вышеупомянутым знаниям до тех пор, пока он не повзрослеет, чтобы

пользоваться ими более или менее разумно. Особенно если этот ребенок – чародей.

Я улыбнулся. Например, что-то вроде способности признать собственное невежество. Выраженное самым что ни на есть простым способом: готовностью задать вопрос. В конце концов, мою мать называли Лефей не за красивые глаза.

– А скажите, крестная, – тихо спросил я, – не оставила ли моя мать вам что-нибудь, чтобы передать мне, когда я достигну до этого? Книжки? Карты?

Леа медленно, глубоко вздохнула. Глаза ее сияли.

– Так, – прошептала она. – Ну-ну-ну.

– Ведь оставила?

– Разумеется. Но меня просили, чтобы я предостерегла тебя. Это смертельно опасное наследство. Если ты примешь его, то примешь и все, что ему сопутствует.

– Что именно?

Она повела плечом:

– С этим у каждого по-своему. Твоя мать, например, лишилась полноценного сна. С тобой может случиться что-нибудь и похуже. А возможно, вообще ничего.

Я подумал еще немного и кивнул:

– Я хочу получить это.

Леа не сводила с меня взгляда. Она подняла руку ладонью вверх, сжала пальцы и снова распрямила их.

На ладони у нее лежала маленькая, алая, как кровь, рубиновая пентаграмма.

– Здесь собрано все, что она знала о Тропах, – тихо сказала Леа. – Каждая тропинка, каждый обход, каждая лазейка. Она так поднаторела в их поисках, что в конце концов научилась предсказывать их изменения. Видишь ли, Тропы могут меняться от десятилетия к десятилетию, но твоя мать точно знала, где они находились и где будут находиться. Мало кто из моих сородичей может похвастаться такими знаниями. – Она прищурилась. – Вот, детка, какое знание лежит тяжким грузом в моей руке. Лично я полагаю, что оно тебя уничтожит. Однако же выбор за тобой.

Долгую минуту я смотрел на рубин, заставляя себя дышать ровно. Все Тропы. Возможность путешествовать по всему миру без оглядки на географию. Черт, да обладай я таким знанием, мы бы выиграли войну с Красной Коллегией едва ли не прежде, чем она началась. Владелец такого знания мог бы игнорировать законы, уходя от правосудия – хоть земного, хоть сверхъестественного. Попадать куда угодно. Бежать от чего угодно... почти от чего угодно. Добывать любую мыслимую и немыслимую информацию.

Адские погремушки! Этот маленький сияющий камушек обладал едва ли не самой сокрушительной силой, какую я только встречал на своем веку. Просто невероятной силой.

Надо же, какой соблазн!

Интересно, подумал я, смогу ли я совладать с такой силой? Я ведь не святой.

В то же время у меня еще никогда не имелось инстру-

мента, столь явно предназначенного для того, чтобы помочь мужчине *оказаться рядом* со своей маленькой дочерью и спасти ее. Где бы она ни находилась, я мог попасть к ней. Добраться до нее и благополучно вернуться.

Мэгги...

Я протянул руку и взял рубин с ладони моей крестной.

Глава 16

– Гарри, – окликнула меня Молли из гостиной. – Кажется, они просыпаются.

Я задумчиво ответил «угу» и поднял свою пентаграмму на цепочке к глазам, чтобы рассмотреть получше. Маленький рубин явно гранили с расчетом на эту серебряную штуку. Вернее, на ту, какой она была до того, как мне пришлось использовать ее в качестве серебряной пули. Нагрузки, которые пришлось испытать моей маленькой пентаграмме – заключенной в круг пятиконечной звезде, – заметно ее покоржили. Мне пришлось по возможности выпрямить ее с помощью своего набора ювелирных инструментов – тех самых, которые я использовал при создании Маленького Чикаго.

Рубин вошел в центр пентаграммы как влитой. Я несколько раз встряхнул цепочку, и он остался на месте. Впрочем, позволить себе рисковать было бы неразумно. Я вытащил его, перевернул и щедро намазал тыльную поверхность суперклеем. Возможно, я мог это сделать и аккуратнее, но вре-

мя поджимало.

— Не можешь не насвинячить, — буркнул я себе под нос и покосился на полку, обыкновенно занятую Бобом. Теперь на ней развалился Мистер; пара романов в бумажных обложках исполняли роль подушек, а застывший на поверхности свечной воск замечательно подходил для того, чтобы царапать его когтями.

Я почесал котяру пальцем за ухом, отчего он замурлыкал, и пообещал себе как можно скорее вернуть Боба на место: если уж на то пошло, череп, подобно мечам, был слишком ценным и опасным, чтобы оставлять его без охраны. Впрочем, как знать, в кровожадном садике Леа ему, возможно, грозило меньше опасностей, чем у меня дома.

Я оставил амулет со сверкавшим в его сердце рубином лежать на столе, чтобы клей подсох, а сам поднялся по стремянке в комнату.

Сюзен я уложил на диван, подложив ей под голову подушку и укрыв одеялом. Мартина Молли перетащила на походный коврик из пенки и тоже укрыла, снабдив и подушкой. Мыш уснул, разлегшись на полу рядом с Мартином. При этом, хотя глаза его оставались закрытыми и он негромко всхрапывал время от времени, уши его чутко дергались при малейшем звуке.

Пока я возился в лаборатории, Молли прибралась наверху. Возможно, она лучше меня знала, где и что стоит у меня на кухне. А может, переставила все по-новому. Так или

иначе, я не сомневался, что, когда мне захочется яичницы из одного яйца, я не найду маленькой сковородки до тех пор, пока не использую большую и не вымою ее.

Я присел на краешек дивана рядом со Сьюзен. Она пошевелилась и что-то сонно пробормотала. Потом вдруг со свистом втянула воздух через нос и широко раскрыла полные панического ужаса глаза.

– Спокойно, Сьюзен, – сказал я. – Это я, Гарри. Тебе ничего не грозит.

Похоже, потребовалось три или четыре секунды на то, чтобы смысл моих слов дошел до ее сознания. Потом она снова обмякла, несколько раз моргнула и повернулась ко мне.

– Что со мной случилось? – спросила она.

– Тебя приняли за налетчика, – ответил я. – Вас усыпили с помощью заклинания.

Она устало нахмурилась:

– Ох... Мне снилось...

– Что?

– Мне снилось, что проклятие исчезло. Что я снова человек. – Она с горькой улыбкой покачала головой. – А я-то надеялась, с этим покончено. Мартин?

– Я здесь, – чуть заплетающимся языком ответил Мартин. – Я в порядке.

– Не уверен, что надолго, – заметил я. – Обереги отключены. Мы здесь все равно что у всех на виду.

– Что ж, – не без ехидства хмыкнул Мартин, – будем считать, мы получили урок насчет того, к чему это приводит.

Сьюзен закатила глаза, но сразу же покосилась в мою сторону, и губы ее почти улыбались.

Ага. Что ж, хорошо.

– Ну что, ребята, – поинтересовался я, – выяснили что-нибудь насчет хвоста?

– Хвостов, – поправил меня Мартин. – Три разных детективных агентства, все местные. Им заплатили наличными, чтобы они следили за нами с момента нашего приземления. Дали три совершенно разных описания нанимавшей их женщины. Сходятся только в одном: все три неправдоподобно красивы.

– Арианна? – предположил я.

– Возможно, – хмыкнул Мартин. – Старейшие из них способны менять плотские маски как перчатки и не боятся солнечного света, от которого эти маски их защищают.

Я вскинул бровь. Надо же, какие новости! Не исключено, что даже Стражи не обладали подобной информацией. Хотя, может, Мартин просто не проснулся еще окончательно?

– Как долго мы пролежали в отключке? – спросила Сьюзен.

– Я вернулся пять часов назад. Солнце уже село.

Она закрыла глаза, словно собираясь с духом, потом кивнула:

– Ладно. Нам с Мартином надо ехать.

– Куда?

– В аэропорт, – ответил за нее Мартин. – Так мы успеем в Неваду до утра... или рано утром завтра. Там найдем их склад и посмотрим, не отыщется ли там какой-нибудь информации.

– Мы все обдумали, Гарри, – негромко произнесла Сюэ-жен. – Ты не можешь лететь на самолете, а у нас каждая минута на счету. На самолете мы долетим за семь часов. На машине путь туда занимает два дня. Мы просто не можем себе этого позволить.

– Да, ваша логика мне ясна, – кивнул я.

Мартин встал и потянулся, хрустнув суставами:

– Без разведки нам туда не пробраться. Надо узнать слабые места, графики охраны, поэтому, прежде чем...

Я перебил его, шмякнув на журнальный столик вырванный из блокнота листок бумаги:

– Склад расположен в склоне горы. Перед входом располагается небольшое огороженное колючей проволокой пространство с передвижными будками-контейнерами. Дорога ведет прямо внутрь горы – в полости, либо вырытые специально для складских целей, либо оставшиеся от каких-то горных разработок.

Рассказывая, я водил пальцем по нарисованной на блокнотном листке схеме:

– Сторожевая вышка перед входом одна, и на ней дежурит часовая со снайперской винтовкой. Ограда патрулирует-

ся двумя часовыми с собакой; часовые вооружены этими... винтовками с короткими стволами...

– Карабинами, – радостно подсказала Молли из кухни.

– ...и осколочными гранатами. Они совершают обход, не торопясь. У них на это уходит около двадцати минут, потом они возвращаются в помещение выпить кофе и отправляются на следующий круг. Вот здесь, здесь и здесь установлены камеры видеонаблюдения, и, судя по количеству машин на стоянке, можно предположить, что помещение там, внизу, довольно большое и, вероятно, там расположены казармы для охраны. – Я кивнул. – Это то, что касается поверхности земли, но проникнуть внутрь придется без предварительной разведки. Мы будем вынуждены действовать довольно прямолинейно. Подойдем вплотную под прикрытием завесы, и я вырублю их связь. Поднимем шум, чтобы отвлечь внимание, а когда во двор выбегут подкрепления, ворвемся внутрь. Если повезет, запремся, оставив их всех на улице. Дальнейшее уже дело...

Я осекся, подняв взгляд на Мартина и Сьюзен; оба уставились на меня, потешно раскрыв рты.

– Что? – спросил я.

– Но как... – начал Мартин.

– Откуда... – выдавила Сьюзен.

Молли даже не пыталась справиться с одолевавшим ее хихиканьем.

– Откуда я это узнал? – Я протянул руку и взял со стола

лежавший на нем бинокль. – Сходил туда посмотреть. У меня на это ушло пятнадцать минут... в одну сторону, конечно. Я мог бы и вас туда отвести, если захотите, но если вам, ребята, удобнее на самолете – что ж, мне так даже проще. Я вас там, на месте подожду.

Мартин пристально смотрел на меня.

– Ты... – начала Сьюзен, закипая праведным гневом, но сразу же запрокинула голову и рассмеялась. – Ты несносная, самоуверенная свинья, вот ты кто, – продолжала она почти с нежностью. – Мне не стоило тебя недооценивать. Когда все в порядке, ты можешь вести себя отвратительно, но когда нужно, ты ведь всегда наготове.

– Надеюсь, что это так, – тихо сказал я и встал. – Давайте-ка поешьте что-нибудь. Мне еще нужно доделать кое-что в лаборатории, что может нам пригодиться. Отправимся через час.

Глава 17

Мы выехали через пятьдесят пять минут.

«Голубой жучок» с трудом вместил всю компанию, но и ехать нам предстояло всего пять-шесть кварталов. Вход на нужную нам Тропу находился в переулке за самым заурядным чикагским жилым домом в самом заурядном чикагском районе. Вечерело, поэтому мы ехали, не застревая в пробках; Мыш, как призрак, бежал рядом по тротуару, стараясь

держаться в тени. Он легко поспевал за машиной.

Это говорит вовсе не о медлительности моей тачки, а о том, какая сильная у меня собака. Честно.

Молли свернула в переулок и остановила машину. Она беспокойно оглядывалась по сторонам, пока мы выбирались из салона. Я подал Сюзен руку, помогая спешиться, и придержал дверь Мышу, который сразу же запрыгнул на пассажирское сиденье.

Я потрепал его по загривку и заглянул в салон, чтобы поговорить с Молли:

– Сходи выпей кофе или чего-нибудь в этом роде. Дай нам час, от силы полтора. За это время мы должны обернуться.

– А если нет? – спросила Молли и невольно зарылась пальцами в мех на спине Мыша. – Что мне тогда делать?

– Если не вернемся через полтора часа, возвращайся домой к родителям. Свяжись с тобой там.

– Но если...

– Молли, – решительно перебил я. – Невозможно предусмотреть все, но иначе мы никогда не начнем действовать. Поезжай. И не верь этому мохнатому попрошайке. Он и так в последнее время перебрал веса.

– Хорошо, Гарри, – с несчастным видом кивнула она и тронула машину с места.

Молли вырулила обратно на улицу, и Мыш смотрел на нас в заднее окно, пока она отъезжала.

– Бедная девочка, – заметила Сюзен. – Не любит, когда

ее не берут с собой.

– Эта девочка, – хмыкнул я, – в состоянии одолеть нас троих, вместе взятых, – при условии, что застанет нас врасплох, конечно. Так что она вполне сильна, здесь проблем нет.

– Так я не об этом, вообще-то.

– Тогда о чем?

Сьюзен нахмурилась, а затем ее брови поползли вверх.

– Господи, Гарри. Неужели ты не понимаешь?

– Не понимаю? Чего?

Она покачала головой, и уголок ее рта изогнулся в той самой улыбке, которую я так хорошо знал. При виде этого сердце у меня замерло – если сердце вообще способно замирать.

– Молли к тебе неровно дышит, Гарри.

Я нахмурился:

– Вовсе нет. Мы с этим разобрались с самого начала. Ничего такого.

Сьюзен повела плечом:

– Может, ты и разобрался, но она – нет. Она влюблена.

– Да нет же. – Я продолжал хмуриться. – Она ходит на свидания и все такое.

– Я не говорила, что она не живой человек. – Лицо ее сделалось подчеркнуто нейтральным. – И не полуживой. Я просто сказала, что она влюблена. – Она помолчала, глядя вслед машине. – Можно поделиться с тобой кое-чем, что я поняла за последние несколько лет?

– Полагаю, да.

Она, посерьезнев, повернулась ко мне:

– Жизнь слишком коротка, Гарри. И радости в ней совсем, совсем негусто. Поэтому, если тебе повезло найти ее, хватай, пока не поздно.

Эти слова дались Сьюзен явно нелегко. Она пыталась сделать вид, что это не так, но я-то ее хорошо знаю. Даже просто озвученные, эти мысли наверняка причиняли ей боль, и немалую. Я собирался было возразить ей, но передумал.

– Все это время я любил тебя и люблю, – произнес я вслух. – И не хотел, чтобы ты уходила.

Она отвернулась, заслонив лицо волной своих волос.

– Я тоже, – отозвалась она чуть дрогнувшим голосом. – Но из этого не следует, что мы сможем быть вместе.

– Нет, – согласился я. – Боюсь, что нет.

Она вдруг стиснула кулаки и выпрямилась.

– Не могу я, – выдохнула она. – Не сейчас. Надо сосредоточиться. Я... – Сьюзен тряхнула головой, повернулась и направилась от меня прочь. Она остановилась только на углу и постояла там, успокаивая дыхание.

Я покосился на Мартина – тот стоял, прислонясь спиной к стене; лицо его, разумеется, оставалось непроницаемым.

– Что? – окрысился я.

– Вы думаете, это вы испытываете гнев при мысли о дочери, Дрезден? Какой это гнев... – Он мотнул подбородком в сторону Сьюзен. – Гнев вон где. Она хорошо знала Мендоса, приемных родителей девочки, и любила их как родных.

Она первая нашла их. И их детей. Вампиры в буквальном смысле слова разорвали их на клочки. Одному из четверых родных детей Мендоса только-только исполнилось три года. Еще двое – примерно ровесники Мэгги.

Я ничего не ответил. Воображение рисовало мне ужасные картины.

– У нас ушло полчаса только на то, чтобы собрать все части тел, – тихо продолжал Мартин. – Нам пришлось складывать их, как пазл. И все это время мы буквально сходили с ума от жажды крови. Несмотря на то, что она знала всех этих людей. Несмотря на страх за дочь. Попробуйте-ка себе это представить. Представьте Сьюзен, как она стояла там, борясь с желанием впиться зубами в окровавленные ошметки, даже зная при этом, что вот эта оторванная ножка, возможно, принадлежит ее дочери. Представьте, а?

Я бы с удовольствием не делал этого, но представил.

– Только сложив всю эту головоломку, мы поняли, что Мэгги похитили, – продолжал Мартин, четко и вежливо выговаривая слова. – Сьюзен едва удастся держать себя в руках. Если она не справится с собой, погибнут люди. И возможно, в том числе она сама. – Взгляд Мартина сделался ледяным. – Поэтому я был бы вам, мать вашу растак, чертовски признателен, если бы вы не терзали ее, подогревая ее эмоции за пять минут до того, как мы начнем вламываться на хорошо охраняемый объект.

Я оглянулся через плечо на Сьюзен. Она все еще смотре-

ла в другую сторону, хотя, возможно, просто была занята: собирала волосы в хвост.

– Я не знал, – пробормотал я.

– В нынешних обстоятельствах вам лучше следить за своими эмоциями, – продолжал Мартин. – Родригес они не помогут. И девочке не помогут. Я бы предложил вам придержать их при себе до тех пор, пока все это не останется позади.

– Что – позади? – поинтересовалась вернувшаяся Сьюзен.

– Э... наша прогулка. – Я повернулся, чтобы вести их в переулок. – Переход не займет много времени – секунд тридцать по ровному коридору. Но там темно, и вам придется задержать на это время дыхание.

– Зачем? – удивилась Сьюзен.

– Атмосфера там – смесь метана и углекислого газа. Если использовать источники света, есть риск, что рванет.

Брови у Сьюзен удивленно поползли вверх.

– А как же твой амулет?

Я покачал головой:

– На самом деле его свет... Черт, в общем, все это сложнее, чем тебе сейчас нужно знать. Скажем так: я чувствую, вероятность того, что атмосфера от его света загорится, ничтожно мала, но все-таки есть. Вроде того, как на бензозаправках пишут предупреждения об опасности статического электричества. Так что давай не будем рисковать, ладно?

– Ага, – кивнула Сьюзен. – Ты хочешь, чтобы мы шли вслепую по туннелю, заполненному ядовитыми газами, ко-

торый может взорваться от мельчайшей искры?

– Да.

– И... ты уверен, что это удачная идея?

– Это отвратительная идея, – сказал я. – Но это самый быстрый путь к тем хранилищам, что нам нужны.

Я коснулся пальцами красного камешка на своем амулете. Мы уже подходили к portalу – старой, наполовину заложенной кирпичом двери в полуподвальный этаж жилого дома.

В ушах моих зазвучал негромкий женский голос, исходивший словно ниоткуда. Голос моей матери. Она умерла вскоре после моего рождения, но у меня не возникало ни малейших сомнений в том, что это ее голос. От него теплело на душе – словно от старого любимого музыкального произведения, которое ты не слышал несколько лет.

– Коридор за дверью заполнен опасной концентрацией метана и углекислорода, не считая других газов. Смесь взрывоопасна, и трудно рассчитать, какие энергии в состоянии привести к взрыву. Коридор длиной в сорок два шага открывается в расселину близ Корвина, штат Невада. – Последовала пауза, после которой голос продолжил описание, но уже дрожа и задыхаясь: – Внимание: коридор, похоже, обитаем. Что-то пыталось схватить меня на полпути. – Голос несколько раз кашлянул. – Поправка: когда в следующий раз соберешься в Корвин, не надевай платья, балда. Это пробуждает у местных фермеров нездоровые фантазии.

– Должно быть, приняли за девушку легкого поведения, –

пробормотал я, невольно улыбнувшись.

– Ты это о чем? – не поняла Сьюзен.

– Так, – спохватился я. – Не бери в голову.

Я взялся за дверную ручку и немедленно ощутил кончиками пальцев легкое, упругое сопротивление. Впрочем, барьер, отделяющий материальный мир от духовного, был в этом месте непрочен. Я сделал глубокий вдох, чуть напряг волю и прошептал: «Аparturum».

Круг черноты начал разбегаться от центра моей ладони; он рос на глазах, захватывая и кирпичные стены. Я не стал делать его слишком большим. В конце концов порталы за-тягиваются сами собой, но чем меньше проем, тем быстрее это происходит, а мне не хотелось, чтобы в него по ошибке провалился какой-нибудь незадачливый идиот.

К моим спутникам это, разумеется, не относилось.

Я оглянулся на Сьюзен и Мартина:

– Сьюзен, держись за мой плащ. Мартин, держитесь за Сьюзен. Наберите побольше воздуха в легкие, и давайте не шуметь и не задерживаться.

Я повернулся лицом к portalу, сделал глубокий вдох и шагнул вперед.

Мамин камень не предупредил меня о том, что в коридоре царит адский жар. Когда я шел здесь в первый раз, я ощущал себя так, словно попал разом в три сауны, расположенные одна внутри другой на манер этих русских кукол... как их... матрешек? Я нащупал рукой правую стену и двинулся впе-

ред, считая шаги. Я делал шаги покороче своих обычных; на этот раз мне удалось точнее совпасть с маминым отсчетом. Я добрался до конца коридора на счет «сорок три».

Еще одно небольшое усилие воли, произнесенное шепотом слово – и я отворил портал с противоположной стороны, оказавшись на холодном горном ветру. Здесь почти стемнело. Сюзен и Мартин вышли следом за мной, и минуточку-другую мы не думали ни о чем, кроме как отдышаться. Мы находились в горной пустыне, где не росло ничего, кроме самых выносливых растений, и не обитало никого, кроме бесшумных, стремительных тварей. Окружность портала, из которого мы вышли, темнела в воздухе на фоне входа в старую шахту, заложенного неровной кирпичной кладкой много лет назад.

– Теперь куда? – спросил Мартин.

– Примерно полмили в этом направлении, – ответил я и шагнул вперед.

Должен признать, это укрытие было устроено очень расчетливо. Мы находились так далеко в пустынных горах, что добираться сюда – откуда бы то ни было – пришлось бы очень долго. Единственная дорога по широкому плоскому дну ущелья просматривалась со всех сторон – нигде ни камня, ни скалы, за которыми можно было бы затаиться. Стены каньона тоже выглядели абсолютно голыми. И спуститься было невозможно без каната длиной в сто ярдов или вер-

толета.

Или – без чародея.

– Ладно, – сказал я. Ночной холод усиливался, и, когда я говорил, дыхание сразу же превращалось в пар. – Держите. Выпейте половину, а половину оставьте.

Я вручил Мартину и Сьюзен пробирки, наполненные светло-голубой жидкостью.

– Что это? – спросила Сьюзен.

– Парашют, – пояснил я. – Формально – эликсир взлета, но я его разбавил. Он должен в целости и сохранности доставить нас на дно ущелья, в долину.

Мартин устремил взгляд на свой флакон, потом – на меня.

– Гарри, – начала Сьюзен. – В прошлый раз, когда я выпила один из твоих эликсиров, это было... не слишком приятно.

Я закатил глаза:

– Как только приземлишься, катись кувырком. – Я выпил половину своего эликсира и шагнул с края обрыва.

Полет – дело для волшебника трудноосуществимое. Магия каждого чародея работает немного по-разному, а это означает, что, когда доходит до полетов, справиться с этим делом можно единственным способом – методом проб и ошибок. А поскольку полет как таковой означает очень быстрое перемещение высоко над землей, потенциальные аэронавты рискуют закончить свою карьеру – а заодно и жизнь – при первой же ошибке.

Летать трудно – падать легко.

Я спускался, ускоряясь примерно секунду, а затем поддерживая скорость порядка пятнадцати миль в час. Довольно скоро я достиг дна и покатился кувырком, чтобы смягчить энергию удара. Затем я поднялся, стряхивая с себя пыль. Сьюзен и Мартин приземлились поблизости и тоже уже встали на ноги.

– Классно! – сказала Сьюзен. Она на пробу подпрыгнула в воздух и улыбнулась, медленно планируя вниз. – Очень круто! А потом мы выпьем еще, чтобы подняться?

– Да. Но нам придется поспешить, – сказал я. – Действие зелья может закончиться через двадцать минут.

Сьюзен кивнула, регулируя ремни на своем рюкзаке:

– Хорошо.

– Держитесь ближе ко мне, – велел я. – Мне не удастся укрыть нас всех, пока мы не окажемся на расстоянии вытянутой руки друг от друга.

Мартин и Сьюзен подошли поближе, и после нескольких секунд полной концентрации я поставил завесу, которая предназначалась для сокрытия нас из виду и рассеивания температурного следа. Завеса была не идеальна: нас по-прежнему можно было бы засечь с помощью приборов ночного видения, но я рассчитывал на то, что люди, охраняющие это уединенное сооружение, вероятно, нечасто сталкиваются с проблемами. Спокойная, надежная, рутинная работа обычно притупляет бдительность – такова человеческая

натура.

Я сделал знак рукой, и мы втроем двинулись к цели. Мы не перебегали от укрытия к укрытию, не прикрывали лица камуфляжными красками. Об этом позаботилось заклятие. Мы просто шли по неровной дороге, стараясь держаться как можно ближе друг к другу. Это могло бы даже доставлять некоторое удовольствие, когда бы не Мартин.

Когда до ограды оставалось ярдов тридцать, я задержался, поднял посох и нацелил его на ближайшую камеру видеонаблюдения.

– Nexus, – прошептал я.

Я не очень привык заниматься одновременно двумя магическими делами, например, одной рукой поддерживать завесу, а другой наводить порчу – даже такую несложную, как антиэлектронную. Какое-то мгновение я даже боялся, что завеса рухнет, но она быстро восстановилась. Красный огонек на камере погас.

Мы двинулись в обход ограды. Подобным же образом я вывел из строя еще две камеры, превратив их в бесполезный металлолом, но стоило мне расправиться с третьей камерой, как Сьюзен схватила меня за рукав. К нам приближался патруль.

– Нас может учуять собака, – прошептала Сьюзен.

Мартин вытащил из-под куртки небольшой пистолет и навинтил к стволу глушитель.

– Нет, – сдавленно прошипел я и, порывшись в кармане

плаща, выудил второй приготовленный мною для этой экспедиции эликсир. Он содержался в маленьком шарике тончайшего стекла. Я бросил его на тропу перед приближающейся собакой и услышал негромкий хруст треснувшего стекла.

Двое патрульных и собака миновали то место, куда я подбросил свой подарочек. Собака заинтересовалась новым запахом, но охранник дернул ее за поводок, и все трое двинулись дальше, не обратив на нас ни малейшего внимания.

– Собака лишилась нюха и слуха. Ничего страшного, завтра все восстановится, – шепотом объяснил я. – Эти парни просто делают свою работу. Грех убивать их только за это.

Мартин выглядел озадаченным, однако мои слова, похоже, не произвели на него особого впечатления, поскольку пистолета он не убрал.

Мы подошли к тому месту, где ограда упиралась в горный склон – прямо напротив просторной стоянки. Сьюзен достала кусачки и приготовилась резать проволоку, но Мартин успел перехватить ее запястье.

– Ток, – прошептал он. – Дрезден!

Я кивнул. Мог бы и сам догадаться – теперь я тоже ощущал едва слышное жужжание, пульсирующую в воздухе энергию, от которой встали дыбом волосы на руках. Легко навести порчу на мелочь вроде микрочипа, но совсем другое дело, если тебе требуется вывести из строя солидную, находящуюся под высоким напряжением систему. Я сложил заклинание поэффективнее, и наградой за это стал резкий

запах горелой изоляции. Мартин протянул руку и осторожно коснулся проволоки тыльной стороной кисти. Ничего не произошло.

– Хорошо, – прошептала Сьюзен и принялась проделывать проход в изгороди; при этом лязг ее кусачек заглушался порывами внезапно усилившегося ветра. – Где твой отвлекающий маневр?

Я подмигнул ей, поднял жезл, просунул его между двумя рядами проволоки и тщательно прицелился. Потом покопился на сторожевую вышку, чтобы убедиться, что часовой смотрит в другую сторону, и прошептал:

– Fuego, fuego, fuego, fuego!

Крошечные сгустки темно-красного света метнулись через двор в направлении стоянки. Я не промахнулся. Багровые шарики с шипением прожгли кузова нескольких стоявших к нам хвостом машин и угодили точнехонько в бензобаки.

Результат получился вполне ожидаемый. Конечно, взрыв бензобака не сравнится по громкости с настоящей бомбой, однако, когда стоишь от него всего в нескольких ярдах, разницу ощутить почти невозможно. Последовало несколько хлопков, и «подстреленные» мною автомобили с ревом охватило пламя.

Часовой на вышке принялся кричать в рацию, но ответа, судя по всему, не получил. Неудивительно: вторая видеочкамера располагалась аккурат над его головой, так что закла-

тие, которое вывело ее из строя, скорее всего, поразило и его рацию. Пока он разбирался со связью, мы с Мартином и Сьюзен проскользнули внутрь ограды и укрылись в тени одного из складских контейнеров.

Стоявший между двумя горящими машинами автомобиль тоже занялся огнем, и сделалось еще светлее. Еще через несколько секунд повсюду замигали красные огни и взвыла сирена. Здоровенная металлическая створка в склоне горы начала подниматься, совсем как гаражные ворота.

Первыми выбежали двое патрульных со своей временно нетрудоспособной овчаркой, за ними – дюжина парней в такой же форме. Правда, не все оделись полностью, – похоже, часть из них выскочила из постели, поэтому они нацепили то, что попало под руку. Некоторые тащили с собой огне-тушители, словно всерьез надеялись потушить из этих фыркалок такой большой пожар. Что ж, удачи вам, ребята.

Стоило последнему из них бегом миновать наше убежище, чтобы в тревоге уставиться на горящие автомобили, как я вскочил и, вложив все свои силы в завесу, ринулся в противоположную сторону. Я лишь надеялся, что Сьюзен с Мартином не отстанут, и они не отстали. Мы проскочили под большой гаражной створкой. И начали спускаться по длинному пандусу.

– Идите первым, – сказал Мартин, повернулся к пульту на стене и выхватил из кармана какой-то инструмент. – Я закрою дверь.

– Только постарайтесь, чтобы мы потом смогли ее отпереть, – проворчал я.

– Разумеется, Дрезден, – резко отозвался Мартин. – Я занимался этим еще за шестьдесят лет до вашего рождения.

– Ты бы убрал свою штуку-невидимку, – посоветовала мне Сьюзен. – Мы ищем что-то вроде компьютера, так что...

– ...Так что мне стоит попридержать свою магию до лучших времен. Во избежание. Понял.

Мы углублялись все дальше. Дорога вела круто вниз по спирали, так что, пройдя ярдов четырехста, мы спустились на добрую сотню ярдов. Да и воздух сделался заметно прохладнее, что для шахт, в общем-то, не характерно.

Более того, я ощутил явственный холодок потусторонних энергий. Зловещих энергий. Они медленно клубились вокруг нас, сгущаясь, как мед на морозе. Злоба, пронизывавшая их, рисовала перед моими глазами образ древнего Смога, дремавшего на груди своих сокровищ. Вот, значит, почему Красная Коллегия спрятала свои темные сокровища именно в этом месте. Собственно, непосредственной угрозы здоровью эта энергия не представляла, но вполне эффективно защищала от безжалостного времени всякие магические артефакты.

Пандус вывел нас в относительно просторное помещение, напомнившее мне пространство под трибунами большого стадиона. В него выходили три двери. На одной, чуть приоткрытой, виднелась надпись: «КАЗАРМЫ». На другой, на-

глухо закрытой: «АДМИНИСТРАЦИЯ».

Табличка на третьей, стальной, напоминавшей дверь от сейфа, гласила: «ХРАНИЛИЩЕ». Открывалась она не в уровень пола, а на дебаркадер, край которого выделялся сигнальной черно-желтой окраской. Высота дебаркадера явно соответствовала высоте пола стоявшего к нему кормой большого фургона.

О, а еще перед стальной дверью стояли двое охранников с угрожающего вида дробовиками в руках.

Сюзен не колебалась ни мгновения. Она ринулась вперед со сверхъестественной скоростью, и один из охранников рухнул, даже не успев понять, что происходит. Второй оказался проворнее и, развернувшись в мою сторону, открыл огонь. Правда, прицелился он в спешке не слишком точно. Принято считать, что дробовики превращают в решето все, на что направлены их стволы, но это не так. Даже для стрельбы из дробовика требуется некоторое умение, особенно если такая стрельба ведется в экстремальной ситуации, и ударившийся в панику охранник этим умением явно не обладал. Дробь роem разъяренных шершней прожужжала мимо, а я сделал три торопливых шага влево и, нырнув в раскрытую дверь казармы, убрался с линии огня.

Из-за двери послышался удар – судя по звуку, рукоятку пистолета по черепу.

– Чисто, – послышался голос Сюзен.

Я вышел обратно. Оба охранника валялись без сознания

у ее ног.

– Черт, ну я и молодец! – хмыкнул я.

Сьюзен кивнула и, наклонившись, вынула оружие из рук у обоих:

– Лучший отвлекающий маневр.

Я подошел к ней и внимательно осмотрел стальные ворота:

– Как мы попадем внутрь?

– А нам туда и не надо, – отозвалась Сьюзен. – Их сокровища нам не нужны. Нам хватит и накладных.

Она достала из сумки маленький набор слесарных принадлежностей и, не обращая внимания на стальные ворота склада, направилась ко входу в офис. У меня есть кое-какие навыки по части взлома, но у Сьюзен их явно на порядок больше. Ей хватило одного взгляда на замок, чтобы, выбрав из набора нужную железяку, открыть дверь так, словно это был родной ключ.

– Подожди здесь. И постарайся ничего не сломать.

Я сцепил руки за спиной и попытался изобразить обиду. На мгновение лицо ее осветилось улыбкой, и она скрылась в дверях офиса.

Я вернулся ко входу в казарму. Мои пистолеты лежали вместе с прочей контрабандой под землей в садике у Леа, а ходить безоружным мне принципиально не нравится. Магия – штука хорошая, но случаются ситуации, в которых нет ничего лучше старого доброго пистолета. Замечательный,

пусть и немного специфический инструмент.

Оглядевшись по сторонам, я сразу же нашел все, что хотел. Большой полуавтоматический пистолет с парой запасных обойм я сунул в карман плаща. Потом взял из пирамиды автоматическую винтовку, к рожку которой изоляцией было примотано еще два запасных.

В обращении с автоматами я не слишком силен, но моих знаний хватило, чтобы проверить, нет ли патрона в патроннике. Потом проверил, поставлена ли эта железка на предохранитель, и закинул ремень на плечо. А потом вернулся ко входу в офис и принялся ждать.

Сюзен, чертыхаясь, колдовала с компьютером; на лицо ее падали зеленые, синие и алые отсветы от монитора. Минуту спустя она появилась.

– Ничего, – буркнула она. – Кто-то побывал здесь до нас. Стерли все, что касалось отправок из этого места, вплоть до трех часов назад.

– А бумажные распечатки? – поинтересовался я.

– Гарри, – вздохнула Сюзен, – тебе никогда не доводилось слышать про офисы без бумажных документов?

– Угу, – кивнул я. – Это как снежный человек. Кто-то из знакомых говорил, что знаком с кем-то, кто его видел, но лично не видел ни разу. – Я осекся. – Впрочем, снежного-то человека я как раз встречал, и он вполне пристойный парень, но сравнение все равно удачное. Не забывай, кому это место принадлежит. Как ты думаешь, силен ли кто-то вроде графич-

ни в компьютерах? Поверь мне, прожив на свете лет двести, ты будешь хранить все даже не в двух, а в трех экземплярах.

Сьюзен повела бровью, но кивнула:

– Ладно. Пошли.

Мы вошли вдвоем и перевернули офис вверх дном. Бумаг в нем оказалось полным-полно, но мы знали номер отправки магических артефактов (000937, если вам интересно), и это заметно ускорило поиски. Мы вновь остались ни с чем. Тот, кто заметал следы, постарался на славу.

– Черт возьми! – тихо пробормотала Сьюзен. Голос ее дрогнул.

– Спокойно, – утешил я ее. – Спокойно. У нас осталось еще несколько ходов.

– Но это была единственная зацепка, – возразила она.

Я мягко коснулся ее руки:

– Доверься мне.

Она вымученно улыбнулась, но взгляд по-прежнему оставался напряженным.

– Идем, – сказал я. – Надо убраться отсюда до прибытия кавалерии. Да, кстати. – Я протянул ей автомат.

– Очень предусмотрительно с твоей стороны, – кивнула она, и улыбка ее сделалась чуть шире. Сьюзен ловко проверила затвор – как только что сделал я, только ловчее и быстрее. – А я тебе ничего не захватила.

Я повернулся, внимательно посмотрел на фургон и подошел к запертым задним створкам кузова:

– Вот. Можешь отпереть?

Она достала свои инструменты и открыла дверь. Времени у нее на это ушло меньше, чем у меня на просьбу.

В кузове стояло несколько больших высоких коробок. Мне потребовалось не меньше секунды, чтобы опознать в них контейнеры для одежды. Я открыл одну и...

И обнаружил внутри висевшую на вешалке мантию с капюшоном, выполненную из каких-то белых и зеленых перьев. Тяжелую – весила она никак не меньше полусотни фунтов. Еще я нашел там палку с приделанными к ней острыми как бритва пластинками обсидиана, рукоять которой покрывали вырезанные пиктограммы. Я плохо разбираюсь в данной конкретной форме символов, но узнал их. И сразу понял, что предмет этот не древний – изготовили его всего несколько десятков лет назад.

– Костюм для ритуалов майя, – пробормотал я, нахмурившись. – Какого черта они подготовили к отправке именно его?..

И тут же сообразил зачем. Я повернулся к Сьюзен и встретил ее взгляд, подсказавший мне, что и она поняла. Сьюзен молча обошла машину, рывком открыла водительскую дверь и принялась запихивать в нейлоновую спортивную сумку какие-то вещи.

– Что ты там нашла? – поинтересовался я.

– Потом, некогда, – отмахнулась она.

Мы поспешили обратно по пандусу к Мартину.

Казалось, створка ворот борется сама с собой. Она тряслась, скрежетала и делала попытку подняться, а потом Мартин что-то делал с проводками, торчавшими из-под снятого пульта, и она захлопывалась обратно. Несколько охранников попытались сунуть в щель под воротами стволы своих пистолетов, чтобы обстрелять нас, но парочка выстрелов из Мартинова пистолета с глушителем отогнала их.

– Наконец-то, – сказал Мартин. – Они вот-вот прорвутся.

– Черт! – отозвался я. – По моим расчетам, они должны были дольше тушить пожар на парковке.

Я оглянулся назад, в пустой туннель. Я устал, меня колодила дрожь. Будь я посвежее, мне ничего не стоило бы справиться с кучкой вооруженных автоматами парней – разумеется, если бы все они находились с одной стороны от меня. Но я устал, а защитное поле зависит от концентрации. Стоит дрогнуть – и в нем образуются прорехи, а так недолго и пуль нахватать. Часть из них мог бы удержать плащ, но и его прочность небезгранична, да и головы он не прикрывает.

– План «Б», – выдохнул я. – Ладно, нам нужен план «Б». Вот бы еще тачку какую-нибудь сюда – было бы совсем здорово.

Сьюзен прыснула, я повернулся к ней и тут же вспомнил.

– У нас есть здоровенный тяжелый грузовик, – подсказала Сьюзен.

– Тогда что ж ты не занесла его в список активов? – произнес я, не слишком удачно имитируя британское произно-

шение. – Валяй!

Сьюзен с пугающей быстротой нырнула обратно в туннель.

– Мартин, – скомандовал я. – Держитесь за мной, живо!

Он повиновался, и я поднял левую руку и выстроил самый нехитрый щит. Секунд через пять или шесть створка снова приподнялась на несколько футов, и парочка самых бойких стрелков, лежащих за ней, открыли огонь по первой попавшейся мишени – по мне.

Дверь продолжала подниматься; я держал щит, и пули били в него, оставляя на невидимом барьере следы в виде разбегавшихся кругов света. По мере того как все больше охранников открывали по нам огонь, удерживать защитное поле становилось все труднее. Отрикошетившая пуля угодила одному из бедолаг в живот, и тот повалился на землю, но мне некогда было его жалеть. Я стиснул зубы и удерживал щит, а огонь все не стихал.

А потом послышался рев мотора, и Сьюзен погнала грузовик вперед, словно взбесившегося бизона, прямо на загораживавших выход охранников.

Те с воплями бросились врассыпную. Им повезло: грузовик не зацепил ни одного. Мне не потребовалось понуканий Мартина. Грузовик резко свернул, мы бросились к нему и запрыгнули в кузов, двери которого Сьюзен предусмотрительно оставила открытыми.

Один из самых бдительных охранников попробовал по-

вторить наш трюк, но Мартин опередил его, выстрелив ему в ногу. Тот с криком упал, а грузовик рванулся вперед. Сюзен вдавила педаль газа в пол, заскрежетали металл и колючая проволока ограды, в которую Сюзен направила нос грузовика, и мы вырвались в ущелье. К точке, где открывался спасительный портал, мы неслись, не разбирая дороги, и машина подпрыгивала, раскачиваясь на неровной земле.

Дальше все было просто.

Мы вернулись к месту спуска в ущелье, допили остаток эликсира и с легкостью горных козлов вскарабкались по почти отвесному склону. Усилий на это ушло ненамного больше, чем на подъем по длинному лестничному маршу.

– Гарри, – чуть задышавшись, произнесла Сюзен, когда мы оказались наверху. – Будь так добр, сожги этот грузовик.

– С превеликим удовольствием, – отозвался я и поступил с грузовиком так же, как и с машинами на стоянке.

Секунд через тридцать рванул бензобак, и Сюзен удовлетворенно кивнула:

– Что ж, отлично. Будем надеяться, это затруднит им выполнение того, что они задумали сделать.

– Что вы нашли? – спросил Мартин.

– Ритуальные принадлежности майя, – ответил я. – Не главные, вспомогательные. Реквизит. Их погрузили на грузовик для отправки следующей очереди.

Сюзен порылась в нейлоновой сумке и достала листок бумаги.

– Накладная, – сказала она. – Партия номер три нуля девятьсот тридцать восемь. Подготовлена к отправке спустя два дня после первой, с основными принадлежностями.

Мартин прищурился, обдумывая информацию:

– И если пункт назначения тот же, что у первой партии...

– Из этого можно сделать вывод, что то, что они задумали, должно произойти в радиусе двух дней переезда на грузовике, – договорил я. – Ровно столько времени ушло у вампиров на то, чтобы получить первую партию, сообразить, что часть реквизита не погрузили, и заказать доставку недостающих предметов.

Мартин кивнул:

– И что? Где они их ожидают?

Сьюзен продолжала изучать содержимое сумки.

– В Мексике, – ответила она, помахав в воздухе американским паспортом – скорее всего, фальшивым, поскольку большинство людей не держат свои паспорта в бумажном конверте вместе с бумажником, полным свеженьких, едва ли не прямо из типографии мексиканских банкнот. – Эти мантии и причиндалы должны были везти в Мексику.

Я хмыкнул и зашагал к portalу. Мартин и Сьюзен последовали за мной.

– Гарри? Мы уничтожили реквизит... Это сорвет их затею?

– Это их слегка обескуражит, – вполголоса ответил я. – Не более того. Истинная магия не нуждается в костюмах. В них

нуждаются только люди, ею занимающиеся. Поэтому мантию из попугайских перьев можно заменить чем угодно в этом роде, а при сильном желании можно проделать все и без нее.

– Они узнают, кто здесь побывал, – заметил Мартин. – Слишком много людей нас видело. Да и в помещении тоже могли стоять камеры.

– Вот и хорошо, – кивнул я. – Я и хотел, чтобы они нас узнали. Пусть убедятся, что их надежные убежища вовсе не так надежны.

Сьюзен издала негромкий рык – похоже, в знак согласия. Даже Мартин скривил губы в некоем подобии недоброй ухмылки.

– Итак, чего мы добились? Если не считать того, что кое-кто в Красной Коллегии не будет больше спать спокойно?

– Мы знаем, где они собираются проводить свой ритуал, – сказала Сьюзен.

Я кивнул:

– В Мексике.

– Что ж, – сказал Мартин. – Для начала сойдет.

Глава 18

Миссис Спанкелкриф – домовладелица, каких не бывает. Проживает она на первом этаже старой многоэтажки. Из квартиры выходит редко, почти глуха и, как правило, не сует нос в мои дела, пока я плачу за жилье, что в последнее время

я делаю достаточно исправно. День в день, если не раньше.

Небольшая армия нечеловечески сильных зомби, взявшая приступом мою квартиру, не сумела ее разбудить. Возможно, потому, что они проделали это уже после того, как она легла спать, а именно после захода солнца. Пожалуй, полицейские с фэбээровцами произвели больше шума, поскольку, когда Молли зарулила «жучка» на стоянку перед домом, я увидел, как миссис Спанкелкриф поднимается от входа в мою полуподвальную квартиру – медленно, тяжело опираясь на палку. Одета она была в подобие голубой ночной рубашки с накинута поверх шалью – ночи в октябре у нас в Чикаго уже прохладные. Взгляд ее голубых глаз настороженно шарил по сторонам.

– Ну наконец-то, – недовольно проговорила она. – Вот вы где. Я вам весь вечер названивала, Гарри.

– Извините, миссис Эс, – отозвался я. – Меня дома не было.

Не уверен, что она хорошо расслышала меня, но голова у нее работала как надо.

– Разумеется, вас не было, – парировала она. – Что это произошло с вашей новой дверью? Почему она открыта нараспашку? Случись одна из этих жутких гроз – и вас зальет, а тогда стены заплесневеют быстрее, чем вы «мама» успеете сказать.

Я развел руками и заговорил так громко, как только мог, не срываясь на крик:

– Тут имело место недоразумение с полицией.

– Нет, – возразила она, – в договоре аренды это прописано совершенно ясно. Пока вы снимаете жилье, за весь ущерб недвижимости отвечаете вы.

Я вздохнул.

– Завтра же все починю, – пообещал я.

– О, я не столько огорчена, сколько удивлена, Гарри. Вы ведь, в общем-то, славный молодой человек. – Она подслеповато покосилась на Молли, Сьюзен и Мартина. – Ну, как правило. И вы почините все быстро, потому что погода-то плохая.

Я одарил ее улыбкой – как я надеялся, полной осознания вины:

– Я починю дверь, мэ.

– Вот и хорошо, – кивнула она. – Не сомневалась. Я загляну к вам на днях, проверю.

Из темноты возник Мыш; он почти не задышался после пробежки наперегонки с «жучком». Первым же делом он подошел к миссис Спанкелкриф, сел и протянул ей правую лапу. Роста миссис Спанкелкриф такого маленького, что ей почти не пришлось наклоняться, чтобы обменяться с моим псом рукопожатием. Она улыбнулась ему и дружески потрепала по загривку.

– По тому, как человек обращается со своей собакой, можно многое сказать о нем самом, – заметила она.

Мыш подошел ко мне, блаженно вздохнул и привалился

боком к моему бедру, едва не сбив с ног.

Миссис Спанкелкриф удовлетворенно кивнула и уже повернулась, чтобы идти, но в последний момент застыла, словно припомнив что-то, а потом снова обернулась ко мне, порылась в кармане и достала из него белый конверт:

– Чуть не забыла. Это лежало у вас перед входом, Гарри.

Я с вежливым кивком взял конверт:

– Спасибо, мэм.

– Не за что. – Она поежилась и плотнее закуталась в шаль. – Куда только мир катится... вон, уже двери людям выносят.

Я покосился на Молли – та кивнула и подхватила миссис Спанкелкриф под руку.

– Да благословит тебя Бог, детка, – вздохнула моя домохозяйка. – Что-то подустала я, даже с тростью.

Молли повела ее к главному входу в дом. Мышь немедленно спустился к моей двери, внимательно повел носом и, повернувшись ко мне, плавно вильнул хвостом. Значит, никаких сюрпризов внутри меня не ожидало. Я зашел, взмахом руки и заклинанием зажег свечи и камин, после чего вскрыл конверт.

Внутри обнаружился сложенный вчетверо листок бумаги и еще один конверт, поменьше, на котором торопливым почерком Люччо было написано: «*ПРОЧТИ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ*». Я так и сделал.

Если ты получил это письмо, значит кто-то лишил меня возможности связаться с тобой. Тебе придется исходить из того, что меня вывели из игры.

Податель этого письма – Страж, которому я доверяю более всего из размещенных в Эдинбурге. Я пока не знаю, каким образом меня нейтрализуют, но ты можешь всецело доверять его рассказу, и суждения его о ситуации тоже представляются мне взвешенными.

Удачи тебе, Гарри.

А

С минуту я тупо смотрел на письмо, потом медленно, очень медленно развернул второй листок. Этот был исписан печатными буквами, такими аккуратными, что они походили более на типографский шрифт:

Превед, Дрезден.

Лючко прел, чтоб я доставил эту записку вам, если с ней что-то случится. Понятие не имею, что она вам там написала, но сообщу все, что знаю сам.

Боюсь, новости вам не понравятся. В Совете все, похоже, совсем рехнулись.

После того вашего появления на бенефисе у Кристаса произошло изрядно всяких поганных вещей. Нескольких молодых Стражей были застигнуты за обсуждением, не зарубить ли им графиню, пока она в Эдинбурге, ради продолже-

ния войны – по их рассуждениям, вампиры не запросили бы мира, если бы еще могли драться. По личному распоряжению Кристаса их арестовали и посадили под замок старшие члены Совета, среди которых нет ни одного Стража, заметьте. С целью, как было сказано, «Предотвращения Дестабилизации Дипломатического Урегулирования».

О случившемся стало известно Рамиресу. Полагаю, вы и сами можете представить себе, что в реакции этого знойного мачо страсти преобладали над разумом. Он с компанией друзей, из которых лишь один умел мыслить здраво, вломились в то крыло, где держали взаперти Стражей, – разумеется, там их всех и повязали (за исключением, само собой, умника).

Здесь у нас царит полный трюндец. Из всего Высшего Совета невозможно найти никого, кроме Кристаса, а тот из кожи вон лезет в стремлении Спасти Нас от Нас Самих путем подлизывания к графине Арианне. С командованием Корпуса Стражей вообще задница: Люччо отправилась к Кристасу с требованием освобождения своих людей и до сих пор не объявилась обратно; местонахождение сорока процентов нашего командного состава тоже неизвестно.

Она просила, чтобы я передал вам, Дрезден: ни при каких обстоятельствах не возвращайтесь в Эдинбург до конца этой заварухи. Если с вами, конечно, ничего к этому времени не случится.

Еще она просила передать, что вы Вольны Действовать

по Обстоятельствам.

Буду сообщать вам по возможности обстановку, если я сам не Исчезну.

Стид.

Р. С. – А чё, могу выделять заглавными буквами все, что захочу. Язык английский, я англичанин... мой язык, чего хочу, то и делаю, провинциальный неуч.

Я перечитал письмо еще раз, медленнее. Потом сел на приступку у камина и постарался взять себя в руки.

«Стид» – прозвище, которое я присвоил Стражу Чендлеру, служившему в охране эдинбургского центра. Мне припомнилось, что он вечно встречался мне в непосредственном окружении Анастасии – то стоящим в одиночку на посту, для которого обыкновенно требовалось с полдюжины его коллег, то заваривавшим чай для друзей и командира.

Тот разговор, когда я присвоил ему эту кличку – за пижонский наряд, шляпу-котелок и зонтик... впрочем, кто их, англичан, знает: может, зонтик у них в порядке вещей, – проходил без свидетелей, так что подпись удостоверяла личность писавшего лучше печати. Да и жаргонные словечки тоже были ему свойственны. К тому же я хорошо знал почерк Анастасии – а в довершение всего от листка исходил легкий, но все же уловимый аромат ее любимых духов.

В общем, с учетом обстоятельств письмо представлялось весьма и весьма достоверным.

Из чего следовало, что мы оказались в глубокой заднице.

Своей грозной репутацией Белый Совет был обязан не только способности нанести удар по врагу, но и своей экономической мощи. Впрочем, наверное, не требуется гениальных способностей для того, чтобы разбогатеть за несколько сотен лет деловой активности. У Белого Совета имелась целая бригада воинов-экономистов, непрерывно изыскивавших способы защитить вложения Совета от враждебных интересов конкурирующих рас-долгожителей вроде вампиров. Такие деньги сами по себе способны купить влияние, и немалое. И конечно, Совет мог здорово попортить жизнь тем, кто вызовет его неодобрение. Для этого в его распоряжении имелся миллион способов – даже не считая прямого использования магии. В Совет входили люди, умевшие вести жесткую игру с самыми изощренными умами.

В целом Совет представлялся таким колоссом – учреждением, крепким, как огромное древнее дерево, полное жизненных сил, с уходящими глубоко в землю корнями, способное противостоять любому урагану.

Однако вся его сила, все деньги и влияние покоились на одном основании – на единстве всех членов Совета. Или, по крайней мере, таким он должен был представляться всему остальному миру. И, как правило, именно так дело и обстояло. В мирное время мы могли собачиться друг с другом или обманывать друг друга, но стоило на горизонте показаться врагу, и мы смыкали ряды. Черт, да это относится даже ко

мне – хотя большинству членов Совета я представляюсь таким подобием Дарта Вейдера. Однако, подозреваю, в конечном счете многим из них втайне импонирует мысль, что Вейдер на их стороне. Меня недолюбливают, но мне и не требуется их особое расположение для того, чтобы биться бок о бок с ними. Когда дело пахнет керосином, Совет действует заодно.

Вот только сейчас все было по-другому.

Я смотрел на сложенный листок бумаги, и мне вдруг начало казаться, будто я наблюдаю падение огромного дерева. Поначалу медленное – особенно в сравнении с исполинскими размерами, – и все же падение, грозящее похоронить все, что находится под его кроной.

Я здорово устал; возможно, поэтому такой ход мыслей не вызвал у меня никакой особенной реакции. У меня имелась уйма причин бояться до чертиков. Но почему-то этого не происходило.

Сьюзен подошла и остановилась рядом:

– Гарри? Что там?

Я смотрел в огонь.

– Белый Совет не может помочь нам найти Мэгги, – тихо произнес я. – У них самих творится черт-те что. От них сейчас никакого толка.

После всех мучений, которым они несправедливо подвергали меня, после всех случаев, когда я рисковал ради них своей шкурой, теперь, когда мне по-настоящему требовалась

их помощь, я не мог ее получить.

Я тупо смотрел, как мои руки сами собой комкают письма и конверты. Я бросил бумаги в огонь и хмуро наблюдал, как они горят. Я даже не обращал внимания на то, что пламя в камине разгорелось втрое сильнее обыкновенного, до тех пор, пока яркий свет не заставил меня прищуриться. Стоило мне чуть отвернуться от камина, и это подействовало как газовый кран: огонь тут же убавился до обычной интенсивности.

«Следи за собой, болван, – упрекнул я себя. – Держи себя в руках. Ты все равно что заряженный пистолет».

Никто не проронил ни слова. Мартин угнезвился на одном из моих диванов и принялся чистить пистолет, раскладывая детали на журнальном столике. Молли стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле.

Сьюзен села рядом со мной, едва не касаясь меня локтем, и сцепила руки на коленях.

– Что нам теперь остается?

– Отдельные личности, – тихо ответил я.

– Не поняла, – призналась Сьюзен.

– Взятые в целом, люди, как правило, отстой, – пояснил я. – Но это не относится к отдельным экземплярам. Я обращался к Совету. Рассказал им, что делает Арианна. Я искал у этих людей помощи. Ты видела, что из этого вышло. Так что... Теперь я поговорю с отдельными людьми.

– С кем? – тихо спросила она.

– С теми, кто может помочь.

Я ощутил на себе пристальный взгляд ее темных глаз.

– Некоторые из них, полагаю, не слишком симпатичны?

– Ну, далеко не все.

Она сглотнула:

– Не хочу, чтобы ты ставил себя под удар. Ведь не по твоей вине все это вышло. Если кто-то и должен расплачиваться, пусть это буду я.

– Не факт, – возразил я.

– Он прав, – согласился со мной Мартин. – Например, ты дорого заплатила за то, что ему не удалось отговорить тебя отправиться в гости к Красной Коллегии.

– Решение принимала я сама, – упрямо проговорила Сюэ-зен.

– Но не слишком осознанно, – тихо сказал я. – Ты приняла решение, которое не стоило принимать, потому что не обладала всей необходимой для этого информацией. Мне следовало дать тебе всю информацию, но я не сделал этого. Да и вообще, вся та ситуация – не твоих рук дело.

Она устало тряхнула головой:

– Думаю, сейчас нет смысла спорить о том, кто больше виноват.

Мартин начал прочищать ствол пистолета маленьким шомполом.

– Продолжай выполнять задание, – произнес он тоном человека, повторяющего мантру.

Сьюзен кивнула:

– Продолжаем выполнять задание. С чего начнем, Гарри?

– Не «начнем», – поправил я ее. – Я начну. Я спущусь пока в лабораторию, а вы вчетвером посторожите. Только постарайтесь предупредить меня, когда начнутся неприятности.

– Неприятности? Начнутся? – переспросила Сьюзен.

– День сегодня такой.

Молли обеспокоенно оторвалась от своей стряпни:

– Что вы задумали, босс?

Внутри меня все съежилось, как от ожога, но у меня хватило-таки сил подмигнуть Молли:

– Собираюсь сделать несколько междугородных звонков.

Глава 19

Я спустился в лабораторию и принялся чистить свой магический круг. Я слегка замусорил его, собирая второпях все, что могло бы показаться подозрительным. ФБР, а может, Рудольф добавили беспорядка. Я отодвинул все подальше от круга и тщательно подмел его веником. Когда для ритуальной магии требуется круг, его целостность приобретает едва ли не решающее значение. Любой предмет, попавший в круг или нарушивший его периметр, мгновенно уничтожает его энергетику. Пыль и другие подобные мелкие частицы круга не обрушивают, но понижают его эффективность.

Покончив с подметанием, я взял салфетку и бутылку мо-

ющей жидкости и протер круг так, словно собирался делать в нем хирургическую операцию. На это у меня ушло минут двадцать.

Разделавшись с уборкой, я взял с полки старую коробку из-под сигар, в которой у меня хранится речная галька. Собственно, почти все камушки лежат там для маскировки. Я порылся в них и нашел гладкий кусок огнеупорного обсидиана.

Потом вернулся к кругу и сел в него, скрестив ноги перед собой. Коснувшись периметра пальцем, я послал в него заряд воли, и вокруг меня невидимым занавесом выстроился барьер. Он помог бы сконцентрировать магию, с которой я собирался работать.

Я положил черный камень на пол перед собой, сделал глубокий вдох и, распрямив спину, принялся сосредотачиваться. Продолжая дышать глубоко и размеренно, я сложил в уме заклинание. Работа была тонкая, и всего несколько лет назад, когда я только начинал обучать Молли премудростям своего ремесла, я бы побоялся взяться за такую. Да и теперь она давалась мне не слишком легко.

Настроив сознание должным образом, я сделал еще один глубокий вдох.

– *Voce, vосо, vocius*, – прошептал я и, выждав мгновение, повторил заклинание еще раз: – *Voce, vосо, vocius*.

Так продолжалось пару минут, а я все старался изобразить говорящего по телефону древнего римлянина. Я уже на-

чал сомневаться, что этот чертов камень вообще заработает, но тут лаборатория вокруг меня исчезла, сменившись непроглядной чернотой. На ее фоне сделалось видимым энергетическое поле моего круга: бледно-голубой мерцающий цилиндр, начинавшийся от пола и уходивший вверх, словно в бесконечное пространство. Правда, его мерцание никак не освещало окружения, словно свету просто не от чего было отражаться.

– Э... – произнес я, и голос мой вернулся ко мне причудливым эхом. – Алё?

– Не гони лошадей, – ворчливо отозвался далекий голос. – Иду.

Мгновение спустя блеснула вспышка, и прямо передо мной возник второй цилиндр, такой же, как у меня. В нем сидел, скрестив ноги, Эбинизер, перед которым лежал черный камень, двойник моего. Выглядел он усталым – волосы всклокочены, глаза ввалились. Из одежды – только пижамные штаны, и я даже удивился, как Эбинизеру в его-то возрасте удалось сохранить отменную мускулатуру. Но, конечно, большую часть последних десятилетий он провел, работая у себя на ферме. Такие вещи положительно сказываются на мышцах.

– Хосс, – произнес он вместо приветствия. – Ты где?

– Дома.

– Что там?

– Обереги отключены. Я не один, но не хочу задерживать-

ся здесь надолго. В дело вовлечены полиция и ФБР, и за последние два дня Красные уже дважды пытались меня убрать. А вы где?

– А давай я лучше не буду тебе говорить, – хмыкнул Эбанизер. – Мерлин готовит контрудар, и мы пытаемся выяснить, как много они об этом знают.

– Под этим «мы», я так понимаю, имеется в виду Серый Совет?

Серым Советом мы называли нашу маленькую нелегальную организацию, действовавшую внутри Белого Совета. В нее входили люди, которые видели молнии и слышали гром, а следовательно, отдавали себе отчет, что чародеям по всему миру грозила все большая опасность оказаться уничтоженными или поработоченными нашими противниками вроде вампиров Красной Коллегии или Черного Совета.

Черный Совет – организация в значительной мере гипотетическая. Ряды ее состоят из некоторого количества загадочных типов в черных мантиях с капюшонами на манер толкиновских кольценосцев. Они обожают призывать в нашу реальность разных смертельно опасных демонов и вообще водить шашни со всеми сверхъестественными расами, до которых им удастся дотянуться. Цели их не всегда ясны, но нашему Совету они чинят помехи уже довольно давно. Мне доводилось встречаться с отдельными их представителями, однако твердых доказательств существования этой организации нет ни у меня, ни у кого-либо еще.

Слухи об их существовании встречались большинством членов Белого Совета насмешками и обвинениями в паранойе. Так обстояли дела вплоть до прошлого года, когда агент Черного Совета убил больше шести десятков чародеев, а прежде сумел внедриться в той или иной степени в мозги почти девяноста пяти процентов тех, кто работал в эдинбургской штаб-квартире. Воздействия не избежали даже члены Совета Старейшин.

Предателя вычислили и нейтрализовали, но дорогой ценой. После этого Белый Совет смирился-таки с мыслью о том, что в мире действует безликая, безымянная организация и что некоторое количество ее представителей, возможно, входит в Белый Совет, действуя конспиративно.

Паранойя и недоверие. Они все сильнее овладевали умами Белого Совета, в то время как его предводитель, Мерлин, так и отказывался признавать существование Черного Совета – возможно, из опасения, что его соратники начнут переходить на сторону врага из страха или амбиций. Однако этот его выбор оказал на чародеев, и без того запуганных, измотанных войной, прямо противоположное воздействие. Вместо того чтобы пролить свет на сложившуюся ситуацию, Мерлин добился только того, что его братья-чародеи сделались еще уязвимее для страха.

Это и привело к созданию Серого Совета, состоявшего из меня, Эбинизера и некоторого количества других, организованных в мелкие ячейки, – так любому другому Совету, Чер-

ному или Белому, было бы сложнее узнать о нашем существовании и уничтожить одним ударом. В общем, мы старались сохранить здравый рассудок в безумное время. Все это могло обойтись нам очень и очень дорого, но, полагаю, всегда найдутся люди, физически неспособные стоять и смотреть, как творится зло. Они просто обязаны что-то с этим поделать.

– Угу, – подтвердил Эбинизер. – Я имел в виду именно это.

– Мне нужна помощь Серого Совета, – произнес я.

– Хосс... мы тут все сидим под дамокловым мечом, и он вот-вот упадет. То, что творится сейчас в Эдинбурге, может означать конец организованного, контролируемого чародейства. Конец законов магии. Это может ввергнуть нас в хаос древних эпох, навлечь на человечество новую волну чернокнижников, порожденных ими монстров и самозванных полубогов.

– В силу ряда причин, сэр, мне всегда спокойнее, когда я сижу под этим мечом. Привычка, должно быть.

– Хосс... – нахмурился Эбинизер.

– Мне нужна информация, – настойчиво продолжал я. – Есть одна девочка. Кому-то должно быть хоть что-то известно о ее местонахождении. И я знаю, что Совет мог бы раскопать что-нибудь. Белый Совет захлопнул дверь у меня перед носом. – Я упрямо задрал подбородок. – А как насчет Серого?

Эбинизер вздохнул, и его усталое лицо показалось мне еще более усталым.

– То, что ты сейчас делаешь, правильно и справедливо. Но неумно. И это урок, которого ты еще не усвоил.

– Какой еще урок?

– Случается, Хосс, – очень мягко произнес он, – что ты проигрываешь. Иногда тьма забирает всех. Иногда монстр уходит из твоей западни, чтобы наутро снова убивать. – Он покачал головой и опустил взгляд. – И ты, черт возьми, ничего не можешь сделать, чтобы помешать этому.

– Значит, – взорвался я, – вы хотите сказать, что я должен оставить ее умирать?

– Я хочу, чтобы ты спас миллионы, а то и миллиарды девочек, – произнес он, и в его голосе зазвучало вскипающее раздражение. – И не обрекал их всех на смерть ради спасения одной-единственной.

– Я не брошу ее, – сквозь зубы проговорил я. – Она...

Эбинизер сделал движение правой рукой, и мои голосовые связки перестали действовать. Губы мои шевелились, я мог вдохнуть и выдохнуть – но говорить не мог.

Глаза его вспыхнули гневом, что случилось при мне очень и очень нечасто.

– Черт подери, парень, будь умнее! Ты что, не видишь, что творится? Ты же даришь Арианне именно то, чего она хочет. Ты пляшешь, как марионетка, на ее ниточках. Реагируешь именно так, как выгодно ей, – это же тебя угробит!

После короткой паузы он продолжал чуть спокойнее, но все еще ворчливо:

– Я давным-давно говорил тебе, что жизнь настоящего чародея – это жертва. Я говорил, что тебе, возможно, придется поступать так, как диктует совесть, пусть даже весь остальной мир и утверждает обратное. Или что тебе придется иногда совершать страшные, но необходимые поступки. Помнишь?

Я помнил. Прекрасно помнил. Мне даже припомнился запах дыма от костра, у которого мы сидели.

Я кивнул.

– Вот тут ты и узнаешь себе цену, – сказал он ровным, чуть хрипловатым голосом. – Работы у нас непочатый край, а времени в обрез, так что у меня нет возможности тратить его на споры с тобой о том, что тебе полагалось бы уже понимать. – Он на мгновение закрыл глаза и сделал глубокий вдох, словно беря себя в руки. – Встретимся в Торонто, в обычном месте, через двенадцать часов. – Последние слова он произнес беспрекословно-командным тоном, который я за всю свою жизнь слышал от него всего несколько раз. Он явно ожидал, что я повинуюсь.

Я отвернулся от него. Краем глаза я увидел, как он снова нахмурился, опустил руку и взял свой камень, – и я снова оказался сидящим на полу в своей лаборатории.

Я устало подобрал свой камень и сунул его в карман. Потом просто откинулся навзничь на полу, взломав при этом

круг, и некоторое время лежал, глядя в потолок. Повернув голову влево, я высмотрел на полке толстую зеленую папку – в ней я хранил информацию о существах, которых мог призывать из Небывальщины.

Нет.

Я отвернулся от папки. Призывая всяких тварей ради информации, ты должен им платить. Цена разная, но в любом случае неприятная.

При одной мысли об этом мне сделалось не по себе.

Именно такого момента и дожидались все эти твари. Когда положение мое окажется столь отчаянным, что мне придется согласиться ради спасения ребенка почти на все. Ради нее я мог бы пойти на сделку, которую в другом случае даже не рассматривал бы.

Я мог бы даже обратиться к...

Я не позволил себе даже мысленно произнести имя Королевы Воздуха и Тьмы – я боялся, что она каким-нибудь образом услышит это и предпримет какие-либо действия. Она уже несколько лет искушала меня – неназойливо, терпеливо. Порой я задавался вопросом, почему она не прилагает больше усилий, чтобы убедить меня. Она наверняка смогла бы это сделать, будь у нее желание.

Теперь я наконец понял. Она с самого начала знала, что рано или поздно настанет день, когда обстоятельства заставят меня позабыть осторожность. У нее просто не было необходимости плясать вокруг меня, обольщая своими

предложениями. Зачем, если она могла просто-напросто подождать? Холодный расчет – очень в ее духе.

Впрочем, имелись и другие создания, к которым я мог обратиться, – в голубой папке, что лежала поверх зеленой. Создания, уступающие Мэб по возможностям и знаниям, но и цену они запрашивали в разы меньшую. Я не слишком рассчитывал, что мне удастся добиться от них чего-либо конкретного, но как знать...

Я взял с полки голубую папку, вернулся к кругу и принялся призывать разных знакомых существ, чтобы порасспрашивать их немного.

Спустя три часа, наполненных заклинаниями и прочей магической дребеденью, я так и оставался ни с чем. Я переговорил с духами природы, явившимися в обличье трио визгливых сов, с духами-посыльными, служившими курьерами между различными регионами Небывальщины. Никто ничего не знал. Я вытащил парочку отличавшихся особым любопытством духов, проживавших в нашем мире неподалеку от Чикаго, призвал подданных Тилвит-Тега, с королевой которых поддерживал приятельские отношения. Я спрашивал у духов воды, не слышали ли они чего о Мэгги, и шурился, всматриваясь в мерцание частиц разумного огня.

Один из огненных духов продемонстрировал мне картину, длившуюся не дольше трех или четырех секунд: лицо девочки с фотографии, что показывала Сьюзен, бледной, в потрепанной одежде, дрожащей от страха или холода, протяги-

вавшей руки к невидимому мне огню. В профиль она сильно напоминала мать: те же большие темные глаза, правильный нос. Подбородок она, пожалуй, унаследовала мой, и это придавало ее личику силы или упрямства. И кожа у нее по части смуглости заметно уступала Сьюзен – больше в отца, чем в мать.

Но тут картина исчезла.

Это все, что мне удалось получить.

Через три часа тяжелой работы я плюхнулся на стул; не помню, когда я в последний раз выматывался так сильно. Я не узнал ничего, что могло бы подсказать мне местонахождение Мэгги или то, что ее ожидало. Если не считать картины, подтверждавшей, что она еще жива, я не добился вообще ничего.

Впрочем, и это лучше, чем полное незнание. Она все еще дышит.

Держись, детка. Папа спешит на помощь.

Я посидел еще минуту-другую, собираясь с силами. Потом взял бумагу, карандаш и написал:

Ива!

Нужна твоя помощь.

Я ищу маленькую девочку, попавшую в руки к нехорошим людям.

Свяжись со мной, пожалуйста.

Гарри Дрез...

Прежде чем я успел дописать фамилию, зазвонил теле-

фон.

Я только что установил контакт с Архивом – магическим собранием всех записей человечества за всю историю его существования. Все они хранились в голове девочки-подростка. Я не шучу: вся сумма людских знаний находилась в руках ребенка, которому предстояло осенью пойти в девятый класс.

Знание – сила, и пару лет назад Архив достаточно наглядно это продемонстрировала. Ребенок ненамного старше Мэгги вступил в магическую схватку с созданиями, обладавшими многовековым опытом, и большую их часть одолел. Силой она обладала немереной, но, хотя держалась она, как правило, с серьезностью сорокалетней дамы, мне удалось несколько раз заметить в ее поведении черты обыкновенного ребенка. Возможно, именно это помогало ей нести бремя Архива. Я представлял себе, что произойдет, если этот ребенок решит использовать знания хранимого ею Архива. Скорее всего, это напоминало бы те эпизоды из «Сумеречной зоны» с ребенком-чудищем, обладающим сверхсилой.

Телефон зазвонил снова. Я вздрогнул и снял трубку. Мы протянули в лабораторию длинный провод, и древний телефон с дисковым набором стоял рядом со столом Молли – это место мы выбрали по причине царившего здесь относительного порядка.

– Алло?

– Говорит Кинкейд, – произнес баритон в трубке.

Кинкейд работал у Ивы шофером, телохранителем, поваром и любимым плюшевым мишкой. А еще он был самым смертельно опасным стрелком из всех, с какими я имел ужас пересекаться по жизни... и одним из сравнительно немногих людей, к которым я питал одновременно и доверие, и неприязнь. Как-то раз он описал мне метод, каким убьет меня, если это потребуется, и, должен признаться, шансы добиться результата представлялись мне почти стопроцентными. Его отличали выносливость, ум и боевой опыт, а также своеобразный кодекс чести наемника: тот, кто оплачивал его услуги, становился для него чуть ли не важнее самого себя, и еще не было случая, чтобы он отказался от уже заключенного контракта.

– Это Дрезден, – отозвался я. – Линию, возможно, прослушивают.

– Знаю, – буркнул Кинкейд. – Чего вам надо?

– Мне нужно отыскать ребенка. Несколько дней назад ее похитила Красная Коллегия. Мы полагаем, она находится где-то в Мексике.

– Где-то в Мексике? – переспросил Кинкейд, и я почти воочию представил себе его ухмылку. – Вы не пытались еще погулять там, покричать, позвать ее по имени?

– Я собираюсь туда, – сказал я. – Послушайте, известно ей что-нибудь или нет?

Кинкейд прикрыл чем-то микрофон – возможно, рукой. Я услышал, как он вполголоса задает вопрос. Возможно, мне

даже не померещилось ответное сопрано.

Кинкейд вернулся к телефону:

– Ива говорит, что не может вмешаться. Что дело, о котором вы говорите, слишком опасно. Она не осмеливается нарушить равновесие, опасаясь изменить результат.

– Черт подери, Кинкейд! – рычащим тоном проговорил я. – В конце концов, она мне кое-чем обязана. Напомните ей, кто спас ее от этих гребаных психов-динарианцев.

Голос Кинкейда сделался тише, трезвее:

– Поверьте мне, Дрезден, она помнит. Но она не вольна делиться своими знаниями, как вы или я. Если она говорит, что не может сказать, она имеет в виду именно это, в самом буквальном смысле. Она физически не в состоянии позволить этой информации высвободиться из ее головы.

Я врезал по стене кулаком и устало привалился к ней, закрыв глаза.

– Скажите ей, что мне позарез нужна эта информация, – попросил я. – Что, если она мне не поможет, я раздобуду ее по другим каналам. Тем, что записаны у меня в зеленом блокноте.

Кинкейд снова переговорил с кем-то. На сей раз я ясно расслышал отвечавший ему голос Ивы.

– Она не может сказать вам, где находится девочка, – сказал Кинкейд. В голосе его звучали стальные нотки: он предостерегал меня от попыток давить на Иву. – Но говорит, что может назвать вам того, кто мог бы.

– Любая помощь принимается с благодарностью, – выдохнул я.

– Она просит передать вам, что, прежде чем вы попытаете счастья с зеленой книгой, вы можете обдумать еще одну возможность. Полезная информация может находиться у человека, которого вам меньше всего хотелось бы видеть.

Я сразу сообразил, кого она имела в виду, и застонал.

– Черт! – пробормотал я. – Черт, черт!

Я набрал еще один номер. Секретарша осведомилась у меня, кому адресован вызов.

– Это Гарри Дрезден, – негромко представился я. – Будьте добры, соедините меня с закрытой линией мистера Марконе.

Глава 20

– Не нравится мне это, – насупилась Молли. – Вы уверены, что не хотите, чтобы я сопровождала вас туда? Он ведь там не один.

– Определенно не хочу, – подтвердил я. – Мне не нужно, чтобы ты засвечивалась на его радарх.

– Пусть только попробует чего-нибудь сотворить. – Молли, стиснув кулак, стукнула им по баранке «Голубого жучка». – Заживо съем, и костей не останется.

– Нет, Молли, – возразил я по возможности тверже. – Даже не думай. Хоть Марконе и стопроцентно смертен, но от

этого не менее опасен. У большинства людей есть какие-то рамки. У него их нет.

– Если он такой опасный, почему вы тогда с ним вообще говорите?

– Потому что у него тоже имеются правила, – ответил я. – К тому же у нас с ним здесь всего лишь короткая встреча. Ты лучше последи, не вмешается ли кто посторонний. А с Марконе я разберусь сам. Идет?

– Идет, – кивнула Молли, напряженно оглядываясь по сторонам. Потом поднесла к губам жестянку энергетического напитка размером с хороший молочный пакет и сделала большой глоток, который мог бы послужить прекрасной рекламой в стиле «Не верь глазам своим – верь жажде своей». – Идет.

Я выбрался из «Голубого жучка» и отправился на встречу с джентльменом Джонни Марконе, признанным королем преступного мира Чикаго.

«Бургер-кинг» только-только открылся для посетителей, но зал уже успел наполовину заполниться. Я игнорировал Марконе до тех пор, пока не добрался до кассы. Только получив свои омлет с сосиской и чашку кофе, я направился в дальний угол, где сидел Марконе и стояла его свита.

Само собой, там не обошлось без Хендрикса в костюме размера XXL, с коротко стриженной рыжей шевелюрой. Должно быть, он начал-таки стареть, потому что со времени нашей последней встречи набрал еще несколько фунтов.

Сделайся он еще чуть побольше – и ему пришлось бы получать специальное разрешение на проход по мостам. Чуть поодаль стояла мисс Гард, контролируя те зоны помещения, которые не мог видеть Хендрикс. Как всегда, она представляла собой белокурую, атлетически сложенную амазонку, и наряд ее лишь подчеркивал соблазнительные выпуклости фигуры.

Марконе и за столиком забегаловки сидел, как за директорским столом. Его шелковый костюм стоил, возможно, дороже моей машины; он сидел, облокотившись на стол и сложив пальцы домиком. Он производил впечатление мужчины в самом расцвете сил, безукоризненного во всем, начиная с прически и кончая лакированными туфлями. Он молча смотрел, как я подхожу к столику и ставлю на него свой пластиковый поднос. Я высыпал в кофе четыре из пяти пакетиков сахара и размешал его пластмассовой палочкой.

– А вы есть не будете?

Он взглянул на часы, потом на меня. Глаза у него были цвета потертых долларовых купюр, только менее выразительные. Взгляд их изрядно нервировал, и он без малейших колебаний посмотрел на меня в упор. Мы с ним уже заглядывали в душу друг другу; собственно, именно благодаря этому я знал, насколько опасным может стать человек, сидевший передо мной, и именно поэтому старался обращаться с ним как с франтом и фанфароном. Нельзя вызывать страх перед хищником – это лишь раззадоривает его аппетит.

Я откусил кусок омлета – бледного напоминания о том,

как хорош бывает настоящий домашний омлет с сосиской. Тем не менее ради публики я, жуя, изобразил на лице высшую степень удовлетворения.

– Точно уверены? – поинтересовался я, отхлебнув кофе. – Зря, много теряете. Райское наслаждение.

– Дрезден, – произнес Марконе. – Это слишком назойливо. Даже для вас.

– Угу, – с улыбкой согласился я и откусил кусок сосиски. Хендрикс негромко зарычал.

Я перестал жевать и повернулся к нему:

– Вы действительно в этом уверены, а, здоровяк?

– Хендрикс, – произнес Марконе.

Хендрикс подчинился.

Я кивнул.

– У вас имеется нужная мне информация, – заявил я.

– Несомненно, – согласился Марконе. – Какая информация вам нужна и что вы готовы за нее предложить?

– Я здесь не для того, чтобы меняться с вами бейсбольными фотками, Марконе, – заметил я.

– А я не благотворительная организация, Дрезден, – парировал он. – Насколько я понимаю, это имеет отношение к взрыву здания, в котором находился ваш офис. – Он чуть склонил голову в знак сочувствия.

– Верно, – кивнул я. – Вы прямо сокрушаетесь из-за разрушений.

– Я не отдавал приказа делать это. Я не получил от это-

го никакой выгоды. Ни политической, ни финансовой. И вы остались живы. Сплошной облом.

Хендрикс снова издал рычащий звук, – впрочем, возможно, у горилл это означает смех.

– Возможно, это имеет какое-то отношение к зданию. Много ли вам известно о его владельцах?

Улыбка Марконе сделалась холоднее арктического ледника.

– Только то, что они входят в организацию, служители которой предпринимали попытку вторгнуться в мой бизнес.

Я поднял бровь:

– Кто-то пытался вломиться на вашу территорию?

– Один раз, – ответил Марконе. – Недолго. И безуспешно.

– Значит, возможно, у нас с вами одна и та же проблема.

Марконе посмотрел на меня как на особо тупого школьника:

– Да. Поэтому мы и встретились.

Я хмыкнул и доел омлет.

– Красная Коллегия зашевелилась. Однако с основными вопросами пусть разбирается Совет. Меня интересует судьба восьмилетней девочки. Красные похитили ее из дому. Я полагаю, ее держат где-то в Мексике. Мне надо знать где.

Марконе несколько секунд изучал меня пристальным взглядом, затем произнес:

– Где-то. В Мексике. А точнее нельзя?

– Это все, что мне известно, – признался я.

– С какой целью ее привезли туда?

– А это имеет значение?

– Если ее захватили с целью использования в качестве сексуального объекта, ее держат в месте, отличном от того, в котором держали бы, если бы намеревались использовать ее в качестве рабыни на плантациях или донора для трансплантации органов.

Я заскрежетал зубами и на пару секунд отвернулся, очень живо представив себе то, о чем он говорил.

Марконе сощурился:

– Кем она вам приходится, Дрезден?

– Дочь моего клиента, – ответил я, стараясь говорить как можно спокойнее. – Думаю, ее собираются принести в жертву в каком-то магическом ритуале.

– Что ж, это значительно сужает круг поисков, – заметил Марконе. – Насколько я понимаю, ритуал, о котором вы говорите, может происходить только в определенных точках с повышенной энергетикой. – Он покосился на мисс Гард; та кивнула и, выйдя из ресторана, направилась к своей машине. – Подозреваю, Дрезден, что мне даже удастся сузить для вас круг поисков еще сильнее. Давайте поговорим о цене.

– Я намерен использовать полученную информацию для того, чтобы причинить как можно больше вреда тем, кто пытается отобрать у вас вашу территорию, Марконе, – сказал я. – Мне кажется, плата более чем адекватна.

– А если я не соглашусь? – поинтересовался Марконе.

– Тогда мы с вами порываем раз и навсегда, прямо здесь; и после того как я спущу ваших псов с крыши Сирс-тауэра, я буду мучить вас до тех пор, пока вы все равно не выдадите мне эту информацию.

На лице его вновь заиграла холодная улыбка.

– Вы полагаете, так все и будет?

Я пожал плечами, стараясь сохранять невозмутимое выражение лица.

– Мне кажется, существует только один способ выяснить это. – Я подался чуть вперед и понизил голос до заговорщицкого шепота: – Однако – просто между нами – не думаю, чтобы место вам благоприятствовало.

Некоторое время он смотрел на меня поверх сцепленных пальцев.

– Определенно не благоприятствует, – согласился он наконец. – По крайней мере, в той степени, как мне хотелось бы. – Он опустил руки на стол и откинулся на спинку стула. – Я не вижу смысла конфликтовать с вами по этому поводу. И я еще ни разу не пожалел, когда позволял вам избавить меня от врага.

– Я делал это не из любезности к вам.

Он пожал плечами:

– Ваши мотивации несущественны. Важны результаты.

– Вы только не забываете, что включены в мой список, Марконе. Как только я избавлю город от остального зла, вы отправитесь вслед.

Марконе посмотрел на меня из-под полуприкрытых век:

– Хи.

– По-вашему, это смешно?

– Видите ли, Дрезден, меня мало беспокоят покойники.

Я ошетинился:

– Это угроза?

– Вряд ли. Рано или поздно – скорее рано – вы дождетесь того, что вас убьют в связи с тем набором иррациональных побуждений, который вы называете своей совестью. Полагаю, это произойдет задолго до того, как мое имя возглавит ваш список. Мне и пальцем шевельнуть не потребуется. – Он пожал плечами. – Кстати, передача вам информации представляется мне отличным способом ускорить этот процесс. И разумеется, нанести ущерб ресурсам моих врагов. – Он помолчал, размышляя. – И еще... полагаю, у меня нет никаких возражений против того, чтобы поучаствовать в наказании любой организации, обращающейся с детьми подобным образом.

Я испепелил его взглядом. Отчасти потому, что он, возможно, говорил дело, а отчасти потому, что он в очередной раз продемонстрировал проблеск человечности, не позволяя мне причислять его к другим носителям зла, рыскающим в этом мире. По причинам личного характера Марконе прилагал изрядные усилия, помогая детям. Любой взрослый житель Чикаго мог стать дичью, мишенью его бизнеса. Но не ребенок. Поговаривали, что немногие служащие его импе-

рии, переступившие эту черту, исчезли его стараниями.

Вернулась Гард и, нахмурившись, стала пробираться к нашему столику.

Марконе покосился на нее:

– Ну?

Гард ответила не сразу.

– Он не хочет обсуждать это по телефону. Он говорит, что вы, разумеется, в любом случае расплатитесь с ним за ответы на вопросы. Он согласен говорить только с Дрезденом. Лично.

Марконе приподнял бровь:

– Любопытно.

– Мне тоже так кажется, – согласилась Гард.

– Гм, – произнес я. – Кто хочет со мной поговорить?

– Мой... работодатель, – ответила Гард. – Донар Ваддерунг, генеральный директор «Монок секьюритис».

Глава 21

Мы с Гард отправились в Осло.

Это звучит так, словно путешествие заняло много времени, однако, поверьте, все произошло очень быстро. Все вообще происходит быстрее в случае, когда вам не нужно беспокоиться о регистрации, таможенном и паспортном контроле и вообще преодолении реальных земных расстояний.

Гард отворила портал в Небывальщину по соседству с зоо-

парком, вспоров ткань реальности кинжалом с выгравированными рунами. Тропа провела нас по темному, полному мертвых деревьев лесу к местности, которую она назвала Исландией. Так это или нет, но холод там и впрямь царил изрядный. Вторая Тропа пролегла по льду замерзшего озера и заканчивалась, упираясь в корни исполинского дерева, в стволе которого без труда уместилась бы вся моя квартира и еще осталось бы место для гаража.

Оттуда мы вышли в некое пространство, более всего напоминавшее промозглый, сырой подвал, где я оказался лицом к лицу с парой десятков людей в бронежилетах, с автоматическим оружием в руках, направленным на меня.

Я не предпринимал решительно ничего. Очень старательно не предпринимал.

Один из мужчин произнес что-то на незнакомом мне языке. Гард ответила, насколько я понял, на том же языке и махнула рукой в мою сторону.

Старший группы еще пару секунд подозрительно всматривался в нас, потом вполголоса скомандовал что-то, и нацеленные на меня автоматные стволы опустились. Двое часовых вернулись на свои места у дверей. Двое других встали перед нами с Гард лицом к порталу – явно на случай, если тем же путем, что использовали мы, надумает пожаловать кто-нибудь еще. Остальные расселись за парой столов с игральными картами; кто-то завалился спать на койки.

– Эйхерии, – пробормотала Гард, недовольно потрянув

головой. — Дай им хоть небольшой глоток возрожденной смертности, — и четыре тысячи лет обучения псу под хвост.

— Я узнал некоторых, — заметил я, мотнув головой в сторону тройки картежников. — Вон те трое. Они были в рядах тех наемников, которых Марконе привел на вечеринку в Провале Рейтов.

Гард покосилась на них и закатила глаза:

— Допустим. И что?

— И их услуги доступны другим нанимателям?

— Тем, кто в состоянии такое позволить, — улыбнулась, блеснув зубами, Гард. — Хотя должна вас предупредить, Дрезден, шкала оплаты у них гибкая. Нам сюда.

Следуя за ней, я миновал коридор и несколько помещений, заполненных достаточным количеством оружия, чтобы победить в локальной войне средней интенсивности в любой из выбранных вами эпох. Пирамиды деревянных копий соседствовали с древними маузерами, а те, в свою очередь, — с современными автоматами. Восточные мечи-катаны хранились в одном помещении с кремневыми ружьями и пулеметами Максима. Один стеллаж привлек мое внимание экзотическим набором ручных гранат — от начиненных дымным порохом бомб с торчавшими из запального отверстия фитилями до современных светозумовых зарядов. В общем, по разнообразию содержимого эти помещения напоминали скорее музей, однако количество оружия не оставляло сомнений, что мы идем по арсеналу.

Потом мы поднимались в лифте с решетчатыми стенками, сквозь которые я мог разглядеть этажи. Насчитав семь уровней с почти одинаковыми оружейными складами, я бросил это занятие.

– Похоже, ваш босс предпочитает быть готовым ко всему, – заметил я.

Гард улыбнулась:

– Да, это его конек. Один из.

– Вам не кажется, что с этим у него небольшой перебор?

Она внимательно посмотрела на меня, подняв бровь.

– Готовятся, как правило, к тому, чего могут ожидать, – сказала она.

Обдумав эту реплику, я решил, что при всей своей недосказанности сие означает скорее ожидание чего-то плохого, причем во всех возможных разновидностях.

Лифт тем временем продолжал подниматься. Оружейные склады сменились другими этажами. Один показался мне огромным тренажерным залом, заполненным мужчинами и женщинами, занимающимися спортом до пота. Другой производил впечатление дорогой юридической конторы. Еще один, выкрашенный в стерильно-белый цвет, даже пах антисептиком. На четвертом горели свечи и хор невидимых голосов тянул псалом. Пятый представлял собой огромную химическую лабораторию. Очередной этаж сплошь заполняли клетки, чьих обитателей я не смог разглядеть по причине их призрачности. И так далее.

Я покачал головой:

– Адские погремушки, ни дать ни взять, съехавший с катушек парк аттракционов.

– С той только разницей, – поправила меня Гард, – что ничего из того, что вы видите, не предназначено для развлечения. И не утруждайте себя расспросами. Я все равно не отвечу. О, мы поднялись на первый этаж.

Лифт продолжал подниматься в огромном атриуме высотой десять или двенадцать этажей. В атриум открывались дорогие офисы с обилием деревьев в кадках, декоративной зелени, искусственных водопадов, что в сочетании с окнами – обычными и мансардными далеко наверху – создавало впечатление большого сада. Звуки офиса, жужжание оборудования, чириканье птиц и журчание водопада сливались в белый шум, полный жизни и движения. Мы миновали атриум, и лифт снова нырнул в шахту.

Мгновение спустя дверь отворилась, и мы вышли в новенькую, с иголки, приемную.

Здесь было все, чему положено быть в подобных помещениях: письменный стол дежурного секретаря, кресла для ожидающих, кофейный автомат и столик с глянцевыми журналами. С одной лишь разницей: все предметы здесь были сделаны из нержавеющей стали. Как и полы. Как и стены. Как и потолок. Даже люстры и кофейник. Разве что журналы оставались контрастными пятнами крикливых красок.

На одной из стен виднелась рельефная эмблема «Монок

секьюритис», показавшаяся мне скорее гербом на щите, чем корпоративным логотипом: массивное кольцо, рассеченное вертикальной линией. Она вполне могла бы сойти за упрощенное, условное изображение глаза, выбитого из глазницы каким-то острым лезвием; собственно, подобное изображение имеется и у меня на лице: я заполучил этот шрам, когда мне нанесли порез от брови до скулы, на долю дюйма промахнувшись мимо глаза. А может, это был просто абстрактный символ – ну, например, обозначение округлых мужчины и женщины, поддерживающих друг друга в неустойчивом равновесии. Или – ба! – наложенные друг на друга буквы греческого алфавита «йота» и «омега». «До последней йоты омега»? Последняя деталь? Может, это означало «все до последней мельчайшей детали»?

А может, это объединяло все вышесказанное – всевидящий слепой глаз.

Угу. Очень похоже на правду.

За стойкой сидели две женщины. Мониторы их компьютеров представляли собой маленькие полупрозрачные облачка, в которых плавали светящиеся знаки и символы. Какая-то ультрасовременная технология, решил я.

Женщины, судя по внешности, были однояйцовыми близнецами. Одинаковые короткие стрижки черных, как вороново крыло, волос, одинаковые черные костюмы. Одинаковые темные глаза, светившиеся умом и наблюдательностью. Одинаково бледная кожа и примечательные, пусть и не идеально

красивые, черты. Обе не затерялись бы в толпе, но и на супермоделей с глянцевой обложки, пожалуй, не тянули.

Стоило дверям лифта открыться, как обе встали со своих мест, внимательно глядя на нас. Мне приходилось прежде смотреть в зрачок ружейного дула. На этот раз мне показалось, что в меня целятся сразу четыре. Они стояли неестественно неподвижно. У обеих на голове имелись наушники для связи, но только одна из двух пробормотала что-то в свой микрофон.

Я сделал попытку шагнуть из лифта, но Гард предупредительно выставила руку, преграждая мне выход.

– Не шевелитесь, пока вас не пригласят, – посоветовала она. – Они вас убьют. Возможно, и меня заодно.

– В этих краях так любят крутых секретарш? – поинтересовался я.

– Я бы рекомендовала вам поменьше шутить, – чуть слышно шепнула Гард. – Они ничего не оставляют без внимания – и никогда ничего не забывают.

Секретарша, что говорила в микрофон, сжала и разжала пальцы лежавшей на столе руки. Из-под ногтей со столешницы из нержавеющей стали поползли тонкие завитки серебристой стружки.

Я подумал, не отпустить ли шуточку насчет маникюра... и решил, что не стоит, пожалуй. Вот какой я мудрец.

– А вы апельсины тоже так чистите? – спросил мой рот, не посоветовавшись с остальной частью меня. – А кухонные

ножи, всякие ножницы и садовый инвентарь не точите? А то у моей домовладелицы есть газонокосилка, так ей не помешала бы помощь девушки вроде ва...

– Дрезден! – прошипела Гард; глаза ее расширились от ярости и ужаса, близкого к паническому.

Теперь обе секретарши целились в меня своими зрачками еще пристальнее. Та, что до сих пор молчала, чуть сменила позу, словно готовясь шагнуть вперед.

– Ну же, Сигрун, – повернулся я к своей спутнице. – Я пытаюсь налаживать дипломатию. Моя хитрозадость известна всему миру. Если я буду обращаться к ним не так, как в свое время к Королевам фэйри или вампирским Коллегиям – Коллегиям, во множественном числе, – полубогам и повелителям демонов, как знать, вдруг они почувствуют себя оскорбленными?

Гард внимательно посмотрела на меня, а потом в ее голубых глазах мелькнула такая бесшабашная дерзость. Надо сказать, это шло ей гораздо больше и выглядело естественнее, чем страх.

– Не уверена, что ваши наглость и бесцеремонность являются достоинствами, каковыми вы их полагаете.

– Эх, – хмыкнул я, – ценное замечание.

Вторая двойняшка чуть склонила голову набок, прислушиваясь, потом снова выпрямила шею.

– Сию минуту, сэр, – произнесла она и ткнула указательным пальцем в мою сторону. – Вы. Пройдите в дверь за моей

спиной. – Палец нацелился в сторону Гард. – Вы. Пройдете следом за ним и представите его.

Гард кивнула и мотнула головой в сторону означенной двери. Мы вышли из лифта и, миновав двойняшек, направились к двери. Те поворачивали головы, не спуская с меня глаз и, казалось, отслеживая каждое движение. Поверьте, это выглядело довольно жутко.

За дверью обнаружился длинный коридор, тоже от пола до потолка из нержавеющей стали. В стенах виднелись многочисленные круглые люки размером с суповую тарелку, все до одного закрытые. У меня сложилось впечатление, что любой посетитель, отведавший деликатесов из этих тарелок, не попросит после обеда счет.

Завершался коридор еще одной парой стальных дверей, бесшумно отворившихся перед нами. За ними взгляду открылась еще одна отделанная нержавеющей сталью комната; вся обстановка здесь состояла из одного-единственного массивного стола, за которым сидел мужчина.

Донар Ваддерунг сидел, подперев подбородок рукой, и хмуро всматривался в голографический дисплей компьютера. Первое, о чем шепнули мои инстинкты, – что этот человек очень, очень опасен.

Впрочем, на вид в нем не было ничего такого особенного. Мужчина в хорошей физической форме, лет сорока с лишним. Долговязый, подтянутый, он сошел бы за бегуна-марафонца, когда бы не слишком широкие и мощные для этой

спортивной дисциплины плечи и руки. Прическа у него показалась мне длинноватой для его возраста и чуть неряшливой. Волосы у него были любопытного цвета – словно грозовая туча, готовая вот-вот разразиться ливнем. И голубой, как лед, глаз. Второго я не видел – он прятался под черной повязкой. Вертикальный шрам вроде моего навел меня на мысль, что я, возможно, не ошибался насчет происхождения корпоративной эмблемы. Еще он носил короткую холеную бородку. В общем, внешность его – особенно повязка – придавала ему образ типа, отсидевшего тридцать лет из положенного тройного пожизненного заключения, а потом уговорившего охрану отпустить его – к вящему их последующему огорчению.

– Сигрун, – вежливо приветствовал он мою спутницу.

Гард опустилась на колено и склонила голову. Я не заметил ни тени колебания – движение не показалось мне отработанным ритуальным жестом. Она и правда верила, что Ваддерунг заслуживает такого почтения.

– Господин, – произнесла Гард. – Я привела вам чародея, как вы и просили.

– Отлично, – произнес тот и жестом велел ей встать.

Не думаю, чтобы она со склоненной вот так головой видела его, но она мгновенно повиновалась. Возможно, они просто натренировались на протяжении нескольких веков.

– Господин, позвольте представить вам Гарри Дрездена, чародея и Стража Белого Совета.

Я поклонился Ваддерунгу.

– Чародей, это Донар Ваддерунг, генеральный директор «Монок-секью...»

– Полагаю, я достаточно хорошо представляю себе, руководителем чего он является, – перебил я ее вполголоса.

Уголки губ у мужчины чуть приподнялись в легкой улыбке. Он махнул рукой в сторону стального стула, стоявшего напротив его собственного кресла:

– Прошу вас, садитесь.

Я покосился на голографический дисплей:

– Вы уверены, что готовы рискнуть вот этим? Если я окажусь слишком близко от этого...

Ваддерунг запрокинул голову и искренне расхохотался:

– Я рискну.

– Что ж, я не против, – сказал я, подошел к столу и уселся.

Ни подушки, ни чего-либо такого у стула не имелось, но он оказался неожиданно удобным.

– Кофе? – спросил он у меня. – Что-нибудь поесть?

Я помолчал, прежде чем ответить. Подобные встречи накладывают на принимающую сторону определенные обязанности по отношению к гостю, а также наоборот. Если Ваддерунг был тем, кем я его считал, и если верить молве, значит он время от времени выходил в народ проверять, соблюдают ли люди традиции гостеприимства, – щедро награждая при этом блюстителей и, напротив, сурово карая скупцов, жадин и садистов.

В сверхъестественном же мире подобные обязанности приобретают у подавляющего большинства его обитателей прямо-таки жизненно важный смысл. Даже не знаю почему. Возможно, это имеет какое-то отношение к магическим свойствам порогов и прочим энергетическим барьерам, охраняющим жилище.

– Если только это вас не затруднит, – кивнул я.

– И что-нибудь поесть, – сказал Ваддерунг, обращаясь к Гард.

– Да, господин, – отозвалась она, склонив голову, и вышла.

Хотя хозяин кабинета сидел, не вставая, я понял, что роста он большого. Черт, почти великанского. Стоя, он наверняка оказался бы выше меня на пару дюймов, а уж по сравнению с его плечами мои казались бы не более чем книжным корешком. Он снова опустил подбородок на руку и внимательно посмотрел на меня ярко-голубым глазом.

– Что ж, – произнес он. – Насколько я понимаю, вам известно, кто я.

– У меня несколько предположений, – ответил я. – Думаю, довольно точных. Сигрун сама по себе могла уже служить подсказкой. Однако, честно говоря, это никоим образом не связано с тем, зачем я сегодня к вам явился.

В угол голубого глаза сбежались морщинки.

– Так ли?

Я нахмурился и чуть склонил голову набок:

– А это не так?

Он поднял руку ладонью вверх – наверное, для большей доходчивости объяснений:

– Некто, в достаточной мере предусмотрительный, мог бы, например, подготовиться к тому, чтобы в один прекрасный день оказать помощь некоему отчаянному юному чародею Белого Совета. Возможно, то, кем я являюсь, напрямую связано с тем, почему я здесь.

– Да, пожалуй, такое вполне вероятно, – согласился я. – Формально вполне возможно, что мотивы, по которым вы помогаете мне, носят альтруистический характер. С другой стороны, формально столь же вероятно, что вы двуличны и что на самом деле все, что вы хотите, – это изыскать возможность получить надо мной власть, пользуясь затруднительной ситуацией, в которой я оказался. – Я пожал плечами. – Не сочтите за оскорбление, но я не вижу особых поводов для альтруизма.

– Сколько цинизма для вашего возраста! – Он оглядел меня с головы до пят. – Впрочем, это вполне естественно. Вполне естественно.

– У меня к вам несколько вопросов, – сказал я. – Боюсь, они не настолько глубокие и философские, как «кто я?» или «что я здесь делаю?», но в данный момент они для меня на порядок важнее.

Ваддерунг кивнул:

– Вы ищете свою дочь.

Я ощутил, как тело мое каменеет.

– Откуда?..

Он улыбнулся, и улыбка у него вышла довольно-таки волчьей.

– Я знаю многое, Дрезден. А если чего-то не знаю, то могу это выяснить. Подобно тому, как это делаете вы. Это моя работа.

Почти минуту я молча смотрел на него.

– Вам известно, где она? – спросил я наконец.

– Нет, – негромко, но твердо ответил он. – Но мне известно, где она будет.

Я опустил взгляд на свои руки.

– Во что мне обойдется узнать это?

– Чичен-Ица, – произнес Ваддерунг.

Я удивленно вскинул голову и уставился на него:

– Я...

– Не понимаете? – спросил Ваддерунг. – Все не так сложно. Я на вашей стороне, молодой человек.

Я задумчиво запустил пятерню себе в волосы:

– Почему именно там?

– Красный Король и его ближайшее окружение, Повелители Внешней Ночи, готовятся заварить большую кашу. Для этого им необходимо место с хорошей энергетикой. В данном случае они используют Чичен-Ицу.

– Но почему там?

– Они затевают жертвоприношение. Как в старые време-

на. – В голосе его зазвучали гневные нотки, от чего меня вдруг пробрал озноб. – Они готовят сглаз на родословной.

– Чего?

– Магическое убийство, – пояснил он, – основанное на кровном родстве. Смерть, которой подвергнут приносимого в жертву ребенка, поразит ее братьев, сестер и родителей. А от родителей она ударит по их братьям, сестрам и родителям, и так далее. Это распространится по всему семейному древу, пока не останется никого.

Внутри меня все похолодело.

– Я... Я никогда еще не слышал о сглазе такого масштаба. Это же какая энергия нужна... просто гигантская. – Я молчал, думая. – И все равно глупость какая-то. Сюзен была единственным ребенком, и родители ее давно уже умерли. И мои тоже...

Ваддерунг, вскинув брови, посмотрел на меня:

– Правда? Они, эти старые монстры, как правило, не упускают ничего.

Я постарался не выдать своих эмоций. Сглаз, который готовили Красные, убил бы меня, удайся им ритуал. Но не одного меня: они убили бы и моего единственного родственника, единоутробного брата Томаса.

– Как это действует? – спросил я внезапно севшим голосом.

– Вырывает из груди сердце, – ответил Ваддерунг. – Терзая его по пути на мелкие клочки. Вам это ничего не напо-

минает?

– Адские погремушки! – проговорил я.

Прошел не один год с тех пор, как я перестал вспоминать Виктора Селлза и его жертв. Хотя было время, когда я просыпался по ночам от кошмарных снов с их участием.

Ваддерунг чуть пригнулся ко мне, и голубой глаз его, казалось, засиял еще ярче.

– Все взаимосвязано, Дрезден. Вся игра. И вы только начинаете догадываться, что за игроки в ней участвуют. – Он вновь откинулся на спинку кресла и помолчал немного, придавая веса своим следующим словам. – Чернокнижник, использовавший это заклятие в Чикаго, не обладал достаточной силой для того, чтобы оно поражало кого-либо, кроме непосредственной мишени. Красная Коллегия обладает. Уже тысячу с лишним лет никто еще не обладал такой силой.

– И целятся они в меня?

– Говорят, человек познается по его врагам, Дрезден. – Он улыбнулся, но смех, угадывавшийся в его словах, так и не прорвался на поверхность. – Вы дерзите существам, которым не составило бы особого труда заставить вас замолчать. Вы сопротивляетесь неодолимым силам по той простой причине, что не считаете их неодолимыми. Вы не склоняете головы ни перед демонами, ни перед ангелами, и вы становитесь на пути у зла, чтобы защитить тех, кто не способен защититься сам. – Он медленно кивнул. – Думаю, вы мне нравитесь.

Я выгнул бровь и несколько секунд молча смотрел на него:
– Тогда помогите мне.

Ваддерунг задумчиво побарабанил пальцами по губам:

– Боюсь, в этом я вас разочарую. Я... не тот, каким был прежде. Дети мои рассеялись по свету. Большинство их забыли наше предназначение. Когда отступили ётуны... – Он покачал головой. – Вам следует понять, что в этом сражении вам противостоят существа вроде меня.

Я нахмурился:

– Вы имеете в виду... богов?

– По большей части вышедших на пенсию, – уточнил Ваддерунг. – Когда-то им поклонялись целые цивилизации. Теперь их чтут десятки людей, а сила их крови распылена на тысячи отпрысков. Но Повелителям Внешней Ночи даже остатков этой силы достаточно, чтобы они оказались вам не по зубам.

– Это мне уже говорили, причем не раз, – заметил я.

Ваддерунг только покосился на меня.

– Позвольте мне помочь вам понять, – произнес он.

И сила, подобная сотне кузнечных молотов, опрокинула меня со стула на пол.

Я оказался лежащим на спине, задыхаясь, как выдернутая из воды рыба. Я пытался пошевелиться, встать, но не мог даже руку от пола оторвать. Я напряг волю, надеясь с ее помощью оградить себя хотя бы от части этой энергии, и...

...И воля моя вдруг столкнулась лоб в лоб с другой. Сила,

удерживавшая меня, исходила не от земной магии, как я полагал. Это была простая, голая, грубая воля Донара Ваддерунга, Отца Грома, Отца и Повелителя Асов. Это воля Одина пришила меня к нержавеющей полу, и я мог сопротивляться этому не более, чем букашка – опускающейся на нее подошве башмака.

Стоило мне осознать это, как сила исчезла, словно ее и не было. Я лежал на полу, глотая воздух.

– В моих силах убить тебя, юный чародей, – негромко произнес Ваддерунг. – Я мог бы желать твоей смерти. Особенно здесь, в Мидгарде, средоточии моей мощи. – Он встал, обошел стол и протянул мне руку. Я принял ее. Он с легкостью поднял меня на ноги. – Ты окажешься в средоточии их мощи. Их будет дюжина, и каждый почти так же силен, как я. – Он на мгновение положил руку мне на плечо. – Ты смел, умен и время от времени удачлив. Все эти свойства бесценны в сражениях вроде того, что ведешь ты. Но против таких сил тебе не помогут и они. Даже если тебе повезет и ты сможешь бросить Королю Красных вызов в Чичен-Ице, тебя сокрушат так, как это произошло минуту назад. Ты ничего не сможешь поделать, только смотреть, как погибает твоя дочь.

Он смолк и некоторое время просто глядел на меня. Потом дверь кабинета отворилась, и в нее просунула голову одна из секретарш.

– Сэр, – сказала она. – У вас назначена встреча за обедом через пять минут.

– Действительно, – кивнул Ваддерунг. – Спасибо, М.

Она кивнула в ответ и исчезла, закрыв дверь.

Ваддерунг снова повернулся ко мне. В кабинет вошла Гард с накрытым подносом. Она поставила его на стальной стол и отступила на шаг назад.

– Вы бросаете вызов судьбе, Дрезден, – сказал Ваддерунг. – Вы устояли перед врагами на порядок сильнее вас. Этим вы завоевали мое уважение.

– Скажите, а я могу обменять ваше уважение на... дайте подумать... полдюжины валькирий, вашу секретаршу и пару взводов павших героев?

Ваддерунг снова расхохотался. Хороший у него был смех – сердечный; должно быть, так мог бы смеяться Санта-Клаус в молодости, когда он еще гонял футбольный мяч.

– Боюсь, я не в состоянии обойтись без своих секретарш. – Он посерьезнел. – Что же до остальных, то они... В средоточии сил Красных от них будет немного толку. – Он покачал головой. – Нравится это вам или нет, но это дела смертных. И улаживать их должны тоже смертные.

– Значит, вы не поможете мне, – тихо произнес я.

Он подошел к стальному шкафу, отворил дверь и снял с вешалки пальто. Застегнув пуговицы, он еще раз подошел ко мне:

– Молодой человек, я играю в эту игру уже очень, очень долго. Как знать, может, я уже дал вам именно то, в чем вы нуждались сильнее всего?

Ваддерунг снял крышку с подноса, радушно кивнул мне и вышел.

Я посмотрел на поднос. С чашки чая поднимался пар, рядом лежали три пустых пакетика из-под сахара. Чай благоухал мятой. Мой любимый. Рядом с чашкой лежали на блюде два пончика, щедро посыпанные сахарной пудрой, без каких-либо других съедобных украшений.

Подняв взгляд, я успел заметить, как Ваддерунг в сопровождении секретарш подошел к стене, а потом все трое просто исчезли. Должно быть, в Небывальщину.

– Итак? – спросила Гард. – Готовы идти?

– Минуточку, – отозвался я.

Я сел за стол, медленно, задумчиво выпил чай и съел пончики.

Глава 22

Мне просто необходимо было поспать. Мы с Молли вернулись ко мне домой часов в одиннадцать утра. Стоило нам выбраться из машины, как по лестнице к нам выбежал Мыш; увидев нас, он тут же отбросил суровость и принялся вилять хвостом и оживленно обнюхивать обоих. Поэтому спускался я в квартиру, ничего не опасаясь. Мыш спокоен – значит, все в порядке.

Сьюзен с Мартином никуда не уходили; оба занимались делом, равно как и Мистер, приглядывавший за происхо-

дящим со своего наблюдательного поста на самой высокой из моих книжных полок. Сьюзен выбила ковры, устилавшие всю мою маленькую гостиную, и теперь раскатывала их по местам – возможно, не совсем в том порядке, в котором они лежали прежде. Без видимого усилия, двумя пальцами она подняла край дивана, чтобы подсунуть под него угол ковра.

Мартин расставлял книги на полках в алфавитном порядке. Вообще-то, за такое святотатство некоторые и матери родной не пожалеют.

По возможности я подавил естественное возмущение и постарался убедить себя, что они хотели как лучше.

– Удача, – сообщила мне Сьюзен. – По крайней мере, частичная. Наши люди вычислили, кто проследил нас до этого места.

– Угу, – кивнул я. – И кто же?

– Ээбы, – ответила она.

Тут в комнату спустилась Молли и остановилась, нахмурившись при виде происходящего. Конечно, после визита ФБР и копов в моей квартире царил некоторый беспорядок, и все же... Должно быть, Молли привыкла к моей берлоге не меньше моего.

– Звучит как «рэбы», только запоминается хуже.

Мартин мотнул головой.

– Эстебан и Эсмеральда Батист, – пояснил он. – Одна из супружеских пар, которых Красная Коллегия использует для работы на выезде.

– Одна из?... – удивился я.

– Путешествующие вдвоем супруги привлекают меньше внимания, – сказала Сьюзен. – В том числе со стороны органов правопорядка – чем эти пары и пользуются. Так оно выглядит гораздо благообразнее.

– Вроде вас с Мартином, – предположил я.

– Да, – подтвердил Мартин. – Несомненно.

– Эстебан с Эсмеральдой опасны, – продолжала Сьюзен. – Действуют не по шаблону, непредсказуемо, что само собой примечательно, если речь идет о вампирах. Без колебаний жертвуют подчиненными, если это требуется ради достижения результата. Знаешь, мне кажется, что это все благодаря какой-то извращенной любви, которую они питают друг к другу. Это делает их эмоциональнее.

– Они просто выдающиеся психи, – не согласился Мартин. – Не путай это ни с чем другим.

– Кстати, Гарри, ты говорил, что один ушел? – вспомнила Сьюзен. – Возможно, Эстебан. Он часто срывается раньше других – возможно, этим и объясняется то, что он до сих пор жив. Эсмеральда, скорее всего, вела наблюдение с крыши соседнего дома – и она же, возможно, привела в действие взрывное устройство.

– По логике вещей, и нападение на меня перед входом в контору ФБР – тоже их рук дело, – сообразил я. – Наглухо тонированные окна машины. А сам стрелок сидел в глубине салона, подальше от окна.

– Очень похоже, – согласилась Сьюзен. – В случае острой необходимости они и днем орудовать могут – закутавшись с головы до пят, конечно.

Я хмыкнул:

– Выходит, Эстебан и Эсмеральда...

– Ээбы, – решительно поправила меня Сьюзен.

– Выходит, Ээбы не столько бойцы, сколько организаторы.

Я верно понял?

– Достаточно верно, – сказал Мартин, и в голосе его слышались едва уловимые нотки одобрения.

– Значит, им и их вампирской команде полагалось только следить за вами? А когда они увидели, что вы направляетесь напрямиком в их информационный центр, им поневоле пришлось действовать. Они пытались защитить информацию. Что ж, логично.

Сьюзен нахмурилась и кивнула.

– Конечно, – согласился Мартин. – Трудно предсказуемо, но никак не глупо.

– Тогда почему, – продолжал я, – если они по распоряжению графини только следили за вами... Почему они пытались меня убить?

Мартин открыл рот, нахмурился и снова закрыл.

– Я имею в виду, Арианна ведь хочет насладиться моими страданиями, так? Но мертвым я страдать никак не могу. Если я уйду со сцены раньше времени, это ей всю радость испортит.

– В рядах Красной Коллегии нет единства, – пробормотала Сьюзен. – Это единственное объяснение. Столкновение интересов – похоже, в верхних эшелонах их власти.

– Или, – вздохнул Мартин, – покушение предприняли не Ээбы.

– Но меня в последнее время вроде никто не хотел убить, – сказал я. – А Ээбов я видел накануне вечером. Все-таки они – самое простое объяснение.

Мартин чуть склонил голову набок:

– Не забывайте, что все ваши рассуждения пока не более чем теория. Никак не факт. У вас, Дрезден, нет недостатка во врагах.

– Э... Гарри? – подала голос Молли.

Я повернулся в ее сторону.

– Я не знаю, стоит ли мне влезать в разговор со всякими глупостями, но... Если внутри Красной Коллегии раскол... Что, если и похищение, и все такое... это только прикрытие для чего-то другого, затеянного ею внутри своей коллегии, а? Я хотела сказать, может, все это затеяно не ради вас? Или, по крайней мере, не только ради вас?

Несколько секунд я непонимающе смотрел на нее.

– А что, может, и так, – произнес я наконец. – И вообще, кто сказал, что я – центр Вселенной?

Молли закатила глаза.

– Хорошая мысль, Кузнечик, – похвалил я ее. – Это стоит иметь в виду. Возможно, нас используют как отвлекающий

маневр.

– А это что-то меняет? – спросила Сьюзен. – Я имею в виду, в свете наших проблем?

Я пожал плечами:

– Думаю, скоро мы это узнаем.

Она поморщилась:

– Если Ээбы работают не на Арианну, а на другую партию, это лишает нас последней нити. Я-то надеялась, что смогу убедить их выдать нам, где держат Мэгги.

– В любом случае стоит попробовать, – заметил Мартин. – Если нам, конечно, удастся их поймать.

– Можно попытаться, – сказал я. – Или постараться блокировать Чичен-Ицу, чтобы отбить Мэгги, когда Красные доставят ее туда для своих фокусов с магией.

Сьюзен, широко раскрыв глаза, повернулась ко мне:

– Что?

– Они готовят свою церемонию в Чичен-Ице, – объяснил я, встретился взглядом со Сьюзен и кивнул. – Я это узнал. Она будет там. А нам остается отбить ее.

Сьюзен издала исполненный свирепого торжества вопль и прыгнула на меня через всю комнату. От неожиданности я даже врезался спиной в книжную полку. Она обвила меня ногами и прижалась губами к моим губам.

Губы ее оказались лихорадочно жаркими и сладкими, и стоило им коснуться моих губ, как по всему моему телу разбежался тихий огонь, на некоторое время испепеливший в

голове все более или менее разумные мысли. Руки сами собой сомкнулись, прижимая ее к себе, такую теплую, такую настоящую, такую... близкую. Сердце забилося вдвое чаще, и голова слегка пошла кругом.

И тут в комнате послышался утробный, предупреждающий рык Мыша.

– Родригес! – рявкнул Мартин напряженным голосом.

Сьюзен прервала поцелуй. Когда она открыла глаза, они оказались совершенно черными – в точности как у вампиров Красной Коллегии. Мои губы и язык продолжало щипать – это напоминало слабое эхо отравления ядовитой слюной Красных. На ее лице, шее и руке проступили багровые татуировки. Мгновение она смотрела на меня затуманившимся взглядом, потом медленно моргнула и оглянулась через плечо на Мартина.

– Ты на грани, – очень тихо, успокаивающим тоном сказал он. – Тебе нужно прийти в себя. Перевести дух.

На мгновение на лице Сьюзен промелькнуло нечто, похожее на ярость. Потом она поежилась, несколько раз перевела взгляд с Мартина на меня и обратно и осторожно отстранилась.

– Сейчас тепло, солнечно, – продолжал Мартин, мягко взяв ее под локоть. – Идем, прогуляемся по солнышку, и все будет хорошо.

– Солнце, – пробормотала Сьюзен все еще хриплым, чувственным голосом. – Верно, солнце...

Мартин смерил меня взглядом, каким порой и убить можно, и они со Сьюзен вышли на улицу.

— Что ж, — заметила Молли, когда они отошли от двери на достаточное расстояние, — очень глупо со стороны вас обоих.

Я оглянулся на нее через плечо и нахмурился.

— Я что вижу, то и говорю, — вполголоса продолжала моя ученица. — Вы же знали, что она с трудом контролирует свои эмоции, свои инстинкты. Ей не надо было так на вас бросаться. А вам — целовать ее в ответ. — Ее губы на миг сжались. — Кто-то мог от этого пострадать.

Я машинально потер губы, которые все еще продолжало щипать, и подавил вспышку гнева.

— Молли...

— Да понимаю я все, — упрямо сказала она. — Правда. Послушайте, ладно, вам она дорога. Может быть, вы даже любили ее. Но дальше все равно уже так продолжаться не может. — Она развела руками. — Как бы то ни было, такова реальность, и вам придется с этим жить. И отмахиваться от этого не получится. Стоит вам сблизиться с ней, босс, и ничего хорошего не выйдет.

Я испепелил ее взглядом, и, как ни старался сдержать злость, получалось у меня это плохо.

— Поосторожнее, Молли.

Молли побледнела и отвернулась. Но все же сложила руки и сделала еще попытку.

— Я говорю это, Гарри, потому что мне жалко.

– Жалко Сьюзен? – удивился я. – Ты же ее совсем не знаешь.

– Не Сьюзен, – возразила она. – Вас.

Я шагнул к ней:

– Да ты ни хрена, ничегошеньки вообще о нас со Сьюзен не знаешь, Молли.

– Знаю, например, что вы корите себя за то, что с ней случилось, – выпалила она. – А вот подумайте-ка, будет ли ей приятно, если она вдруг забудется, целуясь с вами, и, очнувшись, обнаружит, что перегрызла вам горло и выпила всю кровь, а сама превратилась в монстра? Вы что, хотите, чтобы ваш роман закончился вот так?

От этих слов мне захотелось кричать. Даже не знаю, что удержало меня от того, чтобы ее ударить.

Разве тот факт, что она ни за что и никогда не поверила бы, что я на такое способен.

К тому же она говорила дело. По крайней мере, не без логики.

Поэтому я сделал глубокий вдох, закрыл глаза и подождал, пока гнев не погаснет. Что-то я начал уставать от таких штук.

Правда, когда я все-таки заговорил, голос мой звучал чуть надтреснуто:

– Стало быть, занятия у чародея развили у тебя тягу манипулировать другими?

Она пару раз шмыгнула носом, и я, открыв глаза, обнару-

жил, что она беззвучно плачет.

– Н-нет, – ответила она. – Это все мама.

– А-а, – понимающе кивнул я.

Она посмотрела на меня, не делая попытки вытереть слезы:

– Вид у вас кошмарный.

– Я тут кое-что выяснил, – сказал я.

Она прикусила губу:

– Наверняка пакость какую-нибудь.

Я кивнул:

– Еще какую. Мы... – Я потрянул головой. – Я даже не знаю, сможем ли мы что-нибудь поделать без поддержки Совета.

– Наверняка сможем, – сказала она. – Всегда можно придумать что-нибудь.

– Это... своего рода проблема. – Я покосился на ближайшую ко мне полку с безнадежно упорядоченным рядом книг. – Знаешь, мне... Пожалуй, мне нужно побыть немного одному.

Молли посмотрела на меня взглядом, каким обычно смотрят на хрупкий, готовый разлететься от одного чиха предмет:

– Вы уверены?

Мышь издал негромкий скулящий звук.

– Я не собираюсь предпринимать никаких крайностей, – заверил я ее. Во всяком случае, пока я действительно не собирался. – Мне просто нужно немного собраться с мыслями.

– Ладно, – вздохнула она. – Пошли, Мыш.

Мыш обеспокоенно посмотрел на меня, но послушно за-
трусил за Молли вверх по лестнице.

Я отправился в ванную, разделся и забрался под холодную воду. А потом постоял под душем, пытаясь думать.

По большей части в голову лезли мысли о том, как сладки были губы у Сьюзен. Я подождал, пока ледяная вода не понизила интенсивность этих мыслей до приемлемого уровня. Потом поразмышлял над предостережением Ваддерунга насчет Красной Коллегии.

В свое время я имел дело с разными очень крутыми типами. Однако среди них не имелось ни одного богоподобного существа – или их потомка, или кем им там приходились Повелители Внешней Ночи. Таких нельзя просто вызвать на прямой поединок и победить. Конечно, я тоже не лишен кое-какой силы. Черт возьми, да я, будучи в хорошей форме, вполне могу претендовать на место в первой двадцатке или тридцатке чародеев планеты – принимая в расчет чистую магическую силу, конечно. Да и опыта и мастерства у меня только прибавлялось. Дайте мне еще пару сотен лет – и я смог бы поспорить за место в первой тройке.

Разумеется, если Марконе прав, мне такие вершины не светят. А уж этот хищник – повелитель каменных джунглей – вовсе не дурак. Честно говоря, я сказал бы, что шансов пережить два или три следующих дня у меня почти нет.

Я не мог бросить вызов боссам Красной Коллегии и по-

бедить.

Но у них в руках моя девочка.

Я знаю. То, что эта девочка была именно моей, не должно иметь значения. Мне полагалось впадать в ярость из-за любовью девочки, попавшей в лапы к этим монстрам. И все же разница имелаась. Мэгги – моя дочь, и это чертовски много для меня значило.

Я стоял под душем до тех пор, пока холодная вода не заглушила все гормоны, все эмоции и всю бездумную жажду крови за кровь. Подумав еще немного, я решил, что у меня есть три возможных варианта действий.

Враг силен. Значит, я мог бы выйти на поле боя, собрав под свои знамена как можно больше сил. Я мог бы мобилизовать всех друзей, всех союзников, всех потусторонних существ, кто хоть чем-то мне обязан. Любая помощь могла бы сыграть роль в битве – а я не сомневался, что наше противостояние выльется в битву эпического масштаба.

Проблема заключалась в том, что единственные, кого я мог бы привлечь на помощь в этой отчаянной битве, – мои друзья. И мои друзья погибли бы. Мне пришлось бы использовать их в качестве живого щита, а я не питал сомнений насчет того, чего это будет стоить. Мои друзья погибли бы. Большинство из них. Черт возьми, возможно, даже все, да и я вместе с ними. Возможно, мне удалось бы прорваться к девочке и уйти с ней, пока друзья будут отдавать за это свои жизни. А что потом? Провести остаток дней в бегах с Мэгги?

Вечно в оглядке, нигде не задерживаясь дольше пары дней?

Второе, что я мог бы сделать, – это перевести конфронтацию в какую-нибудь другую плоскость. Изыскать способ подобраться к девочке поближе, схватить ее и исчезнуть, избежав обреченного на провал первого пункта предыдущей программы. Опять-таки и жертвовать друзьями не пришлось бы.

Но конечно, чтобы добиться такого результата, мне пришлось бы изыскать способ сделаться умнее и хитрее существ, обладающих тысячелетним опытом конспирации и подрывной деятельности. Не будучи ужасно умными и осторожными, они просто не смогли бы выжить в агрессивном окружении таких же хищников. Вот хорошо было бы, если бы удалось грохнуть по башке пару часовых, переодеться в их форму и пробраться в тыл врага с друзьями – Трусливым Львом и Железным Дровосеком. Только сомневаюсь, что все вышло бы так просто.

(Себе-то я отвел роль Страшилы. И то верно: будь у меня мозги, я бы придумал план получше.)

Короче, открытая потасовка с командой всех звезд представлялась мне плохой идеей. Скорее всего, она не сработала бы.

Но и скрытое проникновение в сердце Красного королевства – идея немногим лучше. И тоже вряд ли сработает.

Значит, остается третий вариант. Немыслимый вариант. Вернее, он был немыслимым всего несколько дней назад. До

того, как я узнал, что я отец.

Моя карьера чародея получилась, скажем так, довольно активной. Мне удалось надрать задницу многим чертовски сильным тварям. И по большей части я выходил из этих передряг целым, а на память о тех случаях, когда мне это не удавалось, остались шрамы – и телесные, и всякие другие. Многие крупные игроки видели во мне оружие страшной разрушительной силы.

Некоторые предлагали мне силу.

Огромную силу.

Я имею в виду, если бы прямо сейчас я собрал все доступные мне резервы – не принимая в расчет ярлычки с ценами на них, – это, вполне возможно, изменило бы расклад сил в игре. Это сделало бы меня на порядок круче, чем обычный отчаянный, дерзкий молодой чародей. Это придало бы моим способностям и силе такую интенсивность, такую глубину и такой размах, о которых я раньше и мечтать не мог. Это подарило бы мне шансы рассчитывать на помощь новых союзников. Это дало бы в мое распоряжение почти неограниченный арсенал, предоставило бы возможности, которых раньше для меня просто не существовало.

Но что потом?

Мне не пришлось бы пускаться в бега вместе с Мэгги, чтобы защищать ее от монстров.

Я сам стал бы монстром.

Может быть, не сразу. Даже не за одну неделю. Но рано

или поздно то, что я приму, изменит меня. И я, возможно, не буду возражать против этого – если вообще замечу, что происходит. Такова природа этой силы. Ты не ощущаешь, как она тебя меняет.

Ничто не предупредит тебя о том, что душа твоя почернела.

Вариант номер три имел одно общее свойство с первыми двумя: я бы его не пережил. Во всяком случае, не как человек, каковым я сейчас являюсь. Тот, кто пытался сделать мир хоть немного светлее и безопаснее. Тот, кто пытался помочь, пусть это и не всегда получалось. Тот, кто верил в такие понятия, как семья, ответственность, любовь.

Но Мэгги, возможно, останется жива. Если я, конечно, сделаю все как надо. Жива, однако останется сиротой. Так или иначе – сиротой.

Черт, как же я устал:

«Может, выхода и нет вовсе», – прошептал голосок где-то у меня в голове.

Я выключил воду и снял с крючка полотенце.

– А ну отставить такие мысли, Дрезден, – приказал я себе. – Выход есть. Есть выход, слышишь? Ты просто должен его найти.

Я вытерся и пристально посмотрел на свое суровое, все в шрамах, небритое лицо в зеркале. Никак не из тех лиц, которые нравятся детям. Девочка, возможно, разревется, разглядев меня как следует.

А может, это самое лицо и должно быть у человека, который благополучно вытащит ее из толпы кровожадных тварей. Слишком рано выбрасывать белый флаг.

Я не имел ни малейшего представления, что собираюсь делать. Я просто знал, что не могу сдать.

Глава 23

Я набрал номер мобильного Мёрфи.

– Мёрфи слушает.

– Привет, Мёрф. Как дела?

– Нас могут прослуш...

– Знаю, – перебил я ее. – Знаю. Мой номер тоже. Эй, парни из ФБР! Вам еще не надоело работать без перерыва, а?

Мёрфи фыркнула в трубку:

– Что у тебя?

– Подумываю, не прикупить ли мне драный дверной коврик в комплект ко взломанной двери и сломанному косяку, – ответил я. – Да, ребята, спасибо и за это.

– Не превращай Бюро в сплошных демонов, – возразила Мёрфи. – По части бездарности они не превосходят любых других. Они эффективны ровно настолько, насколько позволяет им плохая информированность.

– Как твоя квартира? – поинтересовался я.

– Пришли, обыскали и ушли. Им помогали Роулинс, Столлингс и дюжина ребят из ОСР. Фэбээровцы даже пропыле-

сосили и вынесли за собой мусор, когда закончили.

Я невольно хохотнул:

– Ребята из отдела на этом успокоились?

Голос у Мёрфи звучал довольно:

– Они пришли по особой просьбе агента, назначенного на это дело.

– Тилли?

– Ты что, с ним уже познакомился?

– Ага, и рад этому. Он хорошо о тебе отзывался.

– Он айкидока, – сообщила Мёрфи. – Я бывала в его додзё несколько раз, вела практические занятия. И он давал несколько мастер-классов у нас в зале – по вооруженным единоборствам.

– Ого! Так это он научил тебя бою с посохом?

– Он. Только это было раньше. Очень давно.

Я хмыкнул:

– Жаль, что довелось познакомиться с ним вот так. Даже стыдно.

– Ребята в Бюро, в общем-то, неплохие. Все из-за Рудольфа. Или того, кто дергает Рудольфа за ниточки.

Тут мне в голову пришла одна мысль, и я помолчал немного.

– Гарри? Ты еще на проводе?

– Угу, прости. Я тут как раз собирался выползти ради сэндвича с говядиной. Тебя такое интересует?

– Еще бы! Через двадцать минут?

– Идет.

Мёрфи повесила трубку, но гудков я не услышал.

– Эй! – сказал я в микрофон. – Если кто-то из вас, ребята, присматривает еще за моей квартирой, не могли бы вы передать копам – пусть проследят, чтобы никто не пытался спереть мой постер к «Звездным войнам». Это оригинал.

После этого я с мстительным наслаждением положил трубку на рычаг. Не знаю почему, но эта маленькая плюха для ФБР доставила мне детскую радость.

Двадцать минут спустя я зашел в «Макэнелли».

По причине раннего часа народа в зале оказалось немного, и мы с Мёрфи устроились за столиком в углу – подальше от окон, а значит, и от лазерных микрофонов. На случай, если федералы удвоили свою подозрительность.

Я обошелся без предисловий:

– Кто сказал, что Рудольф получает приказы от непосредственного начальства? Или вообще от кого бы то ни было в Чикаго?

Она нахмурилась и ненадолго задумалась об этом. Я терпеливо ждал.

– Ты ведь не веришь в это сам, – сказала она наконец. – Правда?

– Мне кажется, стоит покопать. Слишком нервный вид он имел при нашей последней встрече.

– Угу, – задумчиво проговорила Мёрфи. – У меня дома

тоже.

Я посвятил ее в подробности того, что она пропустила и у меня дома, и в конторе ФБР, и к концу рассказа она кивала вполне убежденно:

– Валяй, продолжай.

– Мы оба знаем, что карьеристы вроде Рудольфа мало переживают, орудуя с официальной санкции. Они слишком наслаждаются, колошматя людей по башке дубинкой своей власти.

– Не знаю насчет всех, – усомнилась Мёрфи, – но Рудольф именно такой, чтоб ему пусто было.

– Угу. Так вот, на этот раз он весь издергался от раздражения и нетерпения. Я бы сказал, от отчаяния. – Я поведал ей, как он вел себя вообще и, в частности, у меня дома и при допросе в конторе. – Тилли сказал, что Рудольф из кожи вон лез и лгал, не стесняясь, только бы натравить ФБР на меня.

– Ты ему веришь? – спросила Мёрфи.

– А ты?

Она пожала плечами:

– Туше. Но из этого еще не следует, что кто-то использует Рудольфа в своих целях.

– Думаю, использует, – сказал я. – Он действует без полного одобрения начальства. Его явно подталкивает кто-то другой – кто-то, кого он боится... Отсюда и нервозность, и спешка.

– Что ж, может, и так, – согласилась Мёрфи. – Только за-

чем он все это делает?

– Кто-то очень хочет сделать так, чтобы я не участвовал в поисках Мэгги. С этой целью на меня и натравили Рудольфа. Потом, когда Тилли меня отпустил, они перевели события на следующий уровень и попытались убрать меня прямо у выхода из ФБР.

При упоминании о покушении голубые глаза Мёрфи сделались совсем ледяными.

– Как они смогли так быстро выдвинуть кого-то к нужному месту?

Я попробовал сложить все это у себя в голове.

– После того как Тилли выставил Рудольфа из кабинета, я оставался там сравнительно недолго. Минут десять, максимум пятнадцать. Вполне достаточно времени для того, чтобы позвонить, доложить о провале, а его нанимателю – послать убийцу, ты не считаешь?

Мёрфи тоже подумала и медленно покачала головой:

– Только если они находились очень, очень близко и двигались со скоростью хорошо смазанной молнии. Но... Гарри, очень уж спокойно в тебя стреляли, слишком гладко для того, кого бросили в бой в самый последний момент.

Я нахмурился, а потом мы оба замолчали, когда к нашему столу подошел Мак и поставил пару маленьких бутылочек коричневого стекла. Мак худощав, лыс, и я ни разу не видел его одетым иначе чем в темную одежду и белоснежный, без единого пятнышка передник. Мы поблагодарили его, и он

отошел.

– Ладно, – сказала она и отхлебнула из горлышка. – Возможно, наниматель Рудольфа держал убийцу на месте зараннее. В качестве предосторожности на случай, если ты сумеешь освободиться, несмотря на все усилия.

Я покачал головой:

– Логичнее было бы, если бы убийца ждал у входа в здание, чтобы убрать Рудольфа, как только тот исполнит свою роль. Кем бы ни являлся наниматель, он в любом случае не мог не принять мер предосторожности: убрать из цепи одно звено, чтобы ничто не могло привести к тому, кто заказывает музыку. Только когда Руди позвонил и сообщил, что ему не удастся удержать меня за решеткой, они дали стрелку приказ сменить цель.

Из чего следовало... что я получил три пули, предназначенные для Рудольфа.

– Гарри? – окликнула меня Мёрфи. – Чего это ты ржешь?

– Так, шутку одну вчера услышал, – хрюкнул я. – А сейчас дошло.

Она нахмурилась:

– Тебе нужно отдохнуть. Вид у тебя как из преисподней. Ты достаточно устал, чтобы тебя на хихиканье пробило.

– Чародеи не хихикают, – возразил я с некоторым трудом, потому что задыхался. – Это так, кашель.

Она вопросительно покосилась на меня и сделала еще глоток пива. Она ждала, пока я отсмеюсь достаточно, чтобы

вновь обрести способность говорить.

– Выяснил что-нибудь про Мэгги?

– Вроде того, – ответил я, сразу протрезвев. – Мне кажется, я знаю, где она будет через несколько дней. – Я рассказал то, что нам удалось узнать о намерениях графини, опустив все, что касалось моих собственных нарушений закона вроде кражи, незаконного проникновения и вандализма. – В общем, как раз сейчас, пока я с тобой разговариваю, все связываются со своими источниками в Мексике.

– Сьюзен? – спросила она.

– И отец Фортхилл, – добавил я. – Надеюсь, вдвоем они смогут выяснить, что происходит в Чичен-Ице.

Мёрфи кивнула.

– Как она держится? – поинтересовалась она как бы невзначай.

Я сделал еще глоток из бутылки.

– Она считает, что Молли ко мне неровно дышит.

– Ух ты! – фыркнула Мёрфи. – Должно быть, ей потребовались все ее вампирские суперспособности, чтобы догадаться об этом.

Я уставился на нее.

Секунду она молча смотрела на меня, потом закатила глаза:

– Да ладно, Гарри. Правда? Ты что, действительно ни сном ни духом?

– Э-э... – пробормотал я, продолжая тупо на нее тара-

щиться. – Ну да.

Мёрфи ухмыльнулась, глядя на свою бутылку.

– Как-то всегда неожиданно наткаться на одну из твоих слепых зон. У тебя их немного, но те, что есть, в ширину не меньше мили. – Она покачала головой. – Кстати, ты так и не ответил на мой вопрос.

Я кивнул:

– Сьюзен в неважном виде. Это мягко говоря – все из-за вампирских штук.

– Не знаю, Гарри. Судя по тому, что ты говорил, не думаю, чтобы тебе надо было искать в этом что-либо свыше материнских переживаний.

– Возможно, – согласился я. – Так или иначе, она на пределе.

– Как и ты, – заметила Мёрфи.

Я насупился:

– Чего?

Она выгнула бровь и невозмутимо встретила мой взгляд.

Я начал уже сердиться на Мёрфи, но все же заставил себя подумать над ее словами.

– Правда?

Она медленно кивнула:

– Ты не заметил, что последние пять минут притопываешь левой ногой?

Я насупился еще сильнее, но опустил взгляд на ногу. Та отбивала по полу довольно бойкий ритм – аж мышцы начи-

нали уставать.

– Я... нет.

– Я твой друг, Гарри, – тихо напомнила она. – И я говорю тебе, что вот прямо сейчас ты тоже не совсем в себе.

– Моего ребенка собираются убить монстры, Мёрф. Может, сегодня ночью; может, завтра. Скоро. У меня нет времени оставаться психически здоровым.

Мёрфи снова кивнула, потом вздохнула, как вздыхает человек, сбросивший с плеч непосильную ношу.

– Так что? Чичен-Ица?

– Похоже на то.

– Клево. Когда будем нападать?

Я покачал головой:

– Мы не можем налететь на них, как в вестерне. Они просто в пыль нас разотрут.

Она нахмурилась:

– Но Белый Совет...

– Совет с нами не выступит, – перебил я ее, не сумев скрыть досаду. – А что до твоего вопроса... Мы пока не знаем точно, когда состоится ритуал. Мне нужно добыть побольше информации.

– Рудольф, – задумчиво произнесла Мёрфи.

– Рудольф. Кто-то, кто замешан в этом деле – возможно, кто-то из Красных, – использует его. Я намерен отыскать этого «кого-то» и совать ему по носу до тех пор, пока он не выплюнет чего-нибудь, что я мог бы использовать.

– Мне кажется, я и сама не прочь потолковать с Рудольфом. Начнем каждый со своего конца и встретимся где-нибудь посередине, а?

– Вполне себе неплохой план действий.

Я помахал Маку и изобразил пантомиму с невидимым сэндвичем в руках, а потом и в зубах. Он кивнул и взглянул на Мёрфи.

– Ты тоже хочешь сэндвич с говядиной? – спросил я.

– Мне казалось, у тебя нет времени оставаться психически здоровым.

– Нет, – согласился я. – Но оставаться голодным тоже нет времени.

Глава 24

– Как полицейский детектив смог позволить себе такое? – спросила Молли.

Мы сидели в «Голубом жучке» на тихой улочке жилого квартала в Крествуде. Время близилось к вечеру, небо набухло низкими облаками. Вдоль улицы выстроились дома, как на подбор, внушительного размера. Пожалуй, дом Рудольфа, адрес которого дала мне Мёрфи, был мельче остальных, но ненамного. А еще задним фасадом он выходил прямо на лесопарк графства Кук, и сочетание леса и старых деревьев на участках придавало району уютный, пасторальный характер.

– И не мог бы позволить, – вполголоса ответил я.

– Вы хотите сказать, он нечист на руку? – уточнила Молли.

– Возможно. А может, просто его семья богата. Или, возможно, он набрал кредитов под завязку. В том, что касается покупки домов, люди часто ведут себя как последние идиоты. Переплачивают лишнюю четверть миллиона только за престижность квартала. Или покупают дом, за содержание которого заведомо не смогут платить. – Я покачал головой. – Надо бы вообще заставить их проходить тест на зачатки здравого смысла, прежде чем делать им предложение.

– А что, может, это и неглупо. Всем хочется, чтобы дом не просто был кровом, но и означал что-нибудь. Может, эти деньги, что они переплачивают, придают дому больше веса?

Я поморщился:

– Я бы предпочел, чтобы мне веса придавали... Ну, скажем, древний могильник под бассейном, или если бы я построил все собственными руками, или еще что-нибудь такое.

– Не все так равнодушны к мишуре, как вы, босс, – заметила Молли. – Может, для них важно сознавать эту избыточную стоимость своей недвижимости.

– Все равно глупо, – буркнул я.

– С вашей точки зрения – да, – согласилась Молли. – Тут все дело в точке зрения.

– А с точки зрения нуждающихся, эта лишняя четверть миллиона баксов, потраченных на престиж, представляются чертовой уймой жизненно необходимых пищи и лекарств,

которые могли бы достаться людям, если бы извращенец со здоровенным особняком в пригороде не выбросил их на ветер, пытаясь компенсировать микроскопический размер собственного мужского достоинства.

– Ха, – скептически хмыкнула Молли. – И их дома куда симпатичнее вашего.

– Ну, возможно, – неопределенно протянул я.

Лежавший на заднем диване Мыш негромко заворчал во сне, и я, повернувшись, почесал его за ушами, пока он снова не успокоился.

Молли молчала почти целую минуту, прежде чем подать голос:

– Что мы еще можем делать?

– Кроме как тихо сидеть и ждать? – переспросил я. – Это наблюдательный пост, Молли. То, чем ты сейчас занимаешься, – это дозор.

– Наблюдательный пост – отстой, – заявила Молли и выпятила нижнюю губу, чтобы сдуть упавшую на глаза прядь волос. – Как так получается, что этим не занимается Мёрфи? И почему мы не предпринимаем никаких магических штук?

– Мёрфи отслеживает перемещения Рудольфа на работе, – ответил я. – Я наблюдаю за его домом. Если его наниматель действительно хочет убить его, это самое логичное место для засады.

– А магией мы не занимаемся потому, что...

– А что бы предложила ты?

– Поисковые заклятия на Рудольфа и на Мэгги, – без колебаний ответила она.

– У тебя есть кровь Рудольфа? Или волосы? Может, обрезки ногтей?

– Нет, – призналась она.

– Выходит, его заклятием не отследить.

– Но как насчет Мэгги? – не сдавалась она. – Знаю, знаю, у вас нет ее волос и ничего такого, но меня-то вы однажды нашли с помощью маминой крови. Разве нельзя попробовать то же самое с вашей кровью?

Я несколько раз вдохнул-выдохнул по возможности ровнее, чтобы не пропустить в голос нотки досады.

– Первым же делом попробовал. Сразу же, как положил трубку, поговорив со Сьюзен.

Молли нахмурилась:

– И не вышло? Почему?

– Не знаю, – признался я. – Может, потому, что тут все сложнее, чем прямое кровное родство. Возможно, для успешной работы поискового заклятия нужно, чтобы помимо голый генетики ребенок и родитель ощущали какую-то семейную общность, – это может усиливать эффект заклятия. А возможно, Красные используют какую-то магическую блокировку поисковых заклятий – одному Богу известно, чему они научились за годы этой войны. – Я устало покачал головой. – А может, дело просто в расстоянии. Я еще ни разу

не пытался отыскать что-то на расстоянии больше пары сотен миль. Я слышал о заклятиях с радиусом действия дальше пары тысяч миль, но не от тех, кто проделывал это сам. Не думай обо мне так плохо, Кузнечик. Разумеется, я пытался. Стал бы я иначе тратить полдня на обзвон своих информаторов?

– О... – протянула Молли. Вид у нее сделался несчастный. – Угу. Извините.

Я вздохнул, откинулся на подголовник и закрыл глаза:

– Да ничего. Это ты извини, детка. Просто я взвинчен немного.

– Совсем немного, – кивнула она. – Гм... А нам обязательно сидеть вот так у всех на виду? Я хотела сказать, почему мы не прячем машину или еще что-то в этом роде?

– Угу, – подтвердил я. – Нам нужно держаться на виду.

– Зачем?

– Я прикрою глаза, ладно? – сказал я вместо ответа. – Совсем ненадолго. Побудь начеку, хорошо?

Она опасливо покосилась на меня, но послушно кивнула:

– Хорошо.

Я закрыл глаза, но не прошло и полутора секунд, как Молли дернула меня за локоть:

– Гарри, проснитесь. У нас гости.

Я открыл глаза и обнаружил, что хмурый день сменился ранними сумерками. Глянув в зеркальце заднего вида, я заметил тормозивший у тротуара белый спортивный автомо-

биль. Водитель выключил ближний свет и вышел из машины.

– Долго же он добирался, – буркнул я.

Молли хмуро покосилась на меня:

– О чем это вы?

– Это я назначил ему встречу здесь. Не знал, где его искать.

Молли уставилась в заднее окошко, и даже Мыш поднял голову, чтобы оглядеться по сторонам.

– О! – сообразила Молли, а хвост Мыша неуверенно хлопал по спинке дивана.

Я выбрался из машины и пошел навстречу единоутробному брату. Вампиру.

Мы с Томасом можем служить образцом контраста. Я ростом в шесть с полтиной футов и худ как щепка. Томас чуть ниже шести футов и просится на обложку журнала по фитнесу. У меня волосы темно-каштановые, и последнее время я стригу их коротко с боков и сзади, чуть длиннее сверху. Даже так они имеют тенденцию сбиваться на любую сторону спустя несколько минут после того, как я пройду по ним расческой. У Томаса волосы черные, от природы волнистые, до плеч. Как правило, я одет в джинсы, футболку и свой любимый черный кожаный плащ. Томас в этот раз облачился в сшитые на заказ белые кожаные штаны, белоснежную шелковую рубашку и плотный шелковый пиджак, тоже белого цвета, украшенный замысловатой вышивкой. Такие

лица, как у него, обыкновенно видишь на рекламных щитах. Как у меня – на объявлениях типа «разыскивается...».

При этом у нас одинаковый контур подбородка, да и глаза схожи – если не по цвету, так по форме. Это у нас от мамы.

Мы с Томасом познакомились уже взрослыми. Он был со мной во многих самых страшных местах, куда меня заносило. Он не раз спасал мне жизнь. Я платил ему тем же. Это происходило тогда, когда он решил бороться со своим Голодом, вампирской природой, присущей вампирам Белой Коллегии. Он потратил годы на то, чтобы контролировать свои темные побуждения, влиться в общество Чикаго и вообще пытаться вести себя как человек. Нам приходилось держать наше родство в секрете. Белый Совет, узнай он о нашей тайне, использовал бы Томаса, чтобы добраться до Белой Коллегии. То же самое сотворили бы Белые вампиры, постаравшись добраться до чародейского Совета через меня.

Потом с Томасом случилось нечто плохое, и он перестал пытаться быть человеком. Возможно, я видел его в общей сложности две или три минуты с тех пор, как он перестал сдерживать себя и снова начал сполна утолять свой Голод.

Томас с важным видом подошел ко мне, как будто мы виделись только вчера, и оглядел меня с ног до головы:

– Тебе явно необходим имиджмейкер, братишка.

– Знаешь что? Ты дядя, – сообщил я.

Томас негромко рассмеялся, слегка запрокинув голову:

– Что? Нет, вряд ли это возможно, разве только если кто-

нибудь из бастардов отца действительно выжил. Чего, по сути, просто не может...

Он замолчал на полуслове, и его глаза расширились.

– Да, – сказал я.

– О... – сказал он, застыв от неожиданности с широко открытыми глазами. Это смотрелось немного жутковато. Человеческие существа, даже перестав двигаться, выглядят как люди. Томас с его бледной кожей и ярко-голубыми глазами, замерев, поразительно напоминал статую. – О...

Я кивнул:

– Скажи «масленка».

Томас моргнул:

– Что-что?

– Тогда стопроцентно сойдешь за Железного Дровосека.

– Чего-о?

– Ладно, проехали. – Я вздохнул. – Слушай, в целом так. У меня есть восьмилетняя дочь. Сюзен мне о ней прежде не говорила. Ее похитила графиня Арианна.

– Гм... – сказал Томас. – Знай я об этом, может, добрался бы быстрее.

– Я не мог ничего рассказать по телефону. Тут припутались полиция с ФБР, их используют в качестве помехи. – Я мотнул головой в сторону дома, за которым наблюдали мы с Молли. – Коп, живущий в этом доме, снюхался с теми, кто пытается мне навредить. Я тут сижу, чтобы отловить либо его нанимателя, либо того, кому поручено его убрать, и вы-

нуть из него максимум возможной информации.

Томас посмотрел на меня:

– Я дядя.

Я провел ладонью по лицу.

– Извини, – сказал он. – Я-то думал, ты звал меня просто поболтать – ну там, как тебя огорчает, что со мной сделала Белая Коллегия. Мне нужно собраться с мыслями.

– Собирайся быстрее, – проворчал я. – Время на счетчике.

Томас несколько раз задумчиво склонил голову и, похоже, взял себя в руки.

– Ладно. Значит, ты ищешь... Как ее зовут?

– Мэгги.

Брат застыл на пару секунд и коротко кивнул:

– Хорошее имя.

– Сюэзен так и решила.

– Выходит, ты ищешь Мэгги, – сказал он. – И тебе нужна моя помощь.

– Не знаю точной даты, но ее должны доставить в Чичен-Ицу. Возможно, сегодня, самое позднее завтра.

– Зачем? – удивился Томас. – И какое это имеет отношение ко мне?

– Ее собираются принести в жертву, чтобы навести порчу на весь наш род, – объяснил я. – Когда ее убьют, заклятие убьет сначала ее братьев и сестер, потом родителей, потом их братьев и сестер и так далее.

– Постой-ка. У Мэгги еще и братья с сестрами есть? Гля-

жу, ты тут не терял времени зря.

– Да нет же, чтоб тебя! – буркнул я с досадой. – Я просто объяснял, как действует родовая порча.

Брови его поползли вверх.

– Ох, черт! Ты хочешь сказать, эта штука и меня убьет?

– Именно это я и пытаюсь тебе, черт подери, втолковать. Тебя тоже.

– Гм, – пробормотал Томас. – Я решительно против. – Глаза его снова округлились. – Постой. А что с остальными Рейтами? Им что, тоже угрожает опасность вместе со мной?

Я покачал головой:

– Точно не знаю.

– Голод мне в глотку! – выругался Томас. – Ладно. Тебе известно, где она будет находиться. Ты хочешь, чтобы я седлал коня и помог тебе вернуть Мэгги, как в тот раз мы сделали это с Молли?

– Нет, если только не останется другого выбора. Что-то я сомневаюсь, чтобы нам удалось пережить открытую атаку на Короля Красных на его же поле.

– Нет, конечно, у нас двоих шансов никаких. Но с поддержкой Сове...

– Никакой поддержки, – перебил я, охрипнув от гнева. – Они так рвутся поддержать нас, что их за версту не разглядеть.

Глаза моего брата вспыхнули от ярости.

– Вот уроды!

– Поддерживаю предыдущий комментарий, – кивнул я.

– Тогда что нам делать?

– Мне недостает информации, – признался я. – Добудь мне все, что сможешь. Все про любую активность в Чичен-Ице и вокруг. Вдруг кто-нибудь видел маленькую девочку в окружении Красных... все, что угодно. Наверняка найдется что-нибудь, что поможет отыскать уязвимое место в их броне. Если бы нам удалось узнать, где они ее держат, мы могли бы напасть на это место. Или если бы мне удалось вдруг узнать, какой магией они это место обороняют, может, я мог бы пробить в ней брешь, чтобы сцапать девочку и унести ноги. В противном случае...

– В противном случае, – договорил Томас, – нам придется атаковать их в Чичен-Ице. Что западло.

– Не то слово – западло. Расподлейшая заподлянка.

Томас нахмурился:

– А что, если позвать на помощь Лару? А она могла бы набрать подкреплений у других кланов Коллегии.

– С какой стати ей помогать мне? – поинтересовался я.

– Из самосохранения. По этой части она сильна.

Я хмыкнул.

– Не уверен, что опасность угрожает кому-либо из остальных твоих родственников, – признался я.

– Если ты не уверен, то и они тоже, – заметил Томас. – Во всяком случае, если ты этого не знаешь, Лара и подавно.

– Ну, на твоем месте я бы не слишком на это полагался.

Нет. И потом, если с этим явлюсь к ней я, она решит, что это я от отчаяния пускаю в ход уловки.

Томас сложил руки на груди:

– Что ж, возможно, это и не самое удачное предложение. Но ты не посмотрел на это с другой стороны.

– А?

Томас опустил руки и снова поднял их на манер Ванны Уайт, оглашающей буквы с барабана телевикторины.

– Одно не подлежит сомнению: мне угрожает опасность. Она захочет мне помочь.

Я смерил его скептическим взглядом.

Томас пожал плечами:

– Я теперь играю в команде, Гарри. И это известно всем. Если она позволит, чтобы со мной что-либо случилось, когда я просил ее о помощи, это не понравится очень многим. Очень не понравится. Уверен, она ничего такого не захочет.

– Для того чтобы этот аргумент сработал, об угрозе должно быть известно как минимум остальной части Коллегии, – возразил я. – И они захотят узнать, почему это кровная порча, нацеленная на меня, угрожает тебе. Тогда все догадаются о нашей с тобой кровной связи, не только Лара.

С минуту Томас, нахмурившись, обдумывал услышанное, потом пожал плечами:

– И все-таки. Может, все же стоит попробовать обратиться к ней с этим. Ты же знаешь, моя сестра горазда на выдумки. – Лицо его вдруг сделалось подчеркнуто нейтральным. –

Особенно в том, что касается устранения препятствий. Возможно, она могла бы помочь тебе.

Обычно я отметаю такие предложения, даже не задумываясь. На этот раз...

На этот раз я задумался.

Лара знает Красную Коллегию, возможно, как никто другой. На протяжении многих лет она действовала совместно с ними. А еще она давно является закулисным правителем Белой Коллегии, заслуженно гордящейся мастерством шпионажа, шантажа, подкупа, совращения и прочих способов добиться цели скрытыми, непрямыми средствами. Если кто-то и знает о Красных больше других, так это Лара Рейт.

Счетчик продолжал тикать. Время, отпущенное Мэгги, истекло. Я не мог позволить себе быть привередливым.

– Я бы предпочел не делать этого, – тихо произнес я. – Мне нужно, чтобы ты поискал все, что сможешь, чувак.

– Что случится, если я не найду ничего?

– Если так... – Я покачал головой. – Если я ничего не сделаю, умрет моя дочка. И мой брат. Я не смогу жить с этим на совести.

Томас кивнул:

– Посмотрю, может, что и получится.

– Не смотри. Делай.

Это вышло у меня настолько жестко, что брат поморщился, пусть и едва заметно.

– Ладно, – кивнул он. – Давай...

Голова его резко повернулась в сторону дома Рудольфа.

– Что? – выдохнул я.

Он поднял руку, дав знак молчать.

– Стекло бьется, – пробормотал он. – Много стекла.

– Гарри! – крикнула Молли.

Я повернулся и увидел, как распахивается дверца «жучка», а из нее появляется Молли, обеими руками удерживающая за ошейник Мыша. Мой пес тоже смотрел в сторону дома Рудольфа, и в груди его kloкотал глухой булькающий рык, какой я слышал всего несколько раз – при встрече со сверхъестественными хищниками.

– Кто-то пришел за Рудольфом, – бросил я и ринулся вперед. – Бегом!

Глава 25

Примерно секунду, а может, даже полторы я являл собой крутого парня на острие атаки, а потом мои брат и пес оставили нас с Молли далеко позади. И ведь можно подумать, я не занимаюсь бегом на регулярной основе, да и Молли тоже, пусть и не так старательно. К тому моменту, когда я одолел половину расстояния, Томас с Мышом уже огибали дом, каждый со своей стороны, чтобы зайти с тыла.

– Исчезни, Кузнечик! – крикнул я, и Молли на бегу исчезла, спрятавшись за лучшей своей завесой.

У нас ушло еще четверть минуты на то, чтобы одолеть

остаток расстояния, а потом я обогнул дом вслед за Томасом. Свернув за угол, я увидел, что в большой стеклянной двери, ведущей с деревянного крыльца в дом, зияет огромная дыра. Откуда-то из глубины дома доносилось низкое, гулкое уханье, как от большого сабвуфера.

Одним прыжком я одолел ступеньки крыльца и едва не столкнулся с тучей осколков стекла, обломков дерева, пластика и сухой штукатурки, в которую превратился кусок стены рядом со мной. Я только-только успел сообразить, что снаряд, пробивший дырку в стене, – это мой брат, как что-то черное, огромное и стремительное проломилось сквозь стену, увеличив отверстие раз в пять.

Это «что-то» оказалось в паре шагов от меня, а я так и не успел затормозить. Все, что мне оставалось сделать, – это вытянуть руку и схватиться за перила в дальнем углу крыльца. Руку, правда, пришлось сразу же отдернуть: «что-то» разнесло перила в щепки взмахом длинного, неопределимо быстрого когтя. Гулкое уханье сделалось громче и чаще, и до меня вдруг дошло, что я слышу биение его сердца, громкое, как басовый барабан.

Я не тешил себя надеждой, что смогу удрать от столь быстрого существа. Нас с ним разделяло шага два или три, но оно мгновенно сократило дистанцию и метнулось мне в лицо.

Я отчаянно извернулся, выхватил жезл и выпустил в него огненный заряд, но оступился и упал. Огонь, правда, попал по назначению, но это помогло мне не больше, чем если бы

я швырнул в тварь резиновым утенком.

Я успел подумать, что мне конец, но тут на крыльцо вырвался из дома Мыш, окутанный бледно-голубым сиянием. Одним огромным прыжком он одолел разделявшее их расстояние и приземлился прямо промеж широких, причудливо ссутуленных плеч угрожавшей мне твари. Когти Мыша впились монстру глубоко в спину, а мощные челюсти сомкнулись на коротком загревке.

Тварь дернулась от боли, но не издала ни звука. Она навалилась на меня – конечно, напасть полноценно, клыками и когтями, Мыш ей помешал, но и одного ее веса, помноженного на скорость, хватило, чтобы у меня затрещали ребра, а ногу пронзила резкая боль.

Мыш опрокинул гадину на землю, терзая ее зубами, царапая когтями спину и вообще причиняя ей максимум боли. Вечерний воздух содрогался от его рыка, и при каждом рывке с его шерсти срывалось облачко голубого света.

По всем правилам, твари полагалось бы уже издохнуть, но этого ей, похоже, никто не сказал. Она извернулась, отскочила от земли как резиновый мяч, схватила Мыша за хвост и швырнула его вверх. Мыш описал в воздухе крутую параболу и врезался в землю с силой пудовой кувалды, взвизгнув от боли.

Не раздумывая, я вскинул жезл, закачал в него как мог больше Огня Души и с криком: «А ну не трожь мою собаку!» – разрядил в гадину.

Струя белого огня сорвалась с конца жезла и полоснула по твари от бедра до затылка, воспламенив ее плоть. Тварь снова беззвучно содрогнулась от боли, и барабанная дробь ее пульса сделалась еще чаще. Гадина упала и задержалась на земле, оставив в покое Мыша.

Я попытался встать, но больная нога отказывалась держать меня, а от внезапно навалившейся слабости руки повисли плетями. Я так и лежал, задыхаясь, не в силах пошевелиться. Мыш, пошатываясь, поднялся на ноги; язык вяло свешивался из его пасти. За спиной у меня кто-то застонал, и, с трудом оглянувшись, я увидел сидевшего с вывернутым под неестественным углом плечом Томаса. От модного прикида остались одни лохмотья, из живота – рядом с пупком – торчала какая-то железяка, а половину лица сплошь заливала кровь, слишком бледная для человеческой.

– Томас! – крикнул я. Или сделал попытку крикнуть. Какая-то странная акустика была здесь, в невидимом туннеле, в котором я вдруг оказался. – Вставай, чувак!

Он посмотрел на меня пустым, оглушенным взглядом.

Тварь тем временем дергалась уже медленнее. Я повернулся и увидел, что она успокаивается, пульс снова делается ровнее. Теперь я смог наконец разглядеть ее получше.

Размером она не уступала хорошему быку, и пахло от нее соответственно. Впрочем, последнее, возможно, потому, что я ее немножко пережарил. Причудливая форма тела намекала на то, что она способна с равной легкостью передвигать-

ся как на двух, так и на четырех конечностях. Черной кожей она смахивала на Красного вампира в истинном своем облике, а голова напоминала одновременно человечью, кошачью – не домашней киски, а ягуара или пумы, – а может, еще и крокодилю... или кабанью. И все на ней – и глаза, и язык, и весь рот – имело эту же угольно-черную окраску.

Несмотря на все, что я только что с ней проделал, она начинала снова подниматься.

– Томас! – крикнул я. Или прохрипел.

Тварь тряхнула головой, и взгляд ее мертвенно-черных глаз уперся в меня. Она двинулась ко мне, задержавшись только для того, чтобы отшвырнуть в сторону оказавшуюся у нее на пути мою оглушенную собаку. Мышь приземлился бесформенной грудой – он явно пытался удержать равновесие, но не смог.

Я поднял жезл, нацелил его в надвигающуюся тварь, но сил у меня хватило лишь на тонкую струйку дыма, не более того.

Тут из ниоткуда прилетел камень и врезал твари по морде.

– Эй! – послышался голос Молли. – Эй, Капитан Асфальт! Смоляное Чучелко! Ау!

Мы с гадиной разом повернулись на голос и увидели Молли, стоявшую на виду ярдах в двадцати от нас. Она швырнула еще камень, и тот ударил монстра в широкую грудь. Барабанный бой его сердца снова участился и сделался громче.

– Ну давай, красавчик! – выкрикнула Молли. – Давай по-

играем! – Она повернулась к твари боком, до ужаса развратно повела бедром и хлопнула себя по заднице. – Что, слабо?

Тварь напряглась и с потрясающей быстротой метнулась к ней.

Молли исчезла.

Тварь грянулась о землю в том месте, где только что стояла Молли, и выставленные вперед лапищи, сжатые в подобие кулаков, зарылись в землю на добрых восемь дюймов.

Послышался издевательский смех, и еще один булыжник, прилетев откуда-то слева, ударил в тварь и отрикошетил в сторону. Гадина в ярости бросилась в том направлении – и Молли снова исчезла. И она снова отвлекла на себя тварь камнем и несколькими ужимками, чтобы снова исчезнуть.

Правда, с каждым разом она оказывалась все ближе к чудищу – слишком быстро тот перемещался. Но при этом она уводила его все дальше от нас троих. Пару раз Молли даже выкрикнула:

– Торо! Торо! Оле!

– Томас! – окликнул я. – Вставай давай!

Брат несколько раз моргнул, постепенно все живее и осмысленнее. Потом провел рукой по окровавленному лицу, с силой мотнул головой, чтобы стряхнуть кровь с глаз, и опустил взгляд на металлический стержень, торчавший у него из живота. Взялся за него рукой, поморщился и медленно вытащил. Железяка оказалась на поверку шестидюймовой стальной скобой, какой крепят деревянные брусья, –

судя по всему, из стены, сквозь которую он пролетел. Томас со стоном уронил железяку на землю, и глаза его на мгновение закатились.

Я видел, как его второе «я» берет верх. Кожа его сделалась еще бледнее; казалось даже, будто она начинает светиться. Дыхание выровнялось мгновенно, а кровоточивший порез на лбу стал быстро затягиваться. Он открыл глаза, и цвет их сменился с ярко-голубого на голодный серебристый.

Томас легко вскочил на ноги и взглянул на меня:

– У тебя кровь идет?

– Не, – мотнул головой я. – Я в порядке.

В нескольких футах от нас Мыш тоже поднялся на ноги и отряхнулся, звякнув медальонами. Молли скрылась за углом дома, откуда почти сразу послышался оглушительный грохот.

– На этот раз будем действовать с умом, – сказал Томас, обращаясь не ко мне, а к Мышу. – Я пойду первым и отвлеку его. А ты хватай его за сухожилия. Похоже, надо покалечить ему не меньше двух конечностей, чтобы обездвижить по-настоящему.

Мыш одобрительно гавкнул, издал раскатистый рык, и вокруг него снова сгустилось неяркое голубое свечение.

Томас кивнул, нагнулся и подобрал обломок разбитого крыльца – брус четыре на четыре дюйма, длиной ярда в полтора.

– Не парься тут, Гарри, – сказал он. – Мы быстро.

– Вперед, команда Дрездена! – прохрипел я.

Они рванули с места и скрылись из вида, за секунду развив скорость гепарда. Я услышал, как Томас испустил боевой клич, довольно неплохо имитирующий Брюса Ли, а следом за этим – треск дерева, ударившегося обо что-то твердое.

Секунду спустя свой боевой рык издал Мыш. А потом за домом замерцали разноцветные вспышки – это Молли отвлекала внимание гадины своей световой магией. Физического вреда гадине это причинить не могло, а вот ослепить – запросто; Молли здорово наловчилась устраивать всякие световые и шумовые эффекты. Она называла это «рейв-пати-заклятием», и на последний День независимости устроила на заднем дворе у родителей такой фейерверк, что на соседней магистрали собралась большая пробка из глазающих водителей.

Очень мне не нравилось валяться, скрючившись от боли и довольствуясь лишь отзвуками и отсветами кипевшего за домом боя. Я снова попробовал опереться на ногу, но безуспешно. Поэтому я остался лежать, стараясь не потерять сознание и дышать не слишком глубоко. Гадина определенно сломала мне как минимум одно ребро.

Именно в этот момент я заметил две пары горящих красных глаз, смотревших на меня из леса с безошибочно узнаваемой пристальностью хищника. Глаза медленно, бесшумно, но неумолимо приближались.

До меня вдруг дошло, что все, кто мог бы мне помочь,

вроде как заняты другим.

– Ох! – выдохнул я. – Ох, мать-перемать!

Глава 26

Глаза рванулись ко мне, а потом что-то темное и твердое с силой врезало мне по челюсти. Я и без того находился на грани обморока. Удара хватило, чтобы вырубить меня окончательно.

Я смутно осознавал, что меня поднимают и закидывают на плечо. Потом меня тошнотворно быстро понесли куда-то. Это продолжалось достаточно долго для того, чтобы меня успело стошнить. Сил у меня, правда, не хватило даже на то, чтобы постараться попасть в похитителя.

Примерно вечность спустя меня бросили на землю. Я лежал неподвижно, надеясь убедить моего похитителя, что я едва в сознании и слаб, как котенок. Это оказалось несложно, потому как я таким и был. Актер из меня, как правило, никудышный.

– Не нравится нам это, – произнес женский голос. – У его силы нехороший запах.

– Надо терпеть, – возразил мужской голос. – Это может быть хороший трофей.

– Оно нас подслушивает, – заметила женщина.

– Мы знаем, – ответил мужчина.

Я услышал мягкие шаги, приглушенные толстым слоем

хвои, и женщина заговорила снова, на сей раз тише. В ее голосе звучал явственный оттенок Голода.

– Бедное создание. Такое израненное. Давай мы его поцелуем, и оно уснет. Это было бы милосердно. И *он* будет нами доволен.

– Нет, любовь моя. *Он* будет нами удовлетворен. Это не одно и то же.

– Разве мы не поняли уже одного простого факта? – едко парировала она. – Никогда *он* не представит нас Кругу, сколько бы трофеев мы ни принесли Коллегии. Мы чужие, незванные гости. Мы не из первых Майя.

– На протяжении вечности многое может измениться, любовь моя. Мы будем терпеливы.

– Ты хочешь сказать, *он* может пасть? – Она испустила очень неприятный смешок. – Тогда почему мы не добиваемся расположения Арианны?

– Об этом лучше не думать, – решительно возразил он. – Если мы будем думать об этом слишком часто, *он* может узнать. *Он* может покарать. Мы ведь понимаем?

– Понимаем, – без энтузиазма согласилась она.

А потом чьи-то крепкие как сталь пальцы схватили меня за плечо и перевернули на спину. Надо мной шли кругом темные силуэты деревьев – только эти черные фигуры на фоне подсвеченного чикагскими городскими огнями небосклона.

Впрочем, даже этого света пусть с трудом, но хватало,

чтобы разглядеть бледные, тонкие черты женщины ростом с ребенка. Нет, правда, роста в ней было четыре фута с половиной, хотя пропорции тела у нее соответствовали взрослому человеку. Светлая, очень светлая кожа, россыпь бледных веснушек – на вид я дал бы ей лет девятнадцать. Еще ее отличали светло-каштановые волосы, очень прямые, и очень, очень необычные глаза. Один светлый, голубой как лед, второй – темно-зеленый, и у меня почему-то сложилось впечатление, будто существо, скрывающееся за этими разномастными глазами, безумно.

Одежду ее составляли платье с длинными свободными рукавами и надетое поверх него подобие плаща, приталенное и без рукавов. При этом она оставалась босой – это я знаю точно, потому что она поставила босую ногу мне на грудь и наклонила голову посмотреть на меня:

– Мы опоздали. Смотри, оно начинает портиться.

– Вздор, – отозвался мужской голос. – Это идеально подходящий экземпляр. Смертным чародеям, любовь моя, положено быть израненными, но крутыми.

Я поднял взгляд и увидел второго говорившего. Этот оказался повыше, футов пяти с половиной ростом, с коротко стриженными рыжими волосами, черной бородкой и потемневшей, как бронза, кожей, словно от загара. Одежду он носил черную, шелковую, – казалось, он явился сюда прямоком с репетиции «Гамлета».

– Ага, – произнес я. – Вы, должно быть, Эстебан и Эсме-

ральда. Я слышал о вас.

– Мы знамениты! – прошипела маленькая женщина, улыбнувшись мужу.

Он смерил ее хмурым взглядом и вздохнул:

– Воистину, это мы. И здесь – дабы помешать тебе позволить Арианне исполнить ее замыслы.

Я даже моргнул от неожиданности:

– Что-что?

Эсмеральда пригнулась ближе, так, что ее волосы коснулись моих носа и губ.

– Может, у него уши сломаны. Если уши неисправны, может, нам стоит отделить их и отослать назад?

– Спокойствие, любовь моя, – сказал Эстебан. Он присел на корточки и посмотрел на меня. – Это не его вина. Он даже не подозревает, как Арианна манипулирует им.

– О чем это вы? – не понял я. – Послушайте, ребята, никто не хочет помешать Арианне сильнее, чем я.

Эстебан небрежно отмахнулся:

– Да-да. Похоже, оно полагает, что должно спасти свое отродье. Оно попытается отбить его – в самом сердце *его* королевства. В центре сплетения могущественных сил, равновесие которых оно может нарушить самыми разными способами.

– Как-то мелко оно для этого выглядит, – усомнилась Эсмеральда. – Это всего лишь искалеченный, грязный зверек.

Эстебан пожал плечами:

– Мы уже знаем, что внешность обманчива. Важно то, что прячется за ней. Ты со мной согласишься, израненный чародей?

Я облизнул пересохшие губы. Не могу сказать, чтобы мне особенно хотелось полемизировать с парой сумасшедших вампиров, но из всех возможных путей этот, возможно, представлялся лучшим. Все, кто прожил достаточно долго, относятся ко времени без особого почтения, – во всяком случае, минута для них так, тьфу. А для проживших несколько тысяч лет и час не значит почти ничего. Если брату и его команде повезет в бою, не пройдет и нескольких минут, как они поймут, что я пропал. Вряд ли Ээбы успели унести меня настолько далеко, чтобы нас не унюхал Мыш, – а Мыш, насколько я знаю, способен распознать запах даже из космоса.

Говори с ними. Тяни время.

– Это, конечно, зависит от природы субъекта и наблюдателя, – ответил я. – Но если вы имели в виду метафору в ее простейшем понятии, тогда, пожалуй, да. Истинная природа любого отдельно взятого существа превосходит его зрительно воспринимаемую внешность в смысле значимости. – Я сделал попытку улыбнуться. – Должен признаться, мне нравится ваше обращение. Я ожидал чего-то совсем другого.

– Мы хотели съесть тебя и убить. Или, скорее, сначала убить, потом съесть, – улыбнулась в ответ Эсмеральда. Надеюсь, ее улыбка получилась безумнее моей. – И можем так и поступить.

– Уверен, в планах у вас что-то другое, – заметил я. – Вы явно хотите поговорить. А я более чем хочу вас послушать.

– Отлично, – кивнул Эстебан. – Мы рады, что ты в состоянии разумно взглянуть на интересующий нас вопрос.

– Какой именно вопрос интересует вас в первую очередь?

– Вопрос твоего вмешательства в план Арианны, – ответил Эстебан. – Мы желаем, чтобы ты прекратил свое вмешательство.

– С этим... возможны проблемы. Видите ли, если она сделает то, что собирается, это убьет меня и мать девочки.

Вампиры молча переглянулись, и выражения их лиц немного изменились. У меня сложилось впечатление, что они обменялись какой-то информацией.

Эстебан снова повернулся ко мне:

– Как ты узнал это, израненный чародей?

– Да уж узнал, – хмыкнул я.

– О-о-о, – протянула Эсмеральда. Она прижалась ко мне всем телом, оседлав мои бедра. Я почти не ощущал ее веса – настолько она была маленькая. Пахло от нее как-то неправильно. Словно формальдегидом и плесенью. – Он заносчив. Нам нравится заносчивость. Так сладко наблюдать, как заносчивый зверек покоряется. Тебе нравятся наши глаза, израненный чародей? Какой цвет нравится больше? Смотри, смотри внимательно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.